

Михаил Липарк

12+

Столкновение стихий
Касание Воды

Михаил Липарк

Касание Воды. Том 2

Серия «Столкновение стихий», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67380287

SelfPub; 2022

Аннотация

Неймерия на пороге войны. Владыки королевств севера, ведомые личными мотивами, созывают войска. Теперь странник из Даствгарда должен сделать сложный выбор – перестать бороться ради своих близких или идти до конца ради продолжения жизни на всем материке.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	23
Глава 2	44
Глава 3	78
Глава 4	113
Глава 5	144
Глава 6	171
Глава 7	206
Глава 8	245
Глава 9	295
Глава 10	351
Глава 11	379
Глава 12	412
Глава 13	441

Михаил Липарк

Касание Воды. Том 2

Пролог

– Налей пива, корчмарь... – Голос чужеземца был холоднее стужи, которую тот пустил внутрь помещения вместе с собой.

Корчмарь, ничего не ответив, скрылся в чулане за прилавком. Завьюженный с приходом гостя снег уже осел у порога и тут же оказался утоптан следующим посетителем до этого полностью пустовавшей корчмы.

– Ну, чего расходились, а? Коровник вам тут или чего? – ворчала старая подавальщица и с недовольным выражением лица прижимала дверь, чтобы как можно плотнее закрыть ее. Лишь вьюга на улице попыталась что-то ответить через небольшую щель протяжным завыванием, но тут же умолкла, когда прогалина усилиями старухи все-таки исчезла.

– Холодно как в аду, – заключил тот, что вошел следом за первым и оперся на прилавок. Содержимое его носа тут же оказалось на полу усилием грузного выдоха – палец оставил влажный след на деревянном почерневшем дереве.

– Как в аду? – спросил первый, уставившись во что-то перед собой, видимое только ему. – Я слышал, что там свиреп-

ствует пламя...

– Чепуха! Кто ж от жары-то больно изнемогает, а? Вот от холода... От холода и копыта откинуть можно, как пить дать! А тот, кто сказы эти про адское пламя выдумал, – пусть место себе одно там отморозит.

– Будь по-твоему. – Человек наконец повернулся и бросил взгляд из-под капюшона, показав два разных по цвету глаза – голубой и янтарный.

Неверующий расширил зенки, пошатнулся, а затем попятился к выходу, по пути спотыкаясь о расставленные в разных местах табуреты, по-видимому, мешавшие несколькими минутами ранее протирать полы. Дверь на улицу вновь распахнулась, запустив внутрь еще сотни снежинок, половина из которых растаяла еще прежде, чем долетела до пола. Подавальщица в который раз заворчала и принялась проделывать уже знакомое действие.

– Нет пива! – Корчмарь вышел из чулана и облокотился на прилавок. – Закончилось. Мёд есть. Надо?

Странник снял капюшон и вцепился взглядом в измученное морщинами лицо северянина.

– Неси. Я к огню сяду. Туда. – Он повернул голову в сторону стола, что стоял ближе остальных к очагу в центре зала.

Корчмарь пристально посмотрел в ответ, давая понять, что выпивку принесет, но путника здесь не жалуют и ему поскорее бы убраться восвояси. Гость едва заметно кивнул головой и двинулся к выбранному месту.

Еще на ходу странник снял успевший отсыреть плащ и, оказавшись возле стола, кинул его на самый край. Затем растегнул ремень на груди, опустив ножны на кучу бесформенной сейчас мокрой ткани – из твердой кожи виднелась рукоять меча, что была в виде обнаженной девы, держащей над головой миниатюрное солнце.

Огонь трещал в очаге, подкидывая искры высоко вверх, а затем пытался дотянуться до каждого выброшенного ввысь чада, словно жалея о проделанном поступке. Игра, которую пламя, по обыкновению, затеяло само с собой, стала интересна и страннику. Он снял перчатки, и его ладони нависли над горящими поленьями, наполняя бегущую по венам кровь теплом.

Снаружи продолжала гудеть метель, не оставляя ни единого шанса на спасение заблудшим в эту непогоду путникам. Старая подавальщица не уставала шоркать ногами по плохо промытому полу, бродя по помещению с какой-то понятной только ей целью, а корчмарь уже собственноручно нес выпивку гостю.

Вся голова северянина была гладко выбрита, а из затылка к земле, достигая самого его пояса, тянулся длинный заплетенный хвост – сухие рыжие волосы вперемешку с седыми торчали из косы в разные стороны. Борода корчмаря пушилась на подбородке, а размерами он превосходил странника и в росте, и в ширине плеч.

– Три сетима, – буркнул он, поставив кубок перед гостем,

и нахмурил брови.

Странник поднял взгляд с огня, достал монеты и положил на край стола.

– Тут еще сверху за хлопоты, – сказал он и потянулся обратно к очагу, принявшись вглядываться во что-то скрывающееся меж языков пламени.

– Ты это... – северянин замялся, убирая деньги в карман грязного фартука. – Не торопись, в общем. Чужаков тут не особо жалуют, это правда. К тому же... В свете последних событий... Но, как говорят, в такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит, – наконец уверенно произнес он и удалился.

Содержимое кубка странника таяло медленно, но верно под натиском немых мыслей Сарвилла и его затупленного о пламя взгляда. Когда кубок опустел вовсе, владелец заведения вернулся к столу с кувшином и еще одним кубком в руках.

– Можно?.. – Он дождался, когда гость сделает соответствующий жест, прежде чем сесть напротив. – Я Бернард.

Бернард наполнил оба сосуда до краев и поднял перед собой свой.

– Skål! – Он ударил своим кубком о кубок странника и жадно впился в сосуд губами.

Гость ответил на традицию и пригубил меда.

– Говорила ему... Говорила я ему... А он что? Эх... – подавальщица все время причитала, добравшись до табуретов

и расставляя их по своим привычным местам. – Вечно не слушает... Вечно у себя на уме... Эх...

– Как звать? – наконец заговорил корчмарь, не обращая внимания на старушку.

– Зови медведем. – Глаза гостя блеснули разными цветами.

Поленья в очаге не переставали трещать, изнемогая под жадной хваткой пламени.

– В такую стужу у нас здесь путников не бывает. – Бернард бросил многозначительный взгляд на меч, тонувший в изгибах скомканной ткани. – Далеко же занесло тебя, медведь...

Сначала никто не хотел продолжать разговор. Лишь старуха, расставляющая табуреты, разбивала ледяную тишину все еще живого и теплого помещения, тонущего посреди бескрайних верст мертвого снега.

– Стечение обстоятельств, – наконец произнес странник, подавая кубок хозяину в немой просьбе освежить его.

– Не говори, если не следует. – Мед полился из кувшина, с каждым мгновением побеждая пустоту, царившую внутри чаши. – Я и сам, когда попал сюда, не с большой радостью историю свою рассказывал. Местный конунг живьем бы за нее с меня шкуру спустил. А сейчас... Сейчас, спустя... Сколько же лет прошло? Двадцать? В любом случае побоку уже всем стало, кто я и чем раньше занимался.

Раздался грохот. Оба резко обернулись на него, увидев старуху, неаккуратно поднимающую табурет, видимо, вы-

скользнувший из ее слабых рук.

– Бернад, говоришь... – Медведь с интересом взгляделся в его покрытое морщинами лицо.

– Верно. Это сейчас мое настоящее имя.

– Расскажи, Бернад, свою историю. Глядишь, мне она окажется впрок. Помоги убить время.

Корчмарь внимательно посмотрел на гостя, словно пытаюсь уловить его искренний интерес к истории, который будто бы можно было узнать по каким-то особым признакам.

– Ты будешь вторым, после старой Григольды, кому я ее поведаю. – Он провел пятерней по густой бородке, втирая в нее остатки меда.

– Я сам не из этих краев, – начал он, не дождавшись реакции путника. – Холодно тут. Бездушно.

Странник кивнул и лишь теперь осознал, что, когда никто не говорил, здесь всюду царила тишина. Абсолютное безмолвие, огороженное бескрайними снегами и ледяным воздухом от остального мира. Лишь треск горящих поленьев пытался перебить ее, но все эти попытки были настолько жалкими, что никогда не спасали от одиночества местных жителей. Медведю захотелось встать и распахнуть дверь, чтобы внутрь ворвалось то бесчисленное множество звуков, которое обычно попадает в больших городах внутрь домов снаружи, но сегодня он понимал, что за порогом только свист метели и беспросветное покрывало спокойствия и тишины.

– Я родом из Южных Земель. Мой род один из самых

древних. Настолько древний, что при стечении определённых обстоятельств, – корчмарь нарочито сделал акцент на теперь важную фразу в их беседе, – корона моего отца переходила ко мне по наследству, а значит, рано или поздно мне было суждено предстать перед своим народом в качестве правителя. Да вот только душа у меня с раннего детства не лежала ни к чему, что к правлению какое-либо отношение имеет – советы, войны, судьбоносные решения... Тьфу!

Из чулана вышел кот и привлек внимание хозяина. Плавно перебирая лапами, он прошел полпути к северянину, потом вдруг остановился, вытянулся и принялся вылизывать себе то, что принято вылизывать только и исключительно у самих котов.

– Я был мечтателем. Одним из тех, что позорят своих отцов и готовы предать собственное имя ради мальчишеских глупых грез... – Корчмарь осекся, словно подловив самого себя на лжи. – Хотя кого я обманываю, я и сейчас убежден в том, что в мире есть гораздо более важные вещи, за пределами совершенно обычных человеческих проблем. Воля Богов совсем не в том, чтобы делить плодородные земли между собой, в надежде урвать как можно больше, дабы набить собственное чрево. Я расскажу тебе. Возможно, именно это понимание когда-то открыло мне глаза и привело туда, где я сейчас счастлив.

Странник кивнул. В эту минуту он не знал, куда торопиться и стоит ли вообще куда-нибудь, а корчмарь показался ему

до боли знакомой необычной личностью, чем-то напоминающей Лиану. «Чародейка также всегда отодвигала на задний план вещи, приобретшие обыденность и обросшие суккой», – подумал он.

– Ты только представь, сколько на свете прекрасного, медведь! Моря, горы, бескрайние поля, величественные замки... Ты видел, чем обростаёт почва в зависимости от условий, в которых она существует?! Она бывает сухая и распадающаяся на частицы, твердая и усыпанная белоснежным покрывалом мать-земля! И все это... Все это каждую минуту купается в тысяче звуков – пении птиц, задувании ветра, журчании воды и других таких неопишуемых возможностях нашего с тобой мира. Все это наполнено прекрасными ароматами, пусть и не всегда приятными нашим собственным ощущениям. И сколько может быть комбинаций этих красот, звуков и запахов? Ты думал? А я тебе скажу так. Разве можно умереть, так и не познав всех на свете комбинаций? Не почувствовав то, что будет единственно прекрасно для тебя одного и позволит уйти из этого мира с удовлетворением.

Странник слушал северянина и с разочарованием понимал, что за бытностью неотъемлемо важных дел давно перестал чувствовать то, о чем сейчас говорил корчмарь. А хуже всего, он не хотел этого даже сейчас, когда все осознал.

– Не надо, медведь. Не думай. Не это сейчас тебе нужно. Лучше выпей и не забивай голову, – предложил Бернард и после короткой паузы продолжил: – Однажды свели меня

Боги с капитаном одного морского судна – его звали капитан Граф, а корабль, на котором он плавал, носил такое имя, что мне тут же захотелось забыть обо всем на свете, взобраться на палубу и стать с этим судном одним целым. «Замок на волнах» носил он название. И вот сидим мы с капитаном в таверне, и он такие байки травит, что с каждой новой историей мне еще больше хочется предать все, что и не дорого мне вовсе, уплыв вместе с ним в новое приключение. Разгадывать тайны Вольных Городов, лицезреть завораживающие замки Дордонии, вглядываться в край земли, взобравшись на холмы Творса, продрогнуть до костей у Призрачных Гор, повстречать прекрасную эльфийку в Изумрудном лесу и плевать, что живым оттуда никто еще не возвращался! Клянусь Богами, перечислять можно до самой бесконечности. Тошно от одной мысли стало, что сейчас уплывет Граф в следующее приключение и вернется через время с новой историей, а я останусь сидеть в этой старой забытой никому не нужной книге со скучным и донельзя банальным сюжетом. Хотя вот он шанс! Иди и возьми, пока Гром не отнял его, как все остальное, что оказалось к нам недостаточно терпеливым.

– Уплыл, – заключил странник за корчмаря.

– Уплыл. Сам не помню, как набрался в стельку, а наутро проснулся, и все перед глазами раскачивается так, что не поймешь, то ли не проспался еще, то ли и в самом деле во-круг матросская каюта, а все шатается потому, что я на корабле и он уже режет волны на всех парусах. Ты пей, мед-

ведь, история долгая. Я сейчас еще принесу.

– И все, как всегда, оказалось не так, как задумывалось...
– проговорил странник, когда корчмарь вернулся с полным кувшином.

Северянин поставил сосуд между ними.

– Поднимаюсь по лестнице и оказываюсь на палубе «Замка». Матросы всюду бегают, солнце в морду печет, морем несет, и со всех сторон тишь да гладь. И знаешь что? Как только мутить меня стало от качки бесконечной и на коленях я у края борта проторчал добрых полдня, так сразу и понял, что приключения меня и не особо влекут, оказывается, и что в просторных уютных комнатах во дворце да с девицами под боком было куда лучше, чем посреди открытого моря в компании моряков, которые и читать-то не умеют.

– Я так понимаю, что сойти с корабля возможности уже не представилось?

– Не представилось. Куда там! Желаний моих больше никто не спрашивал. Нашел я капитана Графа на борту, а квартирмейстер его бумагу сует, в которой подпись моя стоит, и отныне согласно этой грамоте я у капитана на службе. Ну, я, не будь дураком, лист этот выхватил и принялся в клочья рвать, а уже через пару мгновений эти обрывки за бортом плавали.

Медведь вновь прильнул к кружке, уже догадываясь о том, что поступок был не из удачных.

– Только вот будь я мудрее для тех своих немудрых лет,

то сперва бы прочитал, о чем там говорится, а уже потом на всякие глупости сподоблялся...

Взгляд Бернарда упал на эфес меча незнакомца. Красивая фигура девы, держащей в руках солнце, заморозила старого корчмаря и повергла в задумчивость.

– Что же там было?

– А? – Корчмарь будто бы покинул свое тело и вернулся внезапно и резко, когда прозвучал вопрос. – Написано? Как я потом узнал, там говорилось о том, что корабль, на котором мы плыли, «свободный», а на борту «свободные», стало быть, люди – пираты то есть. Ну и меня после такой дерзости быстро за спесивый нрав в кандалы заковали и как можно глубже в трюм упрятали. Уж не сосчитать, сколько я потом там дней просидел, не понимая, почему сразу не убили и провизию на меня расходуют. Ведь о том, что я принц, никто не знал, а стало быть, намерения выкуп получить у них не было.

Тут надоедливая дверь корчмы вновь со скрипом отворилась, нарушив мирную беседу двух увлеченных разговором людей, и вырвала из полусна задремавшую за прилавком Григольду.

Внутри вошли четверо воинов. На их бедрах висели боевые топоры, широкие плечи накрывали шкуры разных оттенков, под подбородками вились пушистые ухоженные бороды, а башмаки, плотно подвязанные ремнями на икрах, несли на себе маленькие сугробы, не желающие быстро превращаться

в воду и утекать сквозь щели в старом деревянном полу.

– Конунг нас за странником прислал, Берnard, – сказал один из них и уронил руку на плечо чужеземцу. – Глянь на меня, незнакомец. Не ты ли тот, кого мы ищем?

Странник перевел глаза со своего меча, лежащего на столе, на вошедших воинов.

– Какое дело у конунга ко мне? Озвучьте – и я решу, требует оно срочности или ждет, пока кончу начатые.

– Ох уж эти южане. Им пока трепку не задашь, какую следует, так и будут вести себя как на родине – раздувать загорелые щеки и иметь на все свое собственное мнение, – громила обратился к товарищам, скинул на пол перчатки и принялся разминать посиневшие от холода пальцы.

– А ну, вон! – Берnard встал с места и нахмурил брови. Его лицо приобрело оттенок жестокости, а наружу показались шрамы, которых, странник готов был поклясться, не было заметно прежде.

– Ты чего, брат? У нас приказ от конунга, а значит, нарушить мы его не можем, сам знаешь. – Один из воинов поднял руку и показал ладонь в знак спокойствия.

– А вы его и не нарушите. – Берnard покачнулся и сел обратно. – Скажите, что я сам приведу гостя к вечеру. Искрад меня знает, я слов на ветер не бросаю. А если не устроит его ответ, то он лично сюда может явиться в любое время. Встреча так или иначе состоится. Верно, медведь?

Странник разжал ладонь и убрал с рукояти своего меча,

обхватив кружку.

– Я приду. Передайте, что явлюсь еще до заката. Даю слово.

Вороны за окном горланили, не позволяя тишине взять верх. Воины переглянулись. Тот, что был во главе, поднял перчатки и угрожающе прошипел:

– Мы вернемся после заката. Если в замке так и останется на одного обещанного гостя меньше... – Он сплюнул на пол и удалился, позвав за собой приятелей.

подавальщица закрыла дверь и смела рассыпанный снег в одну кучу.

– Сколько бы силы ни было в этом народе, я всегда убеждаюсь, что здравого смысла у северян еще больше, – заговорил Берnard, когда в корчме стало привычно тихо. – Наверное, потому людям в Холденфелле выжить и удастся в самых суровых условиях, когда любой другой народ давно бы сгинул с этих мест или передох тут вовсе.

Странник кивнул в знак понимания и благодарности за то, что корчмарю удалось решить все мирным путем и теперь ему не придется бежать оттуда, куда он так долго добирался. Сарвилл понимал, что ни при каких обстоятельствах не отказался бы от своей цели, но только сейчас, с холодной головой, осознал, что потерял бы все, сложись знакомство с северянами так, как в итоге не сложилось.

– Спасибо тебе, Берnard. – Медведь поднял кубок и сделал несколько больших глотков. – Продолжай свою историю.

Как все-таки удалось тебе с корабля выбраться? Пираты отпустили?

– Как же! Дальше началось самое интересное. Эти пираты оказались не теми, какими ты их знаешь – они не нападали на другие суда в открытом море, чего я, между прочим, очень ждал, в надежде на их поражение и то, что меня освободят и отправят обратно в Южные Земли. Через несколько дней моего заключения у меня появились соседи, так сказать – еще с десятков бедолаг, не знающих, что их ждет и что они тут делают. Потом еще дюжина. И еще. И так, пока весь трюм не оказался забит... рабами.

– Слышал. Говорят, до сих пор эти пираты на Вечные Воды ужас наводят, хоть с рабством на севере и покончили.

– До сих пор кончают. Север всегда умирал за свободу, а юг – за процветание рабства. Вот мы и имеем – те, кто свободны здесь, уплывают прислуживать туда при малейшей неосторожности. Чужакам, что на Расколотых Островах оказались, два пути: либо домой, откуда бы они ни были, либо в Южные Земли – служить тамошним господам. Несмотря на то, что закон здесь любые дела пиратов запрещает... – корчмарь грузно выдохнул. – Но на то закон и есть, чтобы иметь беззаконие для осмысленности своего же существования...

– Бездна! – прошипел странник, словно разочаровавшись в какой-то надежде, после слов корчмаря ставшей еще более призрачной.

– Понял я, что тебя в поисках чего-то так далеко занесло,

медведь, а теперь знаю, что не чего-то, а кого-то.

Путник промолчал.

– Не давай волю разочарованию. Два видимых пути всегда укрывают среди непроходимых дебрей еще несколько тернистых и ничего не исключających дорог.

Кот запрыгнул на стол и улегся на самом краю, ласкаясь о руку хозяина и мурча.

– А дальше я и совершил главную ошибку, которая закрыла мне путь на родину навсегда, – продолжил историю северянин. – Попросил аудиенции у капитана Графа. В чем мне, естественно, культурно отказали, и тогда я имел глупость признаться, что в моих жилах течет царская кровь. План заключался в том, чтобы меня вернули обратно за достойный выкуп – когда перспектива из обеспеченного будущего плавно переросла в перспективу рабства, то любые деньги мне стали уже не так важны, как свобода. Забавно, правда? Тогда буквально за несколько дней я поменял столько своих приоритетов, сколько не менял ни до, ни после этого.

Странник поморщился, он словно знал историю наперед и уже на собственном опыте испытал то, что произошло дальше.

– Как оказалось впоследствии, для капитана Графа репутация была премного выше золота, поэтому он лишь обрадовался достойному улову и повез нас дальше в Вольные Города – место, где прямо в порту устраивают аукцион и распределяют рабов среди новых владельцев, отправляя вместе

с ними восвояси...

– Выходит, ты видел Вольные Города своими глазами?

– Не обольщайся, медведь. Лишь порт. Но и от одного порта я был в таком восторге, что до сих пор готов отдать многое, чтобы вновь там оказаться. Но только не жизнь. Жизнь – слишком большая цена для всего, что недостойно ее. И ты тоже там побывал?

– Продолжай свою историю, пожалуйста... А то до моей еще доберемся.

До сих пор ошеломленный собственными воспоминаниями корчмарь ничего не ответил. Он ушел в чулан, какое-то время копошился там, а вскоре появился вновь, неся жареного поросенка на блюде, корочка которого обдавалась золотистым и отбрасывала клубы пара от своей горячей поверхности.

– Ешь, медведь.

Странник кивнул в знак благодарности и оторвал жирный кусок.

– Мой аукцион был самым шумным и долгим... – Бернард принялся рассказывать свою историю вновь после того, как они в задумчивом молчании съели треть поросенка. – После того как все рабы были распроданы – а сначала распродали именно всех остальных, чтобы собравшиеся в порту ситемы полностью не ушли в оплату за мою персону и сотни непроданных рабов не пришлось везти обратно. А знаешь, как бывает – если очень что-то нужно, то и лишнее золотишко все-

гда найдется. Поэтому, когда Граф представил меня всем собравшимся в порту торговцам, начался настоящий ажиотаж – все хотели занять в рабстве царевича. Одни желали получить за меня выкуп у царя в три раза больше, другие привезти обратно и получить место при дворе, третьи хотели качать из меня кровь, чтобы вывести из нее какие-нибудь чудесные зелья. Были и те, кто просто желал меня прирезать и обзавестись в обмен на мою смерть каким-нибудь наводящим ужас прозвищем вроде «убийцы королей» и тому подобных. Выиграли те, кто желал прирезать.

– Сейчас ты передо мной, выходит, что-то пошло не так... – словно не спрашивая, а пытаюсь догадаться, произнес странник.

– Желание тех, кто хотел вернуть меня в родной дом и получить за это целую гору золота, никуда не делось, поэтому практически сразу после аукциона в порту началась бойня. Капитан Граф немедленно забрал свои деньги вкуче с заслуженной репутацией, поднял паруса и уплыл за горизонт. А меня в конце концов отбили какие-то контрабандисты, затолкали в шлюпку и повезли на родину.

– А дальше?

– А дальше, как ты это называешь, произошло стечение обстоятельств. Не прошло и дня, как мы попали в сильнейший шторм, в котором добрая половина экипажа пошла ко дну. Рваные паруса никуда не годились, и тогда несколько недель нас штилем несло на Холденфелл, пока не прибило к

берегам Тоддена. Бездна! В горле пересохло.

Корчмарь отвлёкся на кубок с медом.

– И с тех пор я осел здесь, – продолжил он. – И никому не рассказывал о своем происхождении, которому оказалось безопаснее находится в тайне от общества. Сколько лет прошло... И действительно, чем больше времени уходило в прошлое, тем меньше всем было дела до моего истинного происхождения... Гляди!

Бернард повернулся к старой подавальщице.

– Григольда, помнишь ты, что я царевичем был в Южных Землях?

Григольда посмотрела на хозяина усталым опустошённым взглядом и вновь опустила подбородок на грудь в желании задремать и не слышать ничего больше.

– Видишь? Такая вот ирония. То, что имеет ошеломляющее значение для тебя сейчас, спустя время уже ничего не значит. Рано или поздно. Но ничего.

Корчмарь вдохнул глубоко, словно бы пытаясь вернуться в былые времена, и выдохнул, когда ничего не вышло.

– Ну а ты? Чего забыл в наших краях? Позволь и мне услышать твою историю. Слыхал я, мол, все странники на Неймерии перевелись, а последний при всех известных обстоятельствах жуткий переполох устроил и, лишенный ума, рубит всех и вся на своем пути... – Корчмарь прищурился. – А сейчас вот смотрю в твои глаза и понимаю, что лучше возможности назвать все эти слухи дерьмом собачьим и не слу-

чится. Или это тоже стечение обстоятельств?

– Повезло тебе, корчмарь.

– А?

– Повезло, говорю. Если бы обстоятельства определенным образом не стеклись, то слухи твои истинной правдой бы оказались. Если хочешь знать, стоял я на коленях перед королем Дордонии и думал, что все – конец всем предсказаниям и предназначениям, которые мне сулили разного рода чародеи, кому было не лень, и дриады. Конец чувствам, о которых грезил, хотя проблем и помимо них было достаточно. Конец всему, думал. Только вот так я еще никогда не ошибался...

Глава 1

Дастгард праздновал. Ежегодный День Петуха нынче обещал стать самым грандиозным событием на всей материке. Даже в полдень в столицу продолжали стекаться потоки странников, наслышанных о грядущем восьмьдесят первом дне Солнцестояния позднее остальных и прибывающих лишь к середине праздника.

Тысячи людей, по древней традиции прячущие свои лица за масками, совсем позабыли о манерах. Безликие дордонийцы пиروвали, галдели, танцевали, выкрикивали непристойности, опрокидывали бочки с вином и аплодировали каждому событию, происходящему в этот день. Одним словом, горожане и гости столицы веселились так, как испокон веков было принято веселиться в день, когда не имеющий ничего крестьянин волей случая мог обзавестись благородным титулом, женой благородных кровей или мешком королевского золота.

Сегодня по Штурмплац расхаживали только мужчины и женщины, без деления на расы. Любую расовую принадлежность невозможно было с точностью определить за личиной разноцветных аксессуаров – в Дордонии хватало карликов, которых и в обычные дни можно было легко принять за гномов, а эльфы, выглядящие на старинных гобеленах изящно

и грациозно, уже давно, еще с искоренением магии, познали физическую силу, а некоторые из них стались и вовсе здоровее людей, превосходя тех и в росте, и в плечах, скрывая сегодня свои уши под капюшонами и шляпами.

В самом центре площади мужчины сражались на кулаках, добиваясь лишь одного – забрать вложенные в ставку на себя же ситемы, удвоенные имуществом проигравшего; перетягивали канаты, прежде разбегаясь по площади и вербуя в свою команду наиболее здоровых и сильных мужей Дастварда с единственной целью – не проиграть собственное достоинство; на спор поднимали булыжники, определяющие победителя – того, кто сможет поднять самого тяжелого из них – валунов. Малыши, снующие под ногами, на лету схватывали пример силы и воли своих отцов и вступали в бои друг с другом на деревянных палках, подражая рыцарям с турнира, который в это самое время проходил в Небесном квартале.

Женщины вели себя иначе. Ни одна из них не стремилась доказать кому бы то ни было свое превосходство и тем более тратить на это силы – любая горожанка была уверена в том, что именно она и есть самая прекрасная во всем городе, а стремление доказать это лишь опровергало бы самую очевидность непоколебимого факта. Гости столицы довольно быстро усвоили неписаное правило местных и вместе с остальными дамами расплывались по площади, стараясь укрыться в тени – там, где можно было потратить время с пользой и интересом.

Так, возле лавки с изящно расписанной тууринской посудой толпилась часть прекрасного населения столицы, другая небольшая группа светских дам вслушивалась в мелодию трубадура, нарочито играющего разные романтические композиции для привлечения оных, и лишь некоторые женщины ожидали, по-видимому, своих мужчин, наслаждаясь проявлением их мужского начала в забавах, о которых люди должны были бы забыть с появлением первого колеса, но почему-то до сих пор помнящих и получающих от них неизгладимое удовольствие.

Были и иные – мужчины на каблуках с вышитыми гербами на туниках, женщины в шляпках и веерами в руках – одним словом, те, которых даже за безликой маской можно было легко причислить к тому или иному сословию. Избалованные, они не могли решить, чем заняться, и, лишённые всякого покоя, суматошно разбрелись по Штурмплац, в надежде не упустить ничего интересного и остановиться именно у того развлечения, которое окажется по душе именно им.

Каждому горожанину и гостю столицы сегодня хотелось успеть получить все множество удовольствий, великодушно разрешенных Его Величеством королем Рогаром Вековечным в честь этого великого праздника. Только вот крысиные бега были не менее увлекательным зрелищем, чем представление труппы циркачей, прибывшей накануне и демонстрирующей разные чудеса, доселе невиданные в Дастгарде; а игра со стаканами, под одним из которых был спрятан ка-

мушек, не казалась слишком обиденной, чтобы ей предпочли рыцарский турнир, проходящий в Небесном квартале и с каждым часом оставляющий все меньше претендентов на победу, а соответственно, и руку вместе с сердцем баронессы из Тюруна. Штурмплац захлебывалась потоками тысяч людей в масках, не в силах уместить всех желающих стать частью основного праздника, и выплевывала навидавшихся зрелищ в соседние районы, освобождая место для тех, кто только спохватился и прибыл на площадь.

Ноэми оказалась одной из безликих, чья очередь была втиснуться в море бродящих по площади зевак.

После того как чародейку вынесло на берег, ей удалось раздобыть плащ и найти маску, благо таких было разбросано по городу невероятное количество. Сначала она не могла понять, в чем дело и почему все прохожие скрыли свои лица, но потом память пришла в себя и позволила сопоставить факты, известные о Дордонии и уходящем Солнцестоянии – теперь преследователям было практически невозможно выследить ее, такую похожую на тысячи других женщин в городе.

Ноэми решала, как поступить дальше, и, пока новый план не зрел в голове, оглядывалась по сторонам с целью найти что-то, что поможет ей определиться с действиями, которые будет правильно предпринять после побега из королевской темницы.

Она видела сотни бочек с вином, небрежно разливавших

вокруг себя добрую треть содержимого, что сегодня принадлежало одновременно всем и никому; двух фехтовальщиков, скорее изображавших какой-то южный танец, а не сражающихся на самом деле; видела, как из одной клетки, накрытой темной накидкой, доносилось рычание, а хозяин того, что было внутри, утверждал, что за железными прутьями сидит самая что ни на есть настоящая Лунная Кошка, которая, по своему обыкновению, водится только в Сумеречной Пустоши, и он покажет ее только тогда, когда рядом с ним наберется достаточно людей, заплативших по одному ситему за столь невиданное зрелище; недалеко от эшафота, который ранее служил местом казни неверных, стоял мужчина, а на цепи, прикованная к нему, сидела абсолютно нагая женщина с татуировкой на лице и тех местах, которые люди со временем привыкли скрывать – охотник на дриад предлагал глянуть на лесную деву и орал, что рассмотрит даже возможность продать ее тому, кто ненавидит диких баб больше его самого; кучка гномов, толпящаяся у небольшой телеги, застланной разными реликвиями, предлагала за скромную плату глянуть на их находки, а за это один из гостей с крайнего севера великодушно обещал некоторые из представленных артефактов продать или даже отдать даром.

– Это он, – чародейка проговорила еле слышно, остановившись рядом с телегой гномов и внимательно вглядываясь в представленные предметы.

Перед Ноэми, разложенные невесть в каком порядке,

сверкали разного рода амулеты, драгоценные камни, предметы доспехов, оружие и куски невиданных металлов. От одного из старинных предметов чародейке, обладающей магическими способностями, даже стало не по себе, что вынудило ее слегка отпрянуть. Но среди всего, что показалось ей таким удивительным по отдельности и несметным в общей массе хламом, она увидела меч, которым так неописуемо когда-то восторгался медведь и который она посчитала тогда таким же не стоящим своего внимания барахлом.

– Диэйлейрийская сталь... – прошептала волшебница и погрузилась в воспоминания.

Казалось, времени пересмотреть все варианты избежать тех событий, которые произошли, в тюрьме было предостаточно, но она в очередной раз окунулась в омут самобичевания и презрения к самой себе за то, что не предвидела столь очевидных последствий их не самых удачных решений. Теперь ее больше мучило нескончаемое количество вопросов. Добрался ли медведь до Туурина, познакомился ли с Вастерасом, развил ли свои магические способности, встретил ли кого-то, кто смог дать ему то, чего не могла дать она?.. Или его в конце концов поймали и заточили в Башне Стихий?

Она знала, что именно заточение странника в Башне Стихий и стало основной целью короля и придворной чародейки. Однажды в тюрьме вольный заикнулся об этом, совершенно поверив в то, что прикончит упрямую магичку, а планы Рогара схоронит вместе с ее не способным ничего вымол-

ВИТЬ ЯЗЫКОМ.

– Как ты наивна! – захрипел тогда вольный, явно утомившись от продолжительного допроса. – Лишь слегка пораскинув мозгами, можно догадаться, что Рогар поступит опрометчиво, казнив странника. Люция давным-давно донесла, что этот... разноглазый очень могущественный маг... в перспективе, конечно. А зная о навязчивой идее короля, которую он уже столько лет несет народу и пытается воплотить в жизнь в Башне Стихий, – рассчитывать на скоропостижную смерть... Как его там? Сарвилла? Нелогично. По крайней мере, сейчас, когда Магистр Стихий наконец вывел какую-то формулу, которая поможет воплотить задуманное в жизнь. Какие бы между королем и врагом государства номер один ни были разногласия, война с Творсом всегда была в приоритете. По Дордонии ходят маленькие горстки волшебников, а у тамошнего императора уже собрана великая армия магов, способных растоптать в пух и прах и Дордонию, и Туурин, и эльфийские леса с гномьими горами. Лишь Вольные Города останутся не тронуты. Из политических соображений, как ты сама догадываешься. Да и Холденфелл с его Расколотыми Островами сейчас никому не сдался, потому как не хер там ловить, кроме рыбы.

Вольный говорил еще долго, но Ноэми предпочла не выслушивать заново весь его рассказ в собственных воспоминаниях и, вернувшись в реальность, сосредоточила взгляд на рунах, нанесенных на лезвие знакомого клинка.

– Госпожа! – один из гномов резким возгласом заставил Ноэми слегка вздрогнуть. – Вижу, меч вам приглянулся. Если желаете подержать в руках и взглянуть как можно ближе на столь доселе невиданное произведение искусства, то прошу монеты сперва пожертвовать для ваших бедных слуг. Мы света белого не видим, знаете ли, добывая без передыха столь диковинные предметы, в то же время немало рискуя собственной шкурой.

Ноэми прошла по гномам осуждающим взглядом.

– Добывая этот меч, между прочим, – вмешался другой гном с короткой бородой, – мы чуть не потеряли вообще все, что у нас было.

– Я знаю, – перебила чародейка и приподняла маску, показывая гномам свое лицо.

– Камень мне в почки! – охнул Гровин Баггз, растерявшись от неожиданности. – Эта ж эта! Ну и досталось тебе, человеческая женщина! А ну, парни, доставайте из заначки все, что сожрать можно. Бабу накормить надо. Ты садись вон туда. Вакин!

– Чего еще?

– Поднимай задницу с места, успеешь еще насидеться, евнух! Как звать-то тебя? Освежи память. – Гровин Баггз запрокинул голову, обращаясь к чародейке.

Ноэми запуталась в собственных чувствах и желаниях. С одной стороны, ей очень хотелось перебить гнома и прочитать целую нотацию о манерах и словах, которые положено

произносить, а которые стоит засунуть в то место, название которого Баггз так часто употреблял в своей речи, но, с другой стороны, гном с таким рвением пытался ей помочь и сделать все, чтобы ей стало лучше, что сама возможность нотации ставила чародейку в положение не лучше того, в котором сейчас находился безбородый в ее глазах.

– Мое имя Ноэми. И спасибо, но я не голодна, – в конце концов она решила просто отказаться от предложения в знак протеста повадкам, которые ей были неблизки, но не ущемляя самолюбия горного жителя.

– В таком случае... – принялся отвечать гном. – Я выражу общий интерес, если спрошу. Что с тобой стряслось, женщина? Ты выглядишь хуже матери Вакина в день его родов, в тот момент, когда она увидела физиономию этого болвана, который только-только из нее вылез.

Гномы привычно захохотали. Подтрунивание над Вакином было не в новинку, но Баггз всегда так умело и ясно интерпретировал недостатки товарища, что вновь и вновь эти шутки находили отклик у друзей гнома.

– Сейчас я не в настроении об этом говорить...

– Ладно! Мы лезем уже не в свое дело. Но в беде ни в коем случае не оставим. Вот только этот праздник закончится, так сразу посадим тебя на телегу и вывезем в сторону севера, а там сойдешь, где приспичит. Добро?

Ноэми, выждав паузу, в смятении еще пыталась понять, хочет она того или нет, и в конце концов кивнула.

– Вот и хорошо. А то я уже стал думать, что ты еще и умом от побоев тронулась, что над самым что ни на есть лучшим предложением раздумывать принялась. Торк!

– Чего тебе? – послышался недовольный голос из-за телеги, а следом за ним возник и его владелец. – Отлить спокойно не дашь!

– Гляди на этого оборванца! Пока ты там свои дела делал, этот все стоял пялился на наши трофеи! Пора уже плату запросить и не подпускать без золота никого ближе, чем на пять локтей.

У телеги стоял мальчишка, ростом не выше самого высокого гнома.

– Только я подошел, а ему уже плату гони! Кто вас сюда вообще пустил?! Наглых полуросликов! – зазвучал еще не сломавшийся детский голос из-под маски, а сам малец тут же юркнул в проходящую мимо толпу, скрывшись из виду.

– Вот дырявая задница! – выругался Торк. – Ради них шкурой собственной рискуешь, добываешь древности всякие, а они потом огрызаются, словно неблагодарные псы на хозяина, что им миску супа принес. Эх...

Воздух на Штормплац загудел, перебивая стенания гнома. Звук пронесся над головами бродящей по площади толпы и заставил замереть даже самых маленьких в ожидании грядущей неизвестности. Ноэми стала одной из тех, кто принялся оглядываться по сторонам в надежде обнаружить источник звука, и через несколько мгновений ей это удалось.

Со стороны Церемониального квартала шел отряд паладинов, расталкивающий зевак и прокладывающий себе путь к месту, что в зависимости от нужды служило эшафотом или центральной точкой – импровизированной сценой, на которой происходили все главные события города, будь то провозглашение нового приказа короля или современное театральное представление.

На эшафот друг за другом поднялись Рогар Вековечный, Люция – королевская чародейка, Хранитель Порядка и Сарвилл Кхолд. Несколько десятков паладинов обступили возвышенность, ограждая вновь прибывших от толпы и неожиданных сюрпризов, один из которых произошел не так давно на том же самом месте, когда странник сбежал напрямик из петли.

Один из защитников поднес рог ко рту и в очередной раз загудел на всю округу, привлекая внимание каждого снующего по Штурмплац.

– Странник пойман! – воскликнул король, после того как толпа смиренно умолкла.

У Ноэми перехватило дыхание. Она видела Сарвилла с завязанными глазами, стоящего на коленях на том самом месте, где когда-то спасла его. Каштановые волосы медведя свисали сырыми патлами ниц – они вились от влажности и жадно тянулись к земле.

– Не это ли тот южанин, у которого мы меч уперли? – Гровин Баггз, взобравшись на телегу, чтобы лучше видеть, об-

ратился к своим, но, когда повернул голову, оказалось, что смотрит прямо в глаза чародейке.

– Тс-с-с... – Ноэми полыхнула синевой своего взбудораженного взгляда.

– Он это! Ясное дело, Гровин! Столько лет живешь, а по бабьим эмоциям еще гадать не научился! – Потом Торк резко перешел на шепот: – Смотри лучше, чтоб она дров не наломала. Не спасти его уже. Собираемся!

– Порядок в Дордонии восстановлен, жители Дастварда и гости столицы! Завтра Совет Тринадцати вынесет приговор беглецу и явит лик закона пред всеми жителями королевства!

Толпа заревела и вновь притаилась, когда король поднял руку.

– Сегодня все вы скрыли свои лица согласно древним традициям. Но я открою вам лицо того, чье инкогнито больше не спасет его ни при каких обстоятельствах. – Он сорвал повязку с глаз странника.

Сарвилла тут же ослепило лучами разгулявшегося солнца, и он прикрыл лицо прикованными друг к другу кандалами ладонями, чтобы дать глазам время привыкнуть к свету. Однако Рогар нервно одернул руки пленника, чтобы ничто не мешало толпе разглядеть изменника своего государства.

Когда глаза медведя привыкли и перестали бесконтрольно щуриться, он с удивлением обнаружил, что зрение после действия капель Седрика вернулось и теперь он может ви-

деть, как прежде. Разноцветные глаза странника побежали по площади, ровно как в тот день, когда он уже прощался с жизнью на этом самом месте.

В один момент что-то заставило его остановить свой взгляд на кучке гномов, которые, взгромоздившись на телегу, что-то очень оживленно пытались объяснить женщине, похожей сегодня на всех остальных женщин Дастварда, но все же отличающейся от них. Чем? Сарвилл и сам никак не мог понять. Однако пока король продолжал произносить свою пламенную речь, медведь догадался – или все же убедил себя в этом, – что та женщина и есть Ноэми – чародейка, ради которой он проделал весь этот долгий обратный путь в место, где его не ждало ничего, кроме смерти. Этого понимания оказалось достаточно, чтобы медведь облегченно выдохнул и едва заметно кивнул, совсем позабыв об осторожности.

Люция – королевская чародейка, что стояла позади всех, немедленно что-то зашептала Хранителю Порядка, а тот в свою очередь принялся оживленно переводить ее слова владыке Дордонии.

– Жители Дастварда и гости нашего города... – Король вновь вышел к самому краю эшафота. – Сейчас среди вас находится еще одна предательница! – Тысячи масок принялись крутиться из стороны в сторону, словно головы змей, выискивающих добычу. – Та, что впервые помогла страннику сбежать от правосудия и своим поступком повлекла чере-

ду смертей, которых могло не произойти.

– Бездна! – Сарвилл выругался вслух, тут же сосредоточив свое внимание на прикованной возле эшафота дриаде, и принялся думать о несокрытых женских прелестях той, чтобы хоть как-то перебить мысли о Ноэми.

Люция поморщилась от избытка пошлостей в голове медведя, но ладонь ее способности нисколько не ослабевала – она все так же внимательно витала над мыслями странника в надежде безжалостно ухватиться за ту, которая поможет незамедлительно отыскать преступницу.

В это время владыка королевства продолжал:

– Я уже не раз доказывал вам, что искоренение магии в Дордонии – есть та единственная истина, которая имеет значение. Я бы не опустился до обвинений человека, ни в чем неповинного. И говорю вам, та чародейка, что скрывается среди вас, опасна. Опасна и несет за собой смерть...

Пока король продолжал извергать свою речь, Гровин Баггз уже распряг одну из лошадей, забрался обратно на телегу и принялся шептать на ухо Ноэми.

– Женщина, слушай меня и старайся запомнить каждое слово. Твое разоблачение – дело времени. Тебе надо уезжать. Завтра с первыми петухами и мы отбудем в сторону Призрачных Гор. Поедем по Змеиному Тракту. Нашу повозку ты ни с какой другой не перепутаешь – мы повесим три красных платка. По одному на коней и один на телегу...

– Да, у нас есть традиции, жители Дастгарда! – доносился

с эшафота голос Рогара Вековечного. – Одна из этих традиций – прятать свое лицо...

– А теперь найди способ обратиться отсюда. – Гном видел, как лоб чародейки покрывается холодным потом. – Ты уже ничем не поможешь южанину. Можешь вместе с ним сыграть в ящик... но тогда никто не отрежет язык королю, когда придет время.

– Я знаю, что страх не позволит мне просто приказом убедить вас снять с лиц эти маски... Именем своим и Хранителя Порядка Санли Орегха...

Гном положил руку на плечо чародейке.

– Вот и славно. Я знаю, что ты понимаешь, о чем я, женщина. Завтра у нас будет время поболтать и обсудить случившееся.

– ...именем усопшего Дориана Орегха, моего верного друга, и всех почивших в борьбе с мерзопакостной магией...

– Но сейчас иди! Лошадь, что слева, уже распряжена.

– ...я прошу вас добровольно. Вслед за моей короной...

– Она повезет тебя. А теперь до встречи, человеческая женщина!

– ...кинуть маски, открыв свои лица, и каждый получит по три ситема в обмен на свою маску. Тот из вас, кто не подойдет за золотом, окажется под пристальным вниманием Защитников Ордена, которые уже окружили Штурмплац. Все люди и нелюди, вызвавшие подозрение, будут находиться под наблюдением до самого конца следующего Солнца.

стояния.

Некоторое время лица в масках переглядывались, бросая нерешительные взгляды то друг на друга, то в сторону эшафота, ожидая, казалось, какого-то более конкретного призыва. Горожане перешептывались, прикладывали руки к накладным аксессуарам, с осторожностью придерживали спутников, которые были готовы выйти и сбросить с себя инкогнито, но все еще тянули.

Рогар Вековечный снял корону с головы, и она разбилась о мощёный камень перед эшафотом, гремя на округу стуком золота и драгоценных камней, выпавших из отверстий в ней.

Следом из самой гущи нерешительной толпы, расталкивая зевак со своего пути и держа маску высоко над головой, вышел молодой мужчина. Он показательно бросил деревянную волчью морду рядом с разбившейся короной и протянул руку за наградой. Три золотых монеты выпали из руки короля и исчезли в кулаке смельчака.

Народ сдался. Маски начали падать одна за другой на то место, которое обозначил своим примером король. Монарх стоял на возвышенности и наблюдал, как каждый горожанин и гость столицы получает свои деньги уже из рук палатинов, стоящих на страже быстро образующегося пригорка из ставших никому не нужными предметов. Защитники взяли Штурмплац в кольцо, а за его пределы отпускали только тех, кто уже выполнил ненавязчивый королевский указ.

– Богохульство! – запричитали старики, не желая откры-

вать свои лица, и заметались из стороны в сторону по площади.

Некоторые из них старались остановить тех, кто шел получить свое золото, но их нещадно отталкивали, не желая слушать.

– Грех! – вопили сбитые с ног несчастные.

– Да будет милостива к нам Касандра! Ибо не по своей воле мы издавна сложившуюся традицию нарушаем... – кто-то, чье лицо оставалось скрыто, стоя на коленях, молил Богиню.

– А гномам что полагается, Ваше Величество? – выкрикнул Гровин Баггз из толпы собратьев, оказавшийся на месте подле эшафота и преградивший возможность остальным в очереди обменять свое имущество. – За то, что с самого рождения свои рожи не скрывали, а сегодня и подавно.

Вода в фонтане, что разливал струи в огромную чашу вокруг себя посреди Штормплац и на которую сейчас никто не обращал внимания, вдруг запенилась и забурлила.

– Ваше Величество! Я к вам обращаюсь! – не успокаивался гном. – Или этот ваш указ из того же ряда, когда еще Генор Уйлетан нашим предкам пообещал несметные богатства за то, что мы в горы уйдем, а как эти богатства в королевских закромах закончились, так сразу слова свои обратно взял? Глядишь, вашего золотишка до конца очереди не хватит! Правильно говорю.

Покрасневший от ярости король хотел было ответить

дерзкому гному, но вода в фонтане забурлила сильнее, теперь поднимаясь еще выше и теперь уже привлекая внимание всей толпы, стоящей вокруг.

– Это Боги гnevаются! Говорю вам, люди добрые! – горланил один из стариков, тщательно противящийся обличению лиц и до сих пор хватавший всех прохожих за руки, лишь бы только те обратили на него внимание. – Остановитесь! Беду на свой дом накличете за золото, которое только в гробу и видали.

Толпа в растерянности замерла. Вода в фонтане пенилась и бурлила.

– Не помните, почему люди лица свои принялись скрывать в единственный день в году? Отцы вам этого не разъяснили или умолчали за ненадобностью? – подхватил еще один старческий голос.

Целая группа протестующих воле короля начала собираться в самом центре Штормплац и разрасталась с невероятной скоростью, напоминая стаю муравьев, взгромоздившуюся на один кусок лежащей на земле пищи.

Санли Орегх, увидев всю картину, не предвещающую ничего хорошего, вытащил меч из ножен и поднял перед собой.

– Все это проделки чародейки, добрые дордонийцы! Все это магия, от которой ваш король вас убересть хочет! Не бойтесь!

Ноэми уже забралась на коня и смотрела в сторону голосящего Хранителя Порядка.

– Ну что, девочка. Как тебя зовут? Будешь Женовой, хорошо? Женева, иногда, когда для хитрости уже не остается места, наступает время грубой силы. И именно с ее помощью сейчас мы с тобой уберемся из этого проклятого города. Скажи что есть мочи, Жени. Но!

Вода из фонтана взвилась в воздух и полетела струей в стражников, окруживших площадь, сбивая тех с ног и освобождая путь лошади Ноэми и еще сотням не желающих показывать своих лиц горожанам.словно река, вышедшая из берегов, освобожденная толпа начала шуметь, раскачиваться, бурлить и вытекать через не способные сдержать ее мощь железные преграды.

– Только мы, подданные короля, способны творить Закон! – начал вещать Хранитель Порядка, пытаясь усмирить толпу, которая теперь, словно неистовая бестия в клетке, – трепыхалась, извивалась и билась о железные стены из доспехов паладинов.

– Поздно, хранитель, – нервно перебила Люция. – Чародейки больше нет на площади. Прошу вас не начинать длинных речей, пока пленник, оставшийся в наших руках, не сбежал по примеру скрывшейся волшебницы.

Хранитель Порядка посмотрел в ответ неприятным взглядом и проглотил злость, которую привык проглатывать уже давно во имя Закона. Затем он убрал меч в ножны, поднял правую руку на уровень груди и принялся бить себя по доспехам, издавая неприятный металлический шум на всю

округу.

Сначала никто на площади и не думал обращать внимания на эту жалкую попытку привлечь к себе внимание, но через каких-то несколько ударов в такт паладину подобные звуки стали доноситься справа, слева, с дальнего конца площади. Так, вспыхивая друг за другом, словно огни факелов в ночи, уже через несколько минут сотни стальных перчаток бились о панцири рыцарей, разнося неприятный гул по Штурмплац, заставляя тем самым дастгардцев останавливаться в оцепенении и прекращать панику.

Орден Защитников славился своими воинами на всю Неймерию. Рыцари, бьющиеся до последнего вздоха во времена самых тяжелых битв, когда их армия была на грани уничтожения и истребления, поднимали свой боевой дух, начиная стучать по своим доспехам. Так они слышали, сколько еще на поле боя оставалось паладинов, способных сражаться. После этого нехитрого действия воины ордена начинали биться еще яростнее прежнего, и в конечном итоге защитниками было выиграно множество таких битв, в которых любой предрёк бы им поражение. Все это действие, конечно, вводило в недоумение врагов, как сейчас ввело и одновременно успокоило всех присутствующих на Штурмплац.

Бунтующие старики пораскрывали рты, видневшиеся из-под их половинчатых масок. Люди и нелюди, некоторые из которых уже открыли свои лица, оцепенели, замерев на том самом месте, на котором стояли, чтобы, чего недоброго, не

вляпаться в какие-нибудь неприятности.

Холодный ветер подул с моря и закрался к каждому дордонийцу на безмолвной площади под рубашку, заставив мурашки страха побежать по всему телу. Те, кто присутствовал на казни странника раньше, помнили, сколько людей погибло в давке в тот самый день. Никто не хотел повторения истории.

– До завтрашнего полудня Сарвилл Кхолд будет жить, – произнес Роба Вековечный, когда страх взял верх над присутствующими на площади. – На заре Совет Тринадцати решит судьбу преступника. А все беззаконники за это время пусть уяснят один урок – зло рано или поздно, но неизбежно терпит поражение.

Санли Орегх схватил странника под локоть и поднял с колен.

Сарвилл еще раз оглядел площадь в надежде не обнаружить Ноэми. Чародейки не было видно, равно как и гномов, помогавших поднять бунт.

Глава 2

Утро на следующий день после всепоглощающего праздника было наполнено ароматами прокисшего вина, раздосадованными дордонийцами, не сумевшими поймать воплощающего желания петуха, одиноким рассветом утреннего солнца и стуком железных доспехов во дворе Последнего Гарнизона, по которому в это самое время шел Санли Орегх.

Все рыцари и обычные воины королевской армии, тренировавшиеся повсюду, били себя рукой в грудь при виде Хранителя Порядка, дожидались, пока тот пройдет мимо, и только потом возвращались к привычным делам – тренировочному бою или колющим и режущим ударам по манекенам, уже вдоволь натерпевшимся за это утро.

Хранитель был погружен в свои мысли и не замечал ничего и никого вокруг. Последняя ночь далась ему тяжело – он не мог сомкнуть глаз, постоянно размышляя над тем, как следует поступить сейчас, когда преступник оказался в руках у короны, а чародейка бежала из королевской тюрьмы. Закон четко прописывал действия, которые необходимо предпринять в таком случае, но какое-то тревожное чувство не давало ему покоя и призывало не следовать слепо привычным правилам. Он знал, что его ждет игра со смертью, но поступиться своими принципами было хуже ее самой –

смерти.

Дом Войны встретил Хранителя Порядка раскрытыми дверями, мертвой тишиной и стуком собственных каблуков, разносящихся по всем углам и тревожащих древние реликвии, развешанные на стенах помещения. Санли Орегх прибыл заранее, но, несмотря на это, все члены совета уже ожидали его, заняв свои привычные места. Старейшины сидели вокруг стола в обоюдном молчании, и никто даже не поднял глаз, чтобы посмотреть на появившегося в дверях главного зала Дома Войны защитника.

– Молодой и самовольный хранитель. Сын своего отца, унаследовавший не все хорошие качества предка, мы вас ждали, – произнес Рогар Вековечный, не оборачивая головы на только что вошедшего паладина.

– Ваше Величество, – ответил рыцарь, ударив себя в грудь и преклонив колено.

Король внимательно изучал затылок Хранителя Порядка, не давая позволения подняться, и, только когда насытился какими-то своими фантазиями, разрешил рыцарю встать.

Под расписным потолком летали крохотные птицы, перебивающие щебетанием безмолвное сопение за столом Совета Тринадцати, а стража короля вышла за двери, захлопнув их за собой, как только Санли Орегх занял свое место.

– Мне стало известно, что вчера на Совете Тринадцати присутствовали все, кроме его тринадцатого члена – меня. – Хранитель Порядка горделиво выпрямил спину и окинул

взглядом остальных присутствующих, из осторожности пропустив лишь монарха.

Все хранители переглянулись и виновато опустили головы.

– Если бы не ваша уверенность в том, что власть в Дордонии принадлежит Хранителю Порядка и вы вольны принимать важные решения и перечить королевским указам... – Рогар Вековечный вытянул лицо, а его взгляд стал суровым. – То недоразумения, которым вы апеллируете, пытаетесь нас обвинить, не произошло бы ни при каких обстоятельствах.

Санли Орегх снял перчатки, положил перед собой и решительно произнес:

– Согласно статье двести восемьдесят четвертой действующего закона королевства Дордония я признаю все принятые накануне решения недействительными до голосования всеми членами совета, согласно документу, который висит в этом зале с самого возникновения действующей системы власти. Прошу помнить, господа, что документ святой и пойти против него значит то же, что положить начало проклятию, которое, несомненно, обрушится на королевство в случае, если мы предадим свои клятвы.

Хранитель Порядка поднял руку, показывая остальным, что просит проголосовать за выдвинутое предложение. Неуверенные «за» понеслись один за другим, оставив воздержавшихся в милости короля и оградив их от сурового

взгляда владыки.

– Я смотрю, – спокойно заговорил король, – вам, господин Орегх, стало недостаточно того, что вы остановили истребление Медвежьего квартала до того, как абсолютно все медведи отправились на тот свет. Теперь вы желаете ставить под сомнение каждый королевский приказ, забывая о том, что Совет Тринадцати был учрежден для содействия королю, а не против оного.

– Я поклялся защищать честь и жизнь своего короля, и я никогда не предаю своей клятвы, даже если мне придется защищать Ваше Величество от самого себя. Я не нарушил ни одного закона за время своей службы и не перешагну эту черту в будущем. Прошу посвятить меня в детали вчерашних обсуждений.

Глаза короля наполнились яростью.

– Позже мы будем обсуждать то, что сейчас не важно, – процедил владыка, затем глубоко вдохнул, опустив веки, а когда открыл их вновь, то засиял ненастоящими добродушием и приветливостью. – Полно нам грызть глотки друг другу, когда истинный враг уже на пороге нашего дома.

Рогар поднялся с места, по обыкновению, держа бокал с вином в левой руке, подошел к открытому окну, сквозь которое виднелся весь Последний Гарнизон, и выплеснул содержимое кубка в траву снаружи. Затем, продолжая стоять спиной к советникам, произнес:

– Господа, признаюсь, я был неправ в тех случаях, когда

принимал важные решения, не вынося их на обсуждение в совет. Если бы Боги в действительности существовали, то я непременно списал бы все неудачи на свое пренебрежение древними законами. Именно поэтому я не буду держать зла за то, что господин Орегх в самый разгар битвы в Медвежьем квартале заверил мою армию в том, что приказ исполнен. Возможно, я действительно погорячился и смерть оставшихся медведей будет нам полезнее на войне, чем вне ее.

– Возможно, обойтись вообще без смертей принесет еще больше пользы, – выпалил Хранитель Порядка, сжимая челюсть от злости. – Я требую совет вернуться к прежним вопросам, прежде чем обсуждать новые.

Кто-то постарался поскорее откашляться, чтобы прервать новую волну шторма, которую мог спровоцировать Санли Орегх. Господин Тиин стремительно вытер выступивший на лбу пот, а Хранитель Медвежьего квартала и вовсе выпустил из рук бокал, разлив его содержимое по столу.

Один из старейшин тут же постучал по разложенной карте Неймерии перед собой, сотрясая миниатюрные фигурки и привлекая к себе всеобщее внимание.

– Нам отрадно слышать, Ваше Величество, что Совет Тринадцати все-таки обрел для вас смысл и вы осознаете эффективность управления городом и страной с нашей помощью, – проскрипел Лоринг Светоносный, старейшина Церемониального квартала, и наградил советников подбадривающим взглядом.

– Поддерживаю! – поочередно откликнулись остальные члены совета, кроме Хранителя Порядка.

– В свою очередь, господин Орегх... – Старейшина Церемониального квартала пригладил ореол редких седых волос вокруг своей лысины. – Я сообщаю вам, что Вастерас, многоуважаемый член нашего совета и старейшина квартала Нелюдей, накануне был помещен в темницу за подозрение в сговоре со странником, известным нам под именем Сарвилл Кхолд. Дальнейшие разбирательства было решено приостановить до вашего возвращения. Вы сможете самолично допросить эльфа после завершения очередного совета и вынести приговор, как и полагается Хранителю Порядка. Во имя Великой Касандры, я прошу поверить моим словам и позволить совету перейти к тем вопросам, ради которых сегодня мы здесь собрались.

Санли Орегх еще раз окинул старейшин взглядом и только сейчас понял, что Хранителя Квартала Нелюдей нет в зале. Вокруг себя он видел только одиннадцать человек.

Снаружи раздалось протяжное гудение, призванное собрать обитателей Последнего Гарнизона перед Домом Войны, где в это самое время проходила военная подготовка. Командующий принялся доносить до воинов принципы и особенности тренировки. Воины отвечали лязгом тысячей мечей и топоров.

– Вот и славно. В таком случае начнем заседание, – перехватил инициативу Рогар, разглядевший замешательство

на лице Хранителя Порядка. – Как вы можете видеть, господин Орегх, настали смутные времена, требующие от нас незамедлительных решений. К тому же ни один пункт в священном документе не запрещает принимать то или иное решение, если большинство голосов членов совета «за». Выходит, предыдущим днем мы ущемили разве что ваше самолюбие. Перейдем наконец к повестке дня. Медведь высосал из меня много крови, и я не желаю откладывать решение о его дальнейшей судьбе.

– На повестке дня, – выступил с речью господин Тиин, – решение судьбы странника, избрание нового главы квартала Нелюдей, решение судьбы господина, поймавшего вчера петуха и изъявившего желание стать бароном земель у Расколотого Хребта и... хм... вынесение приговора Хранителю Порядка, нарушившему королевский указ и преждевременно остановившему истребление медведей.

Хранитель Купеческого квартала откланялся, подытоживая список грядущих обсуждений.

– Мы не будем строго судить Санли Орегха, – отрезал король. – Мы уже потеряли двух хранителей за последнее время. К тому же я вижу, что некоторые его спесивые решения пошли на пользу королевству. Защитник – юноша. Предлагаю лишить его привилегий командования любыми отрядами. Пусть должность Хранителя Порядка вернется к истокам.

– Но Медвежий квартал уже стоял на коленях, когда я

прибыл туда, – возразил Санли Орегх. – Я всего лишь посчитал лишним хладнокровно казнить невинных людей, молящих о пощаде, и воспользовался правом Порядка, данным мне по закону.

Но старейшины уже не слушали рыцаря.

– За!

– За!

– За!

Хранитель Порядка поднялся с места так резко, что стул позади него повалился и разнес грохот по древнему залу Дома Войны.

– Вы хотите, чтобы один из лучших воинов Неймерии стал обычным судьей? – в недоумении произнес он.

– Сядь на место, сынок, – громыхнул голос Хранителя Легионов. – Не позорь своего отца.

– Должность судьи и члена Совета Тринадцати уже говорит о многом. Власть – это не одна лишь физическая сила. Это нечто большее, чем умение махать мечом и защищаться с помощью щита. Это умение сохранить достоинство и способность взобраться обратно на гору, с которой тебя скинули. – Хранитель Садов Знаний поднял упавший стул и, положив руку на плечо Санли Орегху, принудил того опуститься на место.

Медленно, но все же подчинившись давлению, паладин сел обратно на стул, опустил голову и сделал несколько глубоких вдохов. Кровь, прилившая к черепу, стала отходить и

придавать лицу прежний цвет.

– Хранитель Порядка Санли Орегх, вы остаетесь на своем посту с ограниченными возможностями командования любыми боевыми отрядами и больше не являетесь лидером Ордена Защитников. Я передаю кураторство над Святой Инквизицией Хранителю Небесного квартала... – Король перешел на шепот, слышимый только им двоим: – Помни мое милосердие, хранитель. Согласно твоим же законам, я мог лишить тебя головы, но я выбрал пощаду.

– В таком случае самое время вынести приговор Сарвиллу Кхолду, медведю и страннику из Дастгарда, – произнес старейшина Церемониального квартала.

Глаза короля заблестели, а лицо обдалось румянцем от долгожданной судьбоносной кары, которой он желал медведю всем сердцем.

– Тщательно обдумав дальнейшую судьбу Сарвилла Кхолда... – Рогар Вековечный облизнул губы. – У нас есть два возможных решения – казнить его или передать в Башню Стихий. Я все же придерживаюсь мнения, что предатель должен отправиться на Девичью Гору.

Старейшины переглянулись.

– На пороге война с Творсом, – первым заговорил Хранитель Купеческого квартала. – Действительно. Неразумно убивать надежду творсийского императора прежде, чем медведь побывает в руках Магистра Стихий. Сила, заточенная в страннике, поможет решить исход войны в нашу пользу. Это-

го владыка Творса Драго Уйлетан ожидает в последнюю очередь, и мы лишь выиграем оттого, что сила странника окажется на нашей стороне.

Снаружи тысяча голосов, слившаяся в один громыхающий бас, репетировала боевой клич, способный утратить и обескуражить будущего противника. Затем гром, созданный из ударов стали друг о друга, обрушился на членов Совета Тринадцати с улицы и заставил всех говорящих делать короткие паузы.

– Согласен, что, обеспечив должное сопровождение и заковав странника в клетку из трита, мы не только обезопасим страну, но и пожнем свою выгоду из его заточения... – Хранитель Ситемов – худощавый молодой человек, постучал своими счастливыми монетами по столу.

– Ваше Величество, согласно закону, магические способности следует официально подтвердить и задокументировать прежде, чем отправить кого-либо в Башню Стихий, – уверенно пояснил уже смирившийся с сокращением полномочий Санли Орегх. – Иначе в башню можно увезти любого не приглянувшегося горожанина и в этом случае всякий смысл существования и Башни Стихий, и Закона будет утерян.

Король уже было потянулся к своему опустевшему кубку, но, остановив собственную руку на полпути, с грохотом уронил ее на стол совета.

– Хранитель! – он вновь сменил гнев на милость, играя

яростью в своем голосе. – Разве вам недостаточно того, что последний странник из Дастгарда нарушил множество законов, пробравшись в королевский замок? А пламя, бушующее в его глазах? Вы не подспели в Шаарвиль к тому моменту, когда огонь можно было с легкостью разглядеть в глубине его зрачков.

Рогар Вековечный не позволял никому вставить и слова в свою речь, которая теперь затмевала весь гул, доносящийся с улицы.

– Вы помните, что для ваших предков из ордена именно глаза были основным показателем присутствия магической силы? А ваше призвание заключается в первую очередь как раз в том, чтобы убереечь население от мерзопакостной магии, а уже во вторую – следовать слову Закона. Или я ошибаюсь?

– Обязанности моей должности потеряли всякие границы с тех пор, как мой отец, будучи паладином Ордена Защитников, стал Хранителем Порядка. Вами же вынесенным мне сегодня приговором теперь в первую очередь я судья и лишь потом защитник. Поэтому Закон есть Закон. Без суда мы не можем отправить человека в Башню Стихий. – Санли Орегх взглянул исподлобья, тем не менее преклоняя голову.

– Закон! Закон! Закон! Черт бы вас побрал! – король вспылал, вновь уподобляясь самому себе. – Что вы заладили?! Вам что, недостаточно смерти вашего отца или моей дочери, господин Орегх? Или смерти ваших братьев, падших

у подножья Девичьей Горы? Вы никак не можете понять, что дастгардцы гибнут как мухи, а с появлением странника еще быстрее, хотя наш единственный враг – Творс со своей бесчисленной армией волшебников!

Король замолчал. Он наполнил освежающей водой свой кубок, подошел к окну и посмотрел на армию, уловив безмятежность и равновесие среди рядов своих подданных. В это самое время воины как раз тренировали выдержку и умение держать строй в остолбенении, ожидая приказа командующего разомкнуть щиты.

– Я допустил много ошибок, за которые вы можете считать меня недостойным правителем. Я не понимаю, почему никто из присутствующих до сих пор не перерезал мне глотку. Ведь если бы мы поменялись местами с любым из вас, то тот, кто оказался бы королем Дордонии, уже давно подавился бы собственной кровью. Однако я понимаю, что наш истинный враг вовсе не Сарвилл Кхолд из Медвежьего квартала, а император Драго Уйлетан, собравший могучую армию и жаждущий вернуть власть над землями Неймерии.

Рогар Вековечный вновь прервался, размышляя над собственным раскаянием.

– Ну, хватит разглагольствовать, – заговорил снова он. – Вам нужны доказательства, что Сарвилл Кхолд маг, господин Орегх? Тогда используйте спутников медведя. Что за толстяка, что за девицу странник будет стоять горой, а при невозможности это сделать разволнуется так, что увидеть

пламя в его глазах вам не составит большого труда. Я знаю, что вы сейчас скажете. В таком случае найдите законный метод воздействовать на пленников. Мы можем обсудить это здесь и сейчас.

– Но, Ваше Величество, ведь пленники и не пленники вовсе... – вдруг заговорил старейшина Небесного квартала, нервно теребя золотую морду дракона на своей груди.

– Вы сказать хотите, что нам не за что их судить?.. – Король пристально посмотрел прямо в глаза хранителю. – Они сообщники и, стало быть, соучастники всех преступлений, что мы готовы приписать медведю.

– Но они ваши подданные... – не унимался старейшина Небесного квартала.

– Я знаю это! И если мне придется жертвовать жизнью трех человек ради спасения тысяч, я не моргну и глазом!

Все вновь умолкли.

– Хранитель Порядка, что говорит Закон о ситуации, в которой оказались спутники странника?

Король и не думал казаться искренним в своем сопереживании старейшине Небесного квартала. Он бросил язвительный взгляд на Санли Орегха.

– Пункт четыреста сорок восьмой Единого Закона гласит, – впервые за время вступления в должность в голосе хранителя проскользнуло сочувствие, – согласно приказу короля, любой житель, имеющий сведения о беглеце, обязан передать полную информацию представителям короны,

в противном случае такой гражданин считается соучастником всех преступлений, которые уже совершены или будут совершены самим разыскиваемым. Порядок наказания сообщника назначается на усмотрение иерарха государства, Его Величества правящего короля.

– Слышали, старейшина? Стало быть, наказания избежать невозможно. Ведь в Законе не сказано, что король может помиловать участников заговора, верно, господин Орегх?

– Да, Ваше Величество. Но...

– В таком случае и алхимика, и деревенскую девку я повелеваю казнить на рассвете, – не дав возразить Хранителю Порядка, прервал его король. – Их вина не требует подтверждения, господин Орегх. Но, согласно Единому Закону, мы не можем лишать жизни людей, какое бы преступление они ни совершили, если все члены совета не проголосуют за это. Однако прежде чем открыть голосование, скажите мне те, кто, возможно, против столь жестоких мер: вы действительно хотите, чтобы Дордония пала лишь потому, что вам стало жалко пары никчемных жизней? Как только корабли Драго Уйлетана подойдут к берегам королевства, а маги начнут извергать свой гнев на Дастгард, то жертв в одно мгновение станет больше в тысячи раз. Вы здесь для того, чтобы оберегать государство и мыслить здраво, а не чувствами. Вам ясно?

Все члены совета молчали, пока Рогар Вековечный давал им осознать всю серьезность своих намерений.

– Кто за смертельную казнь алхимика из Медвежьего квартала и Иллаи из Лисохвоста?

На улице до сих пор было тихо. Солдаты, стоявшие в стойке, напряженно держали строй, изнемогая под скатывающимися по телу горошинами собственного пота.

– Господа... – Хранитель Порядка поднялся со своего места. – Должен еще раз напомнить, прежде чем начнется голосование, что Закон говорит нам о смертной казни то, что только единым мнением мы можем пойти на этот шаг и после хотя бы одного воздержавшегося или проголосовавшего против мы будем вынуждены вернуться к решению вопроса о судьбе медведя и волшебницы.

– За! – первым проголосовал господин Тиин, дослушав речь паладина до конца, и равнодушно поправил головной убор на своем затылке.

– За! – произнес Хранитель Ситемов, сперва положив свою счастливую монету, одну из двух, перед собой и как будто узнав у нее, за что будет вернее проголосовать.

– Портовый квартал голосует за!

– Королевская армия всегда за короля! – командным голосом прогреготал Хранитель Легионов.

– Последний Гарнизон – за!

– Да будет милостива Касандра к этим заблудшим душам. Церемониальный квартал поддерживает короля! – приложил руку на собственную грудь Лоринг Светоносный.

– Ремесленники с вами, Ваше Величество!

– Орден Защитников поддерживает своего короля, – монах из Небесного квартала проговорил довольно неуверенно.

– Господин Дармин, господин Орегх, господин Кхорд? Остались вы втроем, – уверенный в своей победе, произнес владыка Дордонии.

– Мы рискуем расколоть и так держащийся из последних сил Совет Тринадцати, Ваше Величество, – наконец заговорил старейшина Садов Знаний, сцепив ладони перед собой и в задумчивости стуча «большими» пальцами друг о друга. – Сейчас мы все вяжемся в авантюру, последствия которой далеко не очевидны и не предсказуемы. Нет ли иного выхода, Ваше Величество, чем предложенные кардинальные меры?

– Нет, – отрезал Рогар, не желая вовлекаться в беседу.

– В таком случае я вынужден поддержать смертельный исход для молодых людей. Как жаль...

Король вцепился своим холодным взглядом в Хранителя Порядка. Это означало, что следующим должен будет голосовать именно он.

С одной стороны, Санли Орегх понимал, что грехов на душу владыки выпало не меньше, чем на души обвиняемых, и казнить их было бы так же справедливо, как осудить короля. Но в то же время он не знал, почему второй при тех же законах должен остаться жить, а первые умереть. Две змеи – справедливость и закон, подобные той, что была на гербе

дома Орегхов, пытались вцепиться друг другу в глотки, оказавшись по разные стороны баррикад и окончательно открыв глаза хранителю на то, что все его старания расчертить четкую границу между добром и злом не более чем жалкая попытка юношеского максимализма потешить свое самолюбие.

– Как мы слепы, – выдохнул паладин.

Все хранители во главе с королем посмотрели на Санли Орегха, преисполненные любопытства.

– Как был слеп я! То, что в Дордонии называют честью, не имеет ничего общего с настоящими законами морали. С преданностью, верностью и справедливостью. Здесь честь – это не более, чем слово, о которое спотыкаются люди, чьи души уже переполнила тьма. Я скорее умру, чем буду клясться тем, о чем не имеют ни малейшего представления окружающие меня люди. Хотели лишить меня власти? Я сам отдаю ее в ваши руки. Распоряжайтесь.

Санли Орегх расцепил на шее брошь в виде головы дракона, и золотой плащ скатился с его плеч на пол.

– Я снимаю с себя полномочия Хранителя Порядка. А за отсутствием судьи вам больше нет надобности лишать жизни людей, чтобы доказать причастность странника к магии. Прощайте.

После этих слов Санли Орегх сильным ударом распахнул перед собой двери зала и быстрыми удаляющимися шагами покинул Дом Войны.

– В таком случае надобность казни действительно отпадает, – облегченно произнес старейшина Медвежьего квартала, который еще не успел отдать свой голос. – Я голосую за то, чтобы отправить Сарвилла Кхолда в Башню Стихий.

Все хранители один за другим поддержали идею. Король, облокотившись на спинку своего стула, довольно ухмылялся и загадочно рассматривал одну из фигурок, стоящую на развернутой карте Неймерии на столе перед ним.

– Ну что ж, господа. Решение принято. Мы казним виновников с первыми петухами. Хранитель Легионов, прошу вас привести в исполнение приговор собственноручно завтра на рассвете.

Мужчина с обычно грозным, но сейчас удивленным лицом уставился на монарха, затем его взгляд прошелся по остальным так же недоумевающим членам совета.

– Казнить... виновников? – неуверенно наконец переспросил он.

– Вы верно услышали, хранитель. Мы с вами договорились чтить закон, а более того, стали свидетелями потери одного из нас, того, что покинул совет как раз по причине несоблюдения этих самых законов. Согласно одному из пунктов, я надеюсь, вы простите мне неточность, вроде бы восемьсот двадцать второго... В котором говорится о том, что в голосовании принимают участие все члены Совета Тринадцати, кроме тех старейшин и короля, которые в момент голосования тяжело больны и не могут адекватно расценивать выдви-

гаемые предложения; кроме тех, кто отбыл в путешествие и у кого на данный момент нет доказательства его здоровья; кроме тех, кто по политическим причинам признан остальными членами совета врагом государства и так далее и так далее. И кроме тех, кто может быть лично заинтересован в решении поставленного на голосование вопроса. Таким образом, голос господина Дармина не является решающим в судьбе бедного алхимика, я подчеркну, из Медвежьего квартала, так как мы с вами знаем, насколько крепка община медведей и априори необъективна по отношению к сородичам. Также хочу сказать, что в этом случае голос Хранителя Садов Знаний был последним и решающим.

Сбитый с толку Хранитель Легионов своим ошарашенным выражением олицетворял каждого присутствующего в зале, кроме самого короля.

– Пусть это будет отсечение головы – так вернее. Ни один преступник не сможет провалиться сквозь землю, после чего портить мне жизнь и отвлекать от насущных дел. Оповестите Люцию. Хочу, чтобы чародейка присутствовала в момент, когда Сарвилл Кхолд будет видеть, как его друзья умирают.

– Но, Ваше Величество... – все время пытавшийся что-то донести Хранитель Небесного квартала вновь заговорил.

– Старейшина, вчера мы поклялись друг другу идти до конца, – хладнокровно ответил король.

– Хорошо, Ваше Величество... – Наконец поняв всю серьезность намерений, Хранитель Легионов кивнул владыке.

– Каждый присутствующий осознал и принял результат голосования?

Старейшины молчали, пока Лоринг Светоносный не взял инициативу в свои руки.

– Это справедливо, Ваше Величество. И я буду молиться за наши души Великой Касандре, истинно веруя в то, что этот приговор – ее провидение, а не результат столкновения кровожадной мести с коварством.

– За наши души молиться нет надобности, потому что мы лишь блюдем закон. А значит, нам по-прежнему необходимо официально задокументировать магические способности Сарвилла Кхолда, прежде чем мы отправим его в Башню Стихий. Это всем ясно?

– Да, Ваше Величество... – Щеки Хранителя Церемониального квартала легко дрожали, понимая истинные намерения короля, но его взгляд не сдался перед пристальным взором владыки.

Тогда Рогар Вековечный поднялся со стула и продолжил:

– В таком случае, прежде чем мы перейдем к решению остальных вопросов, хочу сообщить, что сегодня вечером состоятся похороны моей дочери. Тело не будет помещено в усыпальницу по известным всем нам причинам. Я прошу подготовить погребальный костер на Утесе Смертников и созвать туда желающих попрощаться с принцессой. Там же мы казним предателей спустя ночь. С Антиной я все улажу сам. Также народ Дордонии должен узнать о смерти королев-

ской наследницы. Разошлите гонцов в Югурд, Каан, Тюрун и Аард. Пусть герольды на каждом углу вещают о ее смерти. Чем меньше надежд будет у народа на наследника престола, тем бережнее он будет относиться к своему настоящему правителю.

– Да, Ваше Величество, – ответил Лоринг Светоносный, ответственный за погребальные ритуалы во всем высшем обществе Дастгарда.

– Гонцы будут отправлены в города, как только писарь перепишет содержимое протокола. – Старейшина Садов Знаний сделал еще несколько заметок на листе перед собой.

В один момент копившаяся все это время на улице тишина разбилась о разрешение командующего снаружи разомкнуть ряды, и воины тут же закричали, издавая неистовые вопли, ознаменовавшие победу воли над потребностью. Мечи забились о щиты, торжествуя и возвещая о завершении групповой тренировки.

– В таком случае осталось всего несколько моментов... – Старейшина Купеческого квартала явно куда-то торопился, поэтому немедленно подталкивал членов совета к решению других вопросов.

Вопреки ему, все остальные присутствующие желали как можно детальнее обсудить судьбу пойманного накануне петуха и разобраться с наследником Вастераса, старейшины квартала Нелюдей, чтобы Дастгард раз и навсегда покончил с междоусобицей и наконец пришли светлые времена про-

цветания и мирного правления Его Величества короля Дордони Рогара Вековечного.

Утес Смертников. Скале дали такое примитивное название, обозначая тем самым свое пренебрежительное отношение ко всем, кто уходит из жизни, взобравшись на эту высоту на самом краю Даствгарда, где суша испокон веков ведет борьбу с морем. Здесь сжигали трупы узников, не сумевших выдержать долгого заточения в сырых темницах, обезглавливали предателей во времена, когда смертная казнь в Дордони была распространена и заурядна, а иных скидывали в море, предусмотрительно привязав к их ногам тяжелые грузы на случай, если кто-то из осужденных не разобьется о скалы и выживет.

Конечно, не всегда было так. Когда севером правили гномы, утес носил название более чем достопочтенное и загадочное – Обратный Путь. Легенда нелюдей гласила, что любой гном приходит в этот мир с неопенимой миссией и когда эта миссия окончена, то Земля забирает свое дитя обратно. Когда же настанет время вновь явиться на материк, то этот гном переродится в другом облиции, не помнящий прошлого, но с важным заданием, доверенным только ему, и уйдет ровно тогда, когда мать-земля захочет его обратно. Лишь того сына, что найдет Священный Камень, будет ждать вечная

память, а мать, подарившая ему свободу на несколько лет, отступится и подарит непрерывную вечную жизнь.

Но пришли люди. Люди оценили место похорон гномов, но не стали придавать ему глубокий смысл и нарекли скалу Утесом Смертников – одним из мест, где в Даггарде отныне и навсегда будут встречаться со своей смертью оступившиеся подданные короля, несмотря на царящие в стране законы и запреты.

– Остался ничтожный шаг до маленькой победы, которая превратится в великую славу.

Два оседланных наездниками коня топтались на поляне Утеса Смертников, горизонт которого уходил прямо в синюю бездну Солнечного Моря. Пар, который животные выдували из своих могучих ноздрей, рассеивался в воздухе и вновь обретал очертания через несколько мгновений после вдоха.

– Я до последнего не верил, что нам удастся повернуть все это, Люция. Этот паршивец изрядно потрепал мне нервы.

– Я правильно читаю ваши мысли? Хранителю Порядка недолго осталось петь свои баллады о Законе, – отвечала женщина, пепельные волосы которой торчали из-под капюшона и трепались в объятьях капризного утреннего ветра.

– Ты сказала еще лучше, чем это звучало в моей голове. – Король с серьезным лицом посмотрел в сторону города. – А потом настанет очередь Драго Уйлетана и мерзких волшеб-

ников, прислуживающих спесивому властителю.

– Осторожнее, – Люция ехидно улыбнулась. – Так не останется существ на севере, которые будут способны служить Вашему Величеству.

Король ответил хладнокровным взглядом в синеву моря перед собой и пригладил гриву коня, который нервно ржал и мотал головой, перенимая повадки переменчивых настроений своего наездника.

– Как чувствует себя королева? Я слышала, что вчера госпожа билась в истерике на похоронах принцессы. – Два зеленых зрачка блеснули из-под ресниц.

– С королевой все будет в порядке. Антина всегда была неуравновешенной эмоциональной женщиной. Я знал, что мой категорический протест помещения тела Лианы в семейный склеп вызовет целую бурю или даже извержение вулкана. Но женщина есть женщина – дай ей прослезиться и все встанет на свои места.

Морозящий дождь слился с ветром и в едином порыве трепал капюшоны ранних гостей, мокрая трава облизывала копыта мерингов, а сами кони беспокойно топтались на месте, то и дело разворачивая своих наездников вокруг себя.

– Скоро у вас появится другой наследник, мой король. До этого времени следует беречь жену, если вы хотите, чтобы ребенок родился здоровым и способным продолжить ваше дело. Равновесие королевы играет не последнюю роль. При этом хочу вас предупредить, что помимо эмоций у Ее Вели-

чества сильная тяга к жертвенности и будет настоящей катастрофой, если она решит покончить с собой во благо своих ошибочных убеждений. Я не предполагаю. Все мои догадки основаны на ее мыслях и поступках. Не вешайте на ее плечи груза, которого она не вынесет.

Король не ответил. Он лишь кивнул головой в сторону тропинки, ведущей с утеса – по дороге уже поднимались узники.

Иллая и Седрик ступали по вымокшей почве, подгоняемые в спины топором палача. Громила с голым торсом и черным головным убором, скрывающим его лицо, широко шагами ступал следом и смотрел тяжелым взглядом по сторонам. Руки пленников были связаны за спинами, лица покрыты синяками и ссадинами.

Следом за палачом, схватив странника за локоть, ступал Хранитель Легионов – его плащ, прицепленный к доспехам на плечах и обшитый мехом, метался за спиной из стороны в сторону, невольно грозя вот-вот сорваться и улететь прямо в море.

– Пришло твое время наслаждаться зрелищем, медведь, – процедил король, когда хранитель подвел Сарвилла ближе и заставил опуститься на колени перед владыкой сильным ударом по затылку. – Смотри туда, не отрывая взгляда. Ведь это твой последний шанс увидеть своих друзей живыми.

Хранитель Легионов вынул из ножен кинжал и приставил его к горлу странника. Руки пленника были намертво схва-

чены друг с другом наручами из трита и бессильно ложились на колени.

– Ты думаешь, я зло? – спросил король, даже не повернув на странника головы, но все же обращаясь к нему. – То, что существует для того, чтобы сделать из тебя героя? Ты ошибаешься, медведь. Во всей нашей истории ты пустил столько крови, сколько мне не снилось в самых жутких кошмарах. Я хотел убить одного человека – тебя. Но тебе этого стало недостаточно, и ты запустил целую череду событий, отнявшую множество жизней, и в конце концов мы стоим здесь и вынуждены принести еще две жертвы. Посмотри в глаза своих друзей и скажи мне, по чьей вине они умрут сегодня? По моей или твоей? Мне ты можешь сказать что угодно, но не ври самому себе.

Палач уже стоял у самого обрыва и натачивал лезвие топора. Коренастый высокий мужчина пестрил набухшими венами на мускулах, а его исполинская тень от выглянувшего из-за туч светила ложилась на стоящих на коленях пленников. Солнце еще некоторое время играло бликами на лезвии орудия смерти, но через несколько мгновений скрылось, накрыв Утес Смертников и весь Даггард одной небесной тенью.

– Не так давно я понял, что все мольбы, которые в моей власти, не способны изменить будущего. Они лишь подвергают сомнению репутацию того, из чьих уст звучат. Я только хочу спросить: я в силах что-то предпринять, чтобы вы отпу-

стили Седрика и Иллайю? Хоть что-то? – Сарвилл говорил спокойно и сжав зубы. Он смотрел перед собой на палача и ждущих своей смерти друзей.

– Не утруждайся, мальчик мой, – встряла Люция, спешившись с коня, и, подойдя со спины, положила страннику руку на плечо. – Мы можем творить огонь и читать мысли, но не в силах поворачивать время вспять. Как ты правильно заметил, все, что сейчас в твоих силах, в момент казни этих людей – это сохранить лицо. Король великодушно спасет твою жизнь во благо будущего государства. Но тебе придется с этим жить. Винить себя в смерти друзей – нелегкая ноша.

Все это время Хранитель Легионов внимательно наблюдал за происходящим. Ему было поручено рассмотреть пламя в глазах странника и официально задокументировать собственные показания, чтобы в будущем избежать разногласий с другими членами Совета Тринадцати, связанных с отправкой Сарвилла Кхолда в Башню Стихий. Хранитель Легионов только ждал сигнала от чародейки, чтобы взглянуть в глаза медведю и увидеть там то, что предрекало страннику путешествие к башне.

– Зачем ты мне все это говоришь, волшебница? Разве мои мысли не трогают тебя? Разве тебе недостаточно того, что ты натворила? Сперва натравила на меня короля, заставила ввязаться в войну, о которой я и знать не желал, своей навязчивой идеей послала на верную смерть десятки воинов, которых я был вынужден убивать, иначе они убили бы меня...

Зрачки Сарвилла становились все шире с каждым произнесенным словом. Где-то глубоко в бездне этих разных глаз что-то пыталось получить из искры огонь, раздуть пламя, которое вырвется наружу и вынесет страннику приговор, а вслед за ним повлечет гибель алхимика и волшебницы.

– Чего ты молчишь, чародейка? Не делай вид, что не понимаешь, о чем я говорю! Ты убила принцессу! И это был неверный ход! Ход, после которого в шахматах противник неизбежно одерживает победу, несмотря на то, что по всем раскладам она должна была остаться за побеждавшим. Дорога невозврата. Я убью тебя. Слышишь? Я клянусь!

В этот момент пламя в глазах странника разбушевалось. В тусклом свете, пробивающемся из-за туч, два ярких огонька неистовствовали так бурно, что в полной темноте уставшие моряки приняли бы их за маяк на берегу Дастварда и, несомненно, разбились бы о скалы.

Люция сделала жест рукой, Хранитель Легионов обошел медведя, схватил его за подбородок и узрел языки пламени, пляшущие в цвете разных глазах пленника.

– Достаточно, – произнес хранитель и двинулся в сторону палача.

– Что? – странник опешил.

– Весь этот спектакль был разыгран с одной целью, – произнес король. – Мы добились чего хотели. Теперь Хранитель Легионов казнит твоих друзей. Если вздумаешь двинуться, то и твоя голова упадет с плеч. Смотри на них и не отвора-

чивайся.

В это время Сарвилл ощутил на шее холод острого лезвия. На этот раз это был королевский клинок – Рогар уже спешился с лошади и стоял чуть позади, готовый проткнуть узника, если тот сделает чуть более резкое движение, чем от него ожидают.

Здоровяк, тщательно наточивающий топор все утро, взял Седрика под руки и подвел к плахе. Затем отступил, и на его место, держа большой двуручный топор одной рукой, зашел Хранитель Легионов.

В один момент Сарвилл готов был вскочить на ноги, подбежать и что есть силы вцепиться в глотку хранителю. Он мог умереть на том самом месте, где сейчас должны будут погибнуть его друзья, но закончить эту войну. Но что будет дальше? Вслед за ним король убьет и алхимика, и волшебницу, забрав то единственное, что сейчас еще оставалось у странника – месть. Нет.

Меч вознесся к грозовым тучам утреннего неба Дастварда и упал, остановившись об окровавленное дерево, оставив на нем очередную зарубку. Голова алхимика скатилась к обрыву, в другую сторону от Сарвилла.

– Нет! – возглас медведя улетел к морю и утонул в недрах бескрайних вод. Слезы катились из глаз Сарвилла и падали, впитываясь в пропитанную смертью землю утеса.

Палач небрежно сдернул тело алхимика с плахи, освободив место следующему смертнику – ноги и руки убитого еще

продолжали дергаться в предсмертных конвульсиях.

Осужденная чародейка смотрела на странника лицом безразличным и потерявшим всякие надежды. Она что-то шептала себе под нос, что странник принял за молитву Великой Касандре. Затем ее опустили на колени и глаза девушки спрятались от него.

– Иллайа, прости меня. Слышишь! Прости меня! – странник кричал чародейке, уже не видевшей, но все еще слышавшей его голос.

Короткий взмах, падение, глухой и пронзительный звук. Стая птиц, притаившаяся в длинной траве неподалеку, взмыла вверх.

– Все кончено, медведь, – сухо вымолвил король и убрал свой меч в ножны. – Твои друзья погибли следом за твоей матерью и сестрой, которых ты так хотел спасти.

Сарвилл обессиленно упал на землю, словно это его тело, а не Иллайи, лишилось головы и без чувств свалилось с плахи. Прижавшись одной щекой к мокрой траве, он смотрел в безжизненное лицо чародейки, моргая лишь тогда, когда силуэт головы девушки расплывался в наполнившихся слезами глазах странника.

Хранитель Легионов подошел к королю и встал на одно колено.

– Ваше Величество... – Рука старейшины ударилась о грудь.

– Вы исполняете приказы лучше, чем прежний Храни-

тель Порядка. Заберите пленника и сегодня же начните готовить его к путешествию в Башню Стихий – дело требует от нас безотлагательности. Вечером конвой должен тронуться из Дастгарда. Прошу вас лично сопроводить преступника в башню магов.

– Как скажете, Ваше Величество.

Король сделал соответствующий жест, после которого рыцарь встал на ноги и поднял с земли, казалось, также мертвое тело Сарвилла.

Перепачканное в грязи лицо медведя не выражало ничего. Абсолютное бездушие промозглого дастгардского сырого утра. Земля особенно тщательно прилипла к тем местам, по которым ранее текли слезы, а вместо бушующего пламени в зрачках странника сейчас можно было рассмотреть только две холодные безжизненные бездны – голубую и янтарную.

Хранитель Легионов взял пленника под руку и увел прочь с Утеса Смертников.

– Все, как вы и рассчитывали, Ваше Величество, – Люция заговорила первой после короткой паузы, все еще глядя на бездыханные тела чародейки и алхимика.

– Удел молодых и неопытных творить все в одиночку, а затем сетовать на несправедливость в жизни. Будь странник чуть умнее и проворнее, он бы ни за что не бросил своих спутников и не отправился в одиночку в Шаарвиль спасать... как там ее? Не важно. Что сделано, то сделано. Теперь настало время сосредоточиться на более важных вещах.

Король огляделся, а затем подозвал к себе здоровяка – палача, того, что сперва так усердно натачивал топор, а затем выполнял обязанности простого могильщика, ворочая бездыханными телами убитых.

– Ваше Величество, – приклонился здоровяк, подойдя ближе к монарху и сняв с себя черный головной убор палача.

Король взобрался на коня и еще раз обернулся вокруг, придерживая спесивого мерина.

– Отличная работа, господин Инстад. Это золото вы по праву заслужили. – Он достал кожаный плотно набитый кошель и подкинул так, чтобы палач успел сориентироваться и подхватить золото. – Они ваши. Возьмите.

Здоровяк поймал мешочек, и в тот же момент ветер, что задувал на утесе, стал еще более холодным и пронизывающим до костей. Ветер понесся по кругу, оставляя за собой невидимый шлейф магии. Магии, которая расколдовывала все, что было доселе нереально и выдуманно.

Сперва из лысого черепа палача полезли седые волосы, а из подбородка показалась густая борода. Вздутые тугие мускулы принялись обвисать и, превратившись в дряхлую кожу, явили Утесу Смертников пожилого мужчину с глубокими морщинами, бороздящими его лицо, и ярко-синими глазами, покорно уставившимися на владыку Дордонии. Позади – подле плахи – тела алхимика и чародейки вместе с их отрубленными головами начали мерцать и через несколько мгновений изменились. Это были люди, но люди, доселе

незнакомые ни страннику, ни самому королю. Их языки были отрезаны, а глаза выколоты.

– И еще одно, Ронар Инстад. Та работа, за которую вы получили вознаграждение, является государственной тайной, за разглашение которой непременно последует смерть. Я уверен, на примере странника вы уяснили, что, даже добившись своего, я найду способ заставить предателя страдать еще сильнее.

– Я клянусь, Ваше Величество, унести эту тайну с собой в могилу. И пусть Бурлящая бездна проглотит меня с потрохами, если я не сдержу своего слова, – затараторил тонким голосом иллюзионист.

– Сделайте так, чтобы история о том, что произошло сегодня, действительно была похоронена вместе с вами. А теперь можете идти. Вы еще поспеете за своей трупой, если поторопитесь. Говорят, они отбыли накануне.

Иллюзионист еще раз поклонился и достаточно резво для своего возраста зашагал в сторону Солнечной аллеи.

– Какой будет следующий шаг, мой король? – пропела мелодичным голосом Люция, которая вела себя так тихо, что стала невидимой и своим появлением застала короля врасплох.

– А для следующего шага я припас кое-что исключительное... – задумчиво и загадочно ухмыляясь, прошипел Рогар. Он развернул своего коня в направлении города и продолжил:

– Нужно быть готовыми к нападению Творса в любой момент. Надеюсь, Магистр Стихий добьется от медведя всего необходимого в самые кратчайшие сроки, иначе умрет слишком много дордонийцев.

Сказав это, владыка Дордонии пришпорил мерина и поскакал вниз, туда, где все это время его ожидали паладины из верной королевской стражи.

Глава 3

Змеиный Тракт уходил в горизонт пыльной утоптанной дорогой. Тепло дордонийских лучей еще дотягивалось до телеги, раскачивающейся на попавших под колеса камнях и медленно катящейся на север. Гномы, сидящие в ней, распевали похабные песни и выбрасывали на обочину остатки еды – огрызки яблок, косточки от персиков, остатки спелой южной кукурузы и другие дары плодоносной Дордонии. На самом краю сидел Гровин Баггз и что-то дотошно объяснял сидящей рядом черноволосой чародейке.

– Послушай, женщина! Если этот, как его, странник, выбран Богами для какой-то важной миссии, как ты говоришь, то ничего с ним не случится! Ну сама подумай. Если чьей-то заднице предназначено получить божьим сапогом промеж самых булок, то это свершится. Так или иначе. А если не предназначено, то все твои предсказания про конец света – полная чепуха и гузно медведя! А значит, и бояться нечего.

Ноэми устало закатила глаза и выдохнула.

– Гровин. Я благодарна тебе за помощь, но, что делать дальше, я в силах решить сама. Если вам не по пути заезжать в Туурин, тогда оставьте меня на перекрестке, с которого я сверну к нему и доберусь до Старгорда своими силами.

– Вообще-то... – гном заикнулся.

Если бы чародейка не узнала его так хорошо за время их

знакомства, то, возможно, приняла бы это за проявление застенчивости.

– Я хотел попросить об одолжении.

– Теперь ясно, в чем дело. Валяй, гном. Долг платежом красен. Я понимаю. – Ноэми поправила манжеты на рукавах.

Гровин Баггз соорил такую удивленную гримасу, будто бы его натуру только что совершенно незаслуженно обвинили в алчности и предсказуемости. Волшебница почувствовала собственную резкость и тут же продолжила:

– Я действительно не против помочь. Просто, кажется, я провалила свою миссию, и, возможно, отвлекаясь на что-то менее важное, я упусти самое верное время помочь Сарвиллу. Если он, конечно, еще...

– Ах, это... – Напряжение с лица гнома спало, а глаза заблестели ярче начищенных кубков, лежащих в этой же телеге и принадлежащих какому-то древнему роду. – Мы не отнимем у тебя много времени. Разве что полдня. Ты располагаешь таким временем, чародейка?

Ноэми сдалась.

– Позволь сперва выслушать твое предложение, после чего, если это действительно не заберет много времени, я, возможно, полезу в авантюру, в которую ты наверняка сейчас постарайся меня завлечь.

– Вот и славно. Заткнитесь там, вы! Дайте с человеческой женщиной о делах поговорить, – бросил Гровин Баггз галдящим позади товарищам. – Слушай. Недалеко от Туурина

находится озеро. Эльфы прозвали его Антакриэль, что в переводе значит «заколдованное». На берегу этого озера есть пещера, в которую эти остроухие заговорили вход водопадом – стена воды бьет так, что хер туда проберешься, а если и проберешься, то не выберешься.

– А почему вы решили, что самые умные и никто там до вас не побывал? – с явным скептицизмом в голосе спросила Ноэми.

– А мы не решали. Может, и был кто. Да только мы о существовании этой пещеры впервые в Дастгарде услышали нынче, на Дне Петуха. Старик, что нам карту продал, сам там все облазить хотел, да только внутрь попасть так и не смог. Но чую я, что ценностей на озере хоть отбавляй. А может, и лучше что. Клянусь тебе, чародейка. А чуйка моя никогда еще не подводила. Верно, парни?

– Чего ты там лепечешь, борода единорога? – насмешливая фраза долетела с другого конца телеги.

– Может, за поводья сесть хочешь, вместо того чтобы языком трепать, а? – послышались подначивающие замечания других гномов.

– И теперь ты хочешь, чтобы я вход в эту пещеру открыла? – пропустив мимо ушей весь град замечаний гномов, уточнила волшебница.

– В точку, женщина. Сама судьба нас с тобой свела, чтобы мы то, что там внутри, узрели. Ровно на полдня от пути отклонимся, ты и не заметишь, как время пролетит. Ну?

Чародейка прищурила глаза и посмотрела в тающие вдалеке вершины гор, среди которых пряталась Башня Стихий.
– Полдня, говоришь? Едем.

Озеро Антакриэль. Колыбель спокойствия и умиротворения на пути на самый север Неймерии, расположенная в Средиземных Горах по другую сторону от Кладбища Длиннорогов. Изумительное место, будоражащее путников пением невиданных птиц, шумом текущих всюду водопадов, кристально чистой водой в озере и невероятно красивыми вечнозелеными растениями вокруг.

Тяжелый подъем в гору, занимающий добрых полдня, останавливал внушительное большинство путников от посещения столь дивного места и, конечно, поражал своим величием рискнувших подняться и насладиться горным воздухом странников.

Озеро носило эльфийское название, как, впрочем, и принадлежало оно эльфам, живущим дальше к северу в Изумрудном лесу. Самый древний народ из ныне живущих никогда не был против посещения людьми и гномами своего прекрасного достояния, потому как давно перестал приходить к озеру и заниматься тут ремеслом. Наверное, это и было одной из причин, почему люди до сих пор не отняли водоем, хотя с небывалой легкостью могли бы это сделать – эль-

фы не препятствовали посещению, а для бюрократических споров сейчас в мире было не самое время.

– Ты не сказал, что полдня – это подъем в гору. И ладно бы, мы весь путь преодолели на колесах – уже несколько часов забираемся пешком.

– Не время конючить, женщина. Я и сам думал, что весь путь пролетит незаметно за рассказами о похождениях Вакина. Но какие уж тут байки. У тебя хоть ноги длиннее, – задыхаясь протараторил гном.

– От моих длинных ног нет никакого толку, потому что я плетусь вслед за вами этой протоптанной горными козлами узкой тропинкой. О, Касандра! – внезапно Ноэми воскликнула от восхищения.

Перед глазами чародейки и гномов открывался великолепный вид на Антакриэль. Все, что слышала Ноэми об этом месте доселе, оказалось бессовестным враньем, призванным, по-видимому, отбить желание взбираться так высоко.

Лысая гора была изгоем посреди остальных пестрящих разной растительностью вершин. Самые невиданные деревья по склонам прорастали к подножью, упираясь в абсолютно спокойную и неподвижную голубую гладь озера. С разных сторон били водопады – от маленьких, стекающих крохотными каплями, до самого большого, обрушающего целую прозрачную завесу в водоем. Высокие вершины гор прятали долину от солнца так, что чистая водная поверхность имела

редкие моменты для того, чтобы заиграть солнечными лучами. А пение птиц... Птицы щебетали на своем так чисто и мелодично, что остаться здесь навсегда не только не считалось чем-то из ряда вон выходящим, но и пользовалось популярностью – паломники, отшельники, беженцы и другие ищущие пристанища люди, эльфы и гномы часто останавливались в горных лесах на время или даже навсегда.

– Ладно, гном. Думаю, вытащить меня сюда было не совсем плохой идеей. Куда дальше?

– Дальше на ту сторону. Не смотри на меня так, чародейка. Полдня еще не прошло.

Гномы вместе с волшебницей спустились в долину, обогнули озеро, перейдя по пути мелкую горную речушку, которую Ноэми ловко преодолела, перепрыгивая с одного камня на другой, но которую гномы покрыли всеми известными им ругательствами на своем языке, так что часть из них поняла даже волшебница, несмотря на то, что никогда прежде не слышала ничего подобного.

Вымокшие, уставшие, голодные и жаждущие привала гномы остановились у водопада средних, по сравнению с остальными здесь, размеров. Гровин Баггз посмотрел наверх – туда, откуда брала свое начало стена воды.

– Судя по всему, пещера здесь, – заключил гном и еще раз внимательно уставился на развернутый лист. – Должно быть, она где-то посередине скалы. Именно поэтому старик, продавший мне карту, и избавился от нее. Будет непросто

вскарабкаться наверх. А если потом еще и силой водопада обратно в озеро собьет... А ну, парни. Кто полезет проверить? Торк! Раз Зубрина мы оставили вещи сторожить, а Вакин скорее родится обратно, чем на гору эту взберется, тут уж тебе не отделаться.

– Пряма-таки и не отделаться! – возмутился Торк. – Полежай сам, коли ты карту купил. Может, там вообще пещеры никакой нет, а я сейчас шкурой рисковать стану. А если упаду или еще чего?

– Чародейка, можешь ты нам показать, что там за течением? А то мы до сумерек не сговоримся. Клянусь бородой!

– Во все места уже бороду свою засунул, и все неймётся, – вставил свою лепту Вакин, усевшись на упавший ствол дерева и присосавшись к фляге.

– Я бы помогла, но, боюсь, сил после этого у меня может не хватить на то, чтобы обратный путь открыть, – ответила Ноэми.

– Слышал, Торк? – Гровин не стал настаивать. – Шанс один, или хочешь с пустыми руками отсюда уйти, а потом пусть кто посмелее разбогатеет?

– Ладно, ладно, – ответил Торк. – Иду уже. Дай только дух перевести.

Он вырвал флягу из рук приятеля, вцепился в горлышко пухлыми губами и не отлипал, пока стенки сосуда не пристали друг к другу изнутри. Затем сбросил со спины медвежью шкуру и подошел к скале.

– Чародейка! – крикнул Торк, обратив взор на Ноэми. – Много тебе времени понадобится, чтобы вход открыть? Я там болтаться долго не смогу. Ты же видишь, что мой собственный зад меня перевесит как пить дать.

Ноэми поморщилась, а по ее лицу вновь проскользнуло неодобрение.

– Я сделаю все, что смогу. Полезай. Какой силой обладает течение, понять невозможно, пока не попробуешь. В крайнем случае я не имею ничего против того, чтобы местная стуженая вода охладила твой не знающий границ выражениям пыл.

– Эй, так не пойдет! Я плавать не умею, как и эти... друзья мои, в общем. Надо так, чтобы сразу получилось, ясно?

– Полезай давай, хрен упрямый. Сказали, все получится, значит, получится! – Гровин Баггз высунул руку из озера, прохладу которого принялся проверять, видимо, после слов чародейки.

Торк полез. Коренастый гном ростом в три локтя забирался по отвесной скале, еле дотягиваясь до уступов, за которые можно было зацепиться киркой или поставить ногу. Он пытался, скользил, цеплялся бородой за торчащие из скалы неровности, ругался, молил Священный Камень спасти его. Через некоторое время он дополз до самого центра скалы и с неистовой болью в голосе истощенным криком потребовал открыть ему путь.

Стена воды падала с обрыва далеко вверху и едва не цеп-

ляла правую руку гнома, нависшего над пропастью в виде озера Антакриэль. Ноэми подошла на самый край берега и возвела руки к водопаду. Уже некоторое время ничего не происходило. Бурлящая водами горной реки струя, ниспадающая с обрыва, едва сдвинулась с места, освободив гному лишь несколько дюймов.

– Ничего не выходит, чародейка? – Взволнованный за своего товарища Гровин Баггз стоял рядом и смотрел на Ноэми щенячьими глазами.

В ответ волшебница лишь бросила мимолетный презрительный взгляд, не отвлекаясь на стенания гнома, и принялась произносить что-то на эльфийском.

– Diae'le! Mina grun'de hait! Iscupatun SIAVILLE! TIAT'RE SONA KRUSH'LAI! – казалось, не в силах выдержать тяжесть собственных рук, Ноэми перешла на крик, и вся долина загремела эхом эльфийского диалекта.

Получилось. Тяжелая, доселе неуступная стена воды, способная, казалось, раздавить любое живое существо, попавшее на пути, поддалась невидимой силе и сдвинулась в сторону, открывая взору гномов... ничего. Перед рукой Торка, готовой чуть раньше ухватиться за заветный уступ, обзанный привести его к несметным сокровищам, сейчас был просто мокрый, гладкий и покрытый мхом камень.

– Это что? – кричал разочарованный Торк. – Я клянусь, Гровин, как только мне удастся оказаться на земле, я засажу тебе свой башмак по самые...

Торк не успел договорить свою речь, как от скалы чуть ниже висящего гнома отвалился камень, затем еще один. И еще. Град из маленьких камушков и огромных валунов ниспадал в эльфийское озеро, создавая сильные волны, тут же разлетавшиеся по водной поверхности в разные стороны.

Воодушевленный Торк сразу принялся спускаться к открывшейся нише посреди горы, скрупулёзно работая своей киркой.

Добравшись до пещеры, гном высунулся из нее, показал неприличный жест и скрылся.

– Торк! Ну что там?! – Гровин Баггз рвал глотку в надежде усмирить свое любопытство.

На безудержный ор гнома никто не отвечал. Тогда Баггз схватил веревку, перебросил ее через голову и полез вслед за товарищем.

– Торопись, гном! Я не смогу сдерживать водопад вечно... – Чародейка изнемогала под неведомой тяжестью, а ее колени слегка подгибались.

Когда Гровин Баггз добрался до края пещеры, то тут же сбросил веревку, по которой в будущем легко сможет спуститься вниз, прежде обмотав ее вокруг корня дерева, проросшего глубоко внутрь скалы и теперь слегка преграждающего дальнейший путь.

– Ничего тут нет. – Откуда ни возьмись рядом с Баггзом возникла фигура Торка, держащего в руке кучу небольших камушков.

Он в сердцах бросил камни в озеро, зацепив несколькими из них стену воды, в невероятных стараниях удерживающую Ноэми. Волшебница приняла странное ощущение за небывалый прилив сил и лишь спустя несколько мгновений догадалась, что это не ее магия стала сильнее, а сила водопада сократилась в такое количество раз, что сейчас она могла одним пальцем передвигать бьющую с обрыва воду.

– Так, – отдышавшись, произнесла она. – Оставайтесь на месте. Вакин!

– Чего тебе, женщина? – Гном, уставший, по-видимому, сильнее всех, закатил глаза.

– Слезай с бревна!

– Чего?

Чародейка подняла из озера волну, та подхватила упавший ствол дерева, на котором сидел упрямый Вакин, тут же свалившийся с него, прыгнула на полено, когда оно набирало высоту, и мигом оказалась на краю пещеры вместе с другими гномами. Дерево упало в озеро, подняв в воздух целый шквал брызг, а водопад вернулся на прежнее место, укрыв обнаруженное путниками место от и так тусклых лучей.

– Ты чего сюда взобралась? – Торк упер руки в бока. – Я для кого орал, что тут ничего нет? Спускаться сама будешь. Я тебе не помощник. Раз у себя на уме.

– Дай факел, гном. – Ноэми протянула руку Торку, и тот нехотя вручил ей единственный светоч. – Идите за мной. Ступайте осторожно, здесь может быть что угодно.

– Ничего там нет, лисья твоя мать. Только же ходил смотреть.

– Тс! – Ноэми устремила на него грозный взгляд, освещаемый огнем факела. – Молчи, если не хочешь, чтобы тебя завалила гряда камней сверху. И моя магия тебя не спасет, потому что здесь я бессильна.

Гном вытаращил на чародейку свои большие круглые глаза.

– Трит, гном. То, что ты нашел здесь, это трит – единственный металл на свете, способный блокировать магию. Поэтому, если вы не будете вести себя осторожно, мы можем попасть в беду, ясно? Я рада. Теперь идем.

Пещера показалась Ноэми великолепным произведением искусства, созданным рукой природы. Слегка видимые красочные растения у самого входа дальше вглубь начинали переливаться красными, синими, желтыми, зелеными и другими цветами. Ноэми готова бы была биться об заклад, что все они магические, если бы не знала точно, что никакой магии тут быть не может. Журчание воды осталось далеко позади, а перед двумя гномами и чародейкой открывался вид на абсолютно обычную стену, несущую за собой залежи трита и рассыпавшую возле себя частицы этого же металла, облаченного в камень.

– Говорил же, что нет тут ничего. – Торк развел руками. – Вот тебе и разбогатеет кто-нибудь вместо меня, Гровин. Видимо, в то время, пока я здесь лажу.

– Молчите, – Ноэми остановила не успевшую начаться дискуссию. – Водопад был и вправду магический. Только вот я уверена, что мы открыли лишь одну из дверей, а эта следующая...

– Слышал, Торк? Можешь катиться на все четыре стороны, я тебя не держу. – Безбородый гном важно уставился на приятеля. Торк в ответ лишь отвел взгляд и принялся рассматривать заколдованную стену, словно вообще не разговаривал с тех самых пор, как они с утра совместно принимали завтрак.

– А как ее открыть, это следующая загадка, – прошептала себе под нос чародейка и прикоснулась к холодной стене.

Ноэми уже несколько часов изучала пещеру, бродя по ней взад и вперед. Снаружи уже давно смеркалось, когда утомленные гномы развалились на земле, создавая дополнительные помехи ее похождениям. Казалось, храп, создаваемый Гровином Баггзом и Торком, сотрясает всю гору, а более того, мешает заснуть всей обитающей вокруг живности, кроме, конечно, Вакина, оставшегося внизу и уподобляющегося неприятным громким звуком своим приятелям.

– Зачем кому-то понадобилось прятать трит в таком месте, да еще и замуравывать его под семью замками? – шептала себе под нос чародейка. – Правильно бы уехать отсюда и забыть про то, что я видела, но... Бездна! Вдруг там то, что поможет чародеям наконец вернуть уважение, которым они пользовались веками. Кто-то явно хотел обезвредить маги-

ческие способности заточенного внутри...

Несколько часов при свете факела Ноэми разглядывала каждую щель в пещере, но никак не могла решить, что делать дальше. Ее ноги подкашивались под напором усталости, животы гномов урчали от голода, а чувство, что она сейчас нужна в другом месте, никак не отпускало мысли волшебницы. Но отступить от начатого было не в духе чародейки, поэтому она снова и снова подходила к стене и тщательно, дюйм за дюймом, изучала уже родной камень.

– Еще не все? – Торк зевнул во весь рот, донося сонливый стон до Ноэми, которая сейчас изучала что-то у самого выхода из пещеры.

Ответа не последовало, и гном решил не узнавать, расслышала ли она его. С надеждой вздремнуть еще некоторое время он перевернулся и заснул.

Когда, пристально вглядываясь в надоевшую стену, Ноэми вступала на новый круг познания какой-то великой тайны, то не заметила ногу перевернувшегося для собственного удобства гнома и, запнувшись об нее, полетела на землю. Рука не удержала факел, и он врезался прямо в каменную стену, образовав облако из искр, и упал на землю, поджигая траву, прорастающую здесь сквозь камни неизвестно сколько времени. Огонь за мгновения распространился на всю магическую стену, которая тут же вспыхнула и в одночасье исчезла, открыв незванным гостям путь дальше.

Гномы проснулись от неожиданного сотрясения, которое

разразило пещеру грохотом, словно в гору ударила молния невиданной силы и заставила камень содрогаться.

– Что? Где? – Торк заерзал, протирая глаза и прибирая распушившуюся бороду к животу.

– Путь открыт, – загадочно произнесла Ноэми, поднимаясь на ноги и отряхивая пыль с колен.

Чародейка подняла факел, решивший столь сложную загадку, и, освещая себе путь, короткими шагами заступала внутрь.

– Стой! Нас подожди! Гровин! Просыпайся скорей. Чародейка вход открыла. – Гном схватил приятеля за воротник и помог тому подняться на ноги, чтобы они вместе поторопились вслед за тающим в темноте огнем.

Свет от факела разъедал безусловную тьму перед чародейкой и накладывал ее тень на осторожно ступающих позади гномов. Где-то вдалеке, Ноэми уже не могла понять, спереди или сзади, капли падали в скопившуюся лужу, разнося равномерное на всю пещеру бульканье, тем самым давя на нервы совершенно не успевшей поспать волшебнице. В воздухе запахло корицей и можжевельником с примесью еще какой-то травы, но она никак не могла вспомнить какой, потому как не переносила запаха первых двух.

– Долго еще идти? – спросил Торк, будто бы остальные были здесь невероятное количество раз и шли уверенным шагом, точно зная дорогу.

– Не знаю, – процедила сквозь зубы чародейка.

– Гровин, – переключился гном.

– А?

– А ты куда потратишь всю ту кучу денег, которую мы раздобудем в конце этого тоннеля?

– Ну-у...

– А я себе корову куплю, – не дожидаясь ответа, заявил Торк. – Говорю тебе, это самое выгодное вложение. Жрет она траву, пьет воду, все это можно найти в любой точке Неймерии, и не платить за это ни монеты. А молока от нее... Только и делай, что хлебай с утра до вечера да успевай ведра подставлять. Вакин на днях чесал, мол, можно вообще на одном молоке прожить и никакого тебе мяса и не надо будет.

Чародейка закатила глаза, но уже даже не пыталась остановить непрекращающуюся болтовню гномов.

– Только от мяса я отказаться не готов, честно сказать, – не унимался Торк. – А если там золота еще и на быка хватит, то я их плодить примусь. Говорю тебе. Мяса вдоволь будет, молока еще больше. От двух сразу.

– От быка-то? Молока? Поди найди вымя у него да подержай, быть может, он тебя своими копытами так огреет, что у тебя мозги раз и навсегда на место встанут.

– Эх, Гровин... – кажется, даже не услышал товарища гном. – Во заживу! А то устал я уже по этим склепам да пещерам слоняться. Хочется вернуться в Город Гор, затащить Элизу на Клятвенник, чтобы остальные не заглядывались, пока коров хожу пасти. Но прежде надо выдолбить себе до-

мик либо прикупить существующий, чтобы собственный зад не напрягать. Эх, красота.

Баггз усмехнулся:

– Ну и дубина ты, Торк. Так принцесса и пошла за тебя. Да еще и в халупе жить собралась, которую ты там выдолбить собрался. Как бы твои коровы у нас в горах не сдохли – и то ладно будет.

– Ничего ты не понимаешь, Гровин. Ну вот скажи. Таскаемся мы сколько лет по всему свету? Десять или около того? А что изменилось? Разве что вшей перемерили от самого севера до Расколотого Хребта. Смысл-то в чем получается? Странствовать, чтобы заработанные деньги на странствия и потратить? Подозрительная какая-то работа. Ты как знаешь, а я жить хочу, понимаешь? Сына вырастить. С Элизой до утра на вершине горы болтать.

– Ну и дерзай, Торк, раз бессмертный. А я имя свое оставить хочу. Не хочу, чтобы после смерти гномы не помнили, кто я такой и зачем на свет появился. А вся эта белиберда про перерождение давно уже плесенью покрылась и изжила себя. Один у нас шанс оставить след в истории есть. Длинною в жизнь. Второго не дано и не дано будет.

– Тише вы! – Ноэми прервала спор. – Слышите?

С разных сторон сквозь узкие щели заскулили ветра, наполняя пространство вокруг шумом и прохладой.

– Вот и стена, – заключила чародейка, когда они уткнулись в очередную преграду, как будто ожидала ее здесь уви-

деть. – Я знаю, что это за место.

Ноэми принялась за уже знакомое занятие – пристально осматривать каждый дюйм стены, в поиске ключа.

– Точнее, как это место преодолеть. Что нас ждет за всеми четырьмя стенами, я не знаю.

– Четырьмя? – спустя некоторое время нетерпеливо шмыгнул носом Торк. – Что дальше-то про стены?

– Все стены связаны стихиями. Сперва мы открыли воду, далее удалось открыть огонь, сейчас же, я полагаю, перед нами преграда воздуха, а впереди нас ждет последнее испытание – земля. Только вот опасаясь я больше всего, что уйдем мы отсюда с пустыми руками, потому как повелители разных стихий должны все эти двери открывать. Но попробовать стоит.

Эта стена не напоминала конец тоннеля по сравнению с предыдущей, где надежда на то, что впереди еще что-то есть, растаяла почти сразу и только из-за настойчивости Ноэми была возрождена и превратилась в победу. Эта же преграда просвечивала сотнями маленьких щелей, которые светились разными цветами и пропускали сквозь себя сотни сильных ветров.

Торк из солидарности к общему интересу поучаствовал небезразличным взглядом в поисках, а потом вновь повернулся к другу, оставив чародейку у стены наедине с собой.

– Ты говоришь, как все эти болваны с Призрачных Гор, Гровин, которые пыхтят с утра до вечера в Бездушных Копях

в надежде послужить своему народу, который так же глубоко под землей трудится в слепой вере откопать Священный Камень. А для чего? Делать потом что он велит? Это не по мне, друг. Не хочу я никому и ни для кого служить, кроме себя. И Элизы, конечно...

– Гора с тобой, Торк. Покупай себе корову, долби дом, хватай королевскую дочь за сиськи. У меня другой путь... – Гном сел, навалившись на стену, и достал флягу.

– Ну давай, Гровин. Скажи мне какой? То, что ты Священный Камень найти хочешь, это я уже понял, а дальше? Ну вот представь, найдем мы сейчас в этой пещере столько золота, сколько каждому из нас и до конца жизни не потратить. Что со своей долей делать будешь, раз странствия для тебя все? Вакину отдашь, чтобы он тебе по десять монет на ночевку по дороге выделял, или как?

Гровин Баггз подложил ладони под голову и уставился на сотню цветов, прорастающих из стены пещеры.

– Может, королем заделаюсь, кто знает? Найду Священный Камень, и наш народ меня на престоле захочет видеть, а не Сутулого, чьи предки всю Дордонию профукали и смылись в Призрачные Горы счастья искать. А счастье, может, вон оно и было не под землей, а в Аарде, на берегу Солнечного Моря...

– Мне дед рассказывал, будто там раньше не так пекло, как нынче, и что если бы гномы там до сих пор жили, то в первое же Солнцестояние и так добровольно убрались бы

подальше на север.

– Дед тебе сказок всяких порассказать может. Но в том, что там жара плавильная, спору нет. Однако ж у печей в копиях наши как-то уживаются. Стало быть, и в Дордонии им бы место нашлось. Поэтому сразу после Священного Камня я бы за возвращение былых земель взялся.

– А потом что? А, Гровин? Ну, нашел ты Священный Камень, ну, Дордонию отвоевал, а дальше?

– Жену б, наверно, завел и наследников сделал, а то все коту под хвост будет.

– Вот. Хоть сколько ты будь расчётлив и дальновиден, но все дороги ведут к одному – продолжению рода и жене, Гровин. – Торк воодушевленно заулыбался.

Гровин Баггз только шмыгнул в ответ, усмехнулся и закрыл глаза.

– Ну что там? – не вытерпел гном, проснувшись от резкого протяжного завывания и вспышки света.

Чародейка стояла перед стеной, которая в этот самый миг буквально расщеплялась на мелкие частицы и выдувала песчинки в ту сторону, откуда пришли путники. Яркие разноцветные светящиеся огоньки распадались вместе с серым камнем и, облизывая силуэт Ноэми, улетали прочь, создавая за волшебницей шлейф, похожий на радугу. Свет, озаривший всю пещеру, казалось, до самого выхода, угас, и впереди вновь остался лишь огонь факела, несущий тяжкое бремя – осветить гостям путь к последней четвертой стене.

Путники наткнулись на нее почти сразу. Вот она. Перед ними стояла последняя из дверей, подобрал ключ к которой, возможно, наконец появится то самое заветное для гномов. Золото или, быть может, Священный Камень.

Если с нелюдями было все понятно, то Ноэми никак не могла услышать себя. Зачем ей все это? Зачем открывать неизведанное и таинственное, когда вокруг и так накопилась целая россыпь вопросов, требующих ответа. Не правильней ли будет развернуться и оставить эту загадку гномам? В конце концов она выполнила обещание и помогла попасть им внутрь. Но было ли под силу хоть кому-то, дойдя до конечной точки, до самого сокровенного и желанного, развернуться и уйти? Противостояние здравого разума и любопытства. Нет. На всей Неймерии не было существа, способного не поддаться собственному инстинкту, тем более когда вся затея не наверняка могла закончиться плохо, а скорее наоборот.

– Это Земля. Почти наверняка за этой стеной нас ждут неприятности. Кто-то неспроста закрыл путь четырьмя стенами. Поэтому будьте наготове, – сказала чародейка, и блеск ее васильковых глаз мелькнул в свете факела.

В стене перед Ноэми была сотня полых ниш. Чародейка подобрала с земли кусочек трита и вложила его в одно из отверстий. Что-то глубоко внутри горы шелохнулось, донесся до путников едва уловимую дрожь земли.

– Гровин, Торк, собирайте трит и вкладывайте его в от-

верстия в стене. Только быстро.

Все принялись подбирать камушки с металлом внутри с земли, собирая его по всей пещере и устраивая кусочки трита в стене. С каждой новой заполненной нишей дрожание горы, внутри которой они находились, ощущалось все четче и четче, но преграда до сих пор все так же крепко и неподвижно стояла, загораживая гостям путь.

– Зачем тебе все-таки все это, Гровин? – спросил Торк, отскребая очередной кусочек трита.

– Что? Это? – озабоченным взглядом посмотрел гном.

– Зачем рисковать жизнью изо дня в день, если конец так или иначе будет тот же, которого желаю я?

– Опять ты за свое, – выдохнул гном с остриженной бородой. – Вот ты род свой на этой земле оставить хочешь, правильно?

– Ну.

– А мне рода недостаточно, понимаешь? Не знаю я, какую пользу мои потомки миру принесут. Может, никакой вообще. Я против, чтобы на этот свет родиться и какое-нибудь благо не сотворить.

– То есть?

– Ну что «то есть», Торк? Вот спросят тебя: что ты хорошего за свою жизнь сделал и что ты скажешь? Корову доил? Да это и не польза вовсе. Разве что для тебя. А я хочу, чтобы какое-нибудь семейство за ужином мои подвиги обсуждало и молилось Священному Камню за мою душу и все добро,

которое я сделал.

– Ха! – усмехнулся Торк. – Вот и вся разница. Я для своей семьи героем быть хочу, а ты для чужой. Только я из этого подвига делать не желаю.

– Вот и порешили. Сейчас клад отыщем и отправим тебя в Город Гор делать принцессу счастливой, а я дальше поеду имя свое на страницы истории вносить. Последний, – закончил разговор Гровин Баггз и заложил еще один камень в отверстие.

Некоторое время ничего не происходило. Путники стояли неподвижно, ожидая обрушения преграды, но этого не свершалось, несмотря на то, что всю гору потряхивало так, словно ее взгромоздили на телегу гномов и повезли на север.

– Стена же должна обрушиться, верно? – не выдержал Торк, обратившись к спутникам.

– Должна, – ответила чародейка, чуть повысив голос, чтобы гном ее услышал.

– А почему этого не происходит? – вклинился в начавшуюся беседу Гровин. – В копиях все бегут наутек, если вдруг Призрачные Горы начинает так хандрить.

– Я не думаю, что нас завалит, если вы этого боитесь. Но что-то внутри явно пробуждается от того, что мы сделали. Держите оружие наготове. Я не смогу вам помочь, если из-за стены появится кто-то или что-то желающее нашей смерти.

Гномы потащили двуручные секиры из-за спин и, обхватив рукояти, поставили на землю перед собой.

Дрожь земли становилась все сильнее и сильнее. Она то еле чувствовалась, словно легкий морской бриз, то накатывала, как штормовая волна, то была непрерывна вроде ветра на просторах Сумеречной Пустоши, то давала по ногам отрывистыми накатами, будто кто-то обладающий великой силой стучал в неведомую дверь где-то глубоко внутри горы. Наконец под действием всех этих толчков стена, преграждавшая путь незваным гостям, поддалась. Трещина поползла снизу, слегка виляя между заполненными тритом отверстиями, добралась до самого центра, откуда пустила еще несколько трещин в разные стороны к углам стены. Пустота, разъедающая серый камень, поделила преграду на десятки частей, и те обрушились ниц, поднимая облако пыли в тусклом свете факела.

– Получилось, – прошептала Ноэми.

Некоторое время путники не торопились проходить дальше, осторожно озираясь и всматриваясь вглубь пещеры. И как только Гровин Баггз, не в силах сдержать собственного любопытства, сдвинулся с места, камни, обрушившиеся минутой назад, зашевелились.

Обломки стены принялись притягивать к себе более мелкие камушки, словно зовущий овец пастух собирал стадо вокруг себя. Они бежали, перекатываясь и подпрыгивая по неровной поверхности земли, и в конце концов впивались в более крупные камни. Большой камень искал более крупный, чтобы вместе с ним прилипнуть к тому, что был самым

огромным. Так происходило до тех пор, пока перед путниками не возвысились два столпа. Столпы были неподвижны, а по ним с помощью какой-то неведомой силы взбирались другие булыжники.

– Бездна! – Чародейка направила руку на столпотворение камней и попыталась использовать чары. Тщетно. – Держите оружие наготове, гномы. Если оно нам поможет. Проклятье!

Если чародейка знала наверняка, то Гровин и Торк только догадывались о том, с чем им пришлось столкнуться.

Легенда, которую слышали гномы в Городе Гор, гласила о том, что после появления людей на материке и безоговорочного поражения в Великой Войне за Сушу других рас гномы ушли в Призрачные Горы, найдя свое предназначение в поиске Священного Камня.

Сотни лет они бороздили путь на десятки верст вглубь горы, находя залежи разных полезных ископаемых, но только не сам Камень. Однажды они добрались до огненной реки, что бурлила глубоко в недрах Призрачных Гор и преграждала им путь. Поняв, что огненную пропасть не под силу преодолеть ни одному живому существу, гномы стали рыть новый тоннель, который также привел в смертельный тупик. С этого момента какие бы новые дороги ни строили нелюди внутри своей горы, все они рано или поздно приводили к огненному течению.

Тогда Родраг Высокий заключил с великими магами и в то же время заклятыми врагами своего народа – эльфами –

союз. Он обратился к ним за помощью в создании существа, не знающего боли и смерти, для преодоления злосчастной реки, чтобы гномы могли продолжить свою священную миссию. Эльфы согласились. Не просто так, а попросив взамен поддержать их в будущей битве против человечества, когда придет время, забрав самого Родрага в плен как гарантию выполнения условий договора. Король гномов дал свое согласие.

Так появились големы – чудовища, созданные магией и представляющие из себя гномоподобных существ в несколько раз выше и шире гномов, состоящие из одних только камней. Големы оказались способны преодолеть огненную реку и навести нужные мосты, чтобы нелюди могли и дальше покорять горы в поисках Священного Камня.

Однако вскоре, управляя неуязвимыми существами, гномы отправились в Изумрудный лес. Они жаждали отбить своего короля, совершенно позабыв об истинных создателях каменных существ. И тогда эльфы сняли чары, способные одушевить камень, а самого короля и спесивых прислужников за предательство отправили в Обратный Путь, так красиво расхваленный гномьими легендами.

С тех самых пор никто не видел големов, а более того, уже не помнил о их прежнем настоящем, а не мифическом существовании. Однако сейчас Гровин Баггз, Торк и Ноэми своими глазами видели воскрешение легенды и возникновение каменного чудовища на их пути, способного одним лишь

ударом своей исполинской руки превратить в мокрое место всех троих.

– Быть не может! – Чародейка попятилась назад, быстро озираясь. – Я готова поклясться, что камни оживают благодаря магии, но, черт возьми, вся пещера завалена тритом. Это невозможно.

Еще через несколько мгновений перед путниками возвышалась каменная масса с двумя горящими красными огоньками на том месте, которое должно было напоминать голову, а каменное подобие руки уже летело сверху в надежде раздавить нахалов, посмевших взломать четыре печати. Гномы отпрыгнули, а на земле появился массивный отпечаток, оставивший после себя россыпь измельченных камушков и столбы пыли.

– Отвлеките голема! – кричала стоящая позади чудовища волшебница. – Мне нужно время, чтобы рассеять магию! И, Бурлящая бездна, не попадитесь ему под руку!

Гномы не отвечали. Разделившись и окружив существо с двух сторон, они с пристальным вниманием следили, куда в следующий раз упадет тяжелая рука. Голем выбрал Торка. Пока чудище делало свой большой и крайне медленный замах, Гровин успел подбежать сзади и рубануть секирой в место, где одна из ног голема соединялась с туловищем. Нога в виде каменного столпа не то что не отсеклась, она осталась абсолютно невредимой, оставив взамен на лезвии оружия безбородого несколько зазубрин. Торк ушел от удара и

проскользнул между ног голема, оказавшись сзади того и рядом со своим товарищем.

– Davoin'te lana fial'h! – Ноэми выпалила на староэльфийском.

Холод, принижающий тела гномов и самой чародейки, пронесся по пещере, оставляя за собой неприятное ощущение прикосновения самой смерти. И больше ничего. Глаза голема продолжали гореть ярко-красным, а исполинские каменные руки преследовать маленьких, но оказавшихся юркими, по сравнению с ним, гномов.

– Дьявол! Здесь более сильная магия, чем я предполагала. Гровин! Торк! Мне нужно больше времени!

Ноэми убежала дальше в пещеру и принялась старательно начитывать заклинание. После каждого ее слова воздух содрогался, изо ртов живых вырывались клубы пара, а руки гномов мгновенно костенели от холода, словно битва происходила на самых вершинах Призрачных Гор, а не в ущелье посреди Средиземных.

– Разбегаемся, Гровин, – запыхавшись, крикнул Торк. – Чародейка, мы долго не продержимся!

Гора тряслась от стуков магического существа, мелкие камушки высыпались из щелей в стенах пещеры, а каждый удар голема о землю гроыхал сильнее самого могучего раската грома, который только слышали в своей жизни путники.

Гномы вновь разбежались по сторонам, успев ускользнуть от яростного удара чудовища. Чародейка продолжала разно-

свить староэльфийское наречие по заколдованной пещере, изредка отвлекаясь на звуки ударов магического существа и справляясь о здоровье спутников.

Вдруг каменная пятерня разомкнула свои пальцы и подобно метле со всего маху замела одного из гномов в кулак. Мерцающие огоньки, что были у голема вместо глаз, застыли, изучая свою добычу, затем чудовище яростно заревело, а кулак принялся летать из стороны в сторону, швыряя гнома о все стены – слева, справа, вверх.

– Торк! – со всей яростью заревел Гровин и еще раз с размаха зарядил секирой чудовищу по ноге.

Тщетно.

После первых двух ударов о стены Торк еще шевелился, но после третьего Гровин видел, как бездыханное тело товарища вываливается из кулака, а голем не останавливаясь подбирал добычу и добивал, словно охотничий пес, которому кошка попала на растерзание.

– ...feafia'ta terrarium huanus ia'! – закончила свою затянувшуюся речь Ноэми, и по пещере тут же понеслась невидимая волна ледяного воздуха, покрывающая стены инеем.

По синеве, оставляемой на каменных стенах пещеры, можно было проследить путь рассеивающего заклинания.

В тот самый момент, когда голем отпустил бездыханное тело Торка и уже схватил Гровина, волна морозного инея напозла на существо и заставила оживший некоторое время назад камень застыть. Голова гнома замерла в считанных

дюдюмах от потолка, следуя примеру обездвиженного чудовища. Камень затрещал, едва заметно пошевелился, а еще через несколько мгновений рассыпался, завалив спасшегося от смертельного удара гнома грудой камней.

Ноэми подбежала к месту, где должен был находиться Гровин Баггз, и принялась раскапывать завал. Камень за камнем некоторое время она разгребала его, пока голова, а затем тело гнома не показалось снаружи.

Весь испачканный пылью, в разорванной одежде и со сломанным оружием в руках Гровин скинул с себя остатки камней. Тяжело поднимаясь и храня мрачное молчание, он встал на ноги и оперся на стену, прижимаясь плечом к разноцветным цветам, растущим из нее. Чуть отдышавшись, он захромал в сторону тела Торка.

Подойдя к нему, он долгое время вглядывался в глаза мертвого товарища.

– Прости меня, старина... – Глаза гнома наполнились печалью. – Не будет коровы, Элизы и дома в Городе Гор... – Гровин Баггз проглотил ком, застрявший в горле и мешающий говорить. – То, что должно было воплотить наши мечты, убило тебя. А вместо того чтобы остановить тебя, я лишь подначивал на их воплощение...

Ноэми видела, как он сел у бездыханного тела товарища и замолчал. Она последовала его примеру, оставшись на том месте, где освободила гнома из-под завала, и, все понимая, осталась ждать, пока ее теперь единственный спутник не за-

кончит траур.

Прошло некоторое время, прежде чем он подошел к чародейке и без слов взял факел из ее рук. Все еще нещадно хромая, он двинулся вперед, где оказалось...

Ничего. Тупик. Пустое пространство, заваленное кусками ненавистного всеми магами трита.

– Что это значит, чародейка? – возмущенно заговорил Гровин. – Где драгоценности? Где хоть что-то, на что мы так надеялись и о чем мечтали?

– Успокойся, Гровин, – Ноэми остановила спутника, положив ему руку на плечо и отстранив со своего пути. – Кажется, это еще одна дверь...

– Если так, давай открывать ее. Я отсюда ни шагу не сделаю без сокровищ.

Ноэми сосредоточила взгляд на очередной преграде перед собой, которые становились все шире, чем глубже они заходили в пещеру. Стена светилась разными цветами – золотым, серым, синим и зеленым, постепенно переливаясь из одного цвета в другой. Символы на камне перед путниками переплетались между собой, разбавляя яркое свечение разными оттенками. Руны пульсировали и становились то ярче, то тусклее.

– Ну? – не выдержал Гровин.

– Кажется, я поняла, что это... – Чародейка прикоснулась к руне, пульсирующей голубым, и свет озарил пещеру.

Ноэми упала на колени, невидимая сила выгнула все ее

тело, заставив зубы сжиматься от боли, а после того, как свет стал гаснуть, из ее глаз потекли слезы.

Гном вытаращил глаза и открыл рот.

– О нет, – печально произнесла чародейка.

– Что там? – тяжело, но нетерпеливо произнес Гровин Баггз.

– Этого не может быть. – Ноэми рукавом стерла с щек влагу, все еще стоя на коленях и не в силах подняться. – Я знаю, что грядет, Гровин. То же, что истребило Первую Расу, ждет и нас.

– О чем ты говоришь, женщина?

– Это она – последняя пятая дверь, – прошептала Ноэми. – Стихий на самом деле не четыре, как все мы малодушно предполагали. Их пять, – медленно говорила она тихим и спокойным голосом. – Пятая стихия берет начало из сопряжения четырех известных нам – огня, воды, воздуха и земли. Когда те переплетутся между собой, то они возродят это...

– Что? Это? – гном нетерпеливо справлялся, не позволяя волшебнице перевести дыхание.

– То, что убьет всех нас. – Ноэми схватила Баггза за плечи. – Первая Раса существовала задолго до старейших представителей, живущих на Неймерии. Они жили здесь за миллионы лет до эльфов, понимаешь? Всех до единого убило то, что скрывается за последней печатью. Поклянись, что никогда не вернешься сюда, Гровин.

– Но...

– Никаких «но», гном... – Глаза Ноэми засверкали злым блеском.

Гровин Баггз отшатнулся. Чародейка погрузилась в молчание и сосредоточила взгляд на своей руке, кровь внутри которой светилась голубым после прикосновения к загадочным рунам.

– И что будем делать дальше? – спустя время спросил севший к стене гном. – Разве тебе не интересно взглянуть хотя бы одним глазом, что прячется за этой дверью, прежде чем мы уйдем отсюда навсегда?

– Навсегда? Не смей меня, Баггз, – Ноэми рассмеялась, уже обретя саму себя после загадочного воздействия рун. – Ты вернешься в эту пещеру, как только я оставлю вас и уеду по своим делам. Но чтобы ты не тратил время попусту, я расскажу тебе кое-что.

Она присела рядом с гномом и откинулась назад, найдя на противоположной стене ту же точку, в которую бессмысленно уставился возмущенный проявленным к себе недоверием гном.

– Никто не сможет открыть эту дверь. Чтобы снять последнюю печать, нужны маги всех стихий. Одновременное воздействие помогло бы тебе попасть внутрь, но, даже если ты найдешь всех волшебников такой силы, они не смогут создать здесь ничего магического, потому что вся гора состоит из трита. – Она бросила под ноги Гровину Баггзу горстку ка-

мушков. – Чтобы использовать тут чары, нужен невероятно сильный источник энергии... А значит, тот, кто хотел скрыть от нас то, что находится в самых недрах этой горы, выбрал лучшее место. Не знаю, стоило ли нам вообще заглядывать в эти глубины...

– Как не сможем использовать чары? Ты же каким-то образом убила голема!

– Магия и старозельфийские заклинания – разные вещи. Заклинать может любой выучивший их, а магия – это способность, с которой можно только родиться. Проще говоря, ты никогда не сможешь пройти дальше... Прости.

Спустя время гном коснулся плеча чародейки, слегка напугав забывшуюся волшебницу.

– Пойдем, – сказал он, помогая ей подняться.

Ноэми послушалась, встала на ноги и теперь уже сама вела своего спутника к выходу. Далеко впереди сквозь стену воды просвечивал дневной свет.

На берегу озера Антакриэль смеркалось. Погребальный костер, сложенный у самой воды, был невысок и едва достигал Ноэми до пояса. Вокруг него стояли гномы, опустив свои двуручные молоты и топоры на землю перед собой и склонив головы. Факел горел в руках Гровина Баггза.

– Ты отдал свою жизнь за великое дело, Торк. Ты был по-

слан показать нам место, в котором наш народ наконец найдет Священный Камень... – Он многозначительно посмотрел на чародейку. – Твоя миссия оказалась величайшей в истории нашего народа, и ты выполнил ее. Мы – твои братья, будем тосковать по тебе и твоим ядреным островам, Торк. Ты всегда говорил: лучше выпейте за мои подвиги на моих похоронах, чем рыдать как последние бабы. Отправляясь в Обратный Путь, знай, что мы не рыдаем. Мы поднимаем кубки за твое возвращение в этот мир со следующей миссией.

Гровин Баггз поджег костер со всех сторон, и гномы вместе с чародейкой дождались, когда огонь разгорится, а сам Торк станет объят пламенем.

На следующее утро все покинули озеро до тех пор, пока некоторые из них не найдут способ открыть последнюю дверь и добыть своему народу такой желанный Священный Камень.

Глава 4

Конвой двигался в сторону Девичьей Горы, огибая дорогу, заваленную упавшими с горы булыжниками, и протаптывая новый путь к отрезанной от остального мира Башне Стихий.

Паладины молча миновали ставшие могилой для их братьев обломки скал. Ни один рыцарь не проронил ни слова за все то время, что они шагали от моста, ведущего через Петлю Гнома, выражая тем самым траур и свое почтение погибшим не так давно собратьям.

Заточенный в клетку из трита странник старался не смотреть на воинов, но когда невзначай бросал на кого-нибудь из них свой взгляд, то непременно ловил печальное настроение. Если бы кто-то из защитников не был верен клятве, он тут же достал бы медведя из движущейся тюрьмы и приговорил бы к смерти ровно так же, как когда-то это сделал сам медведь.

Когда конвой добрался до подножья горы, солнце уже стояло высоко и пряталось за заснеженными вершинами. Хранитель Легионов, что вел отряд за собой, остановился.

– Бр-р. – Он снял шлем и поглядел высоко наверх.

– Что прикажете, хранитель?.. – Паладин, который все это время шел следом, поравнялся с командиром.

– Ты чаще здесь бывал, Орегх. Как считаешь, остановимся

на привал или успеем взойти к башне до захода солнца?

– До заката не успеем.

– Тогда разбиваем лагерь. Привал! – Хранитель Легионов повернулся к шедшим следом и прокричал еще раз: – Привал! До утра!

Рыцари и слуги принялись мельтешить по долине, расставляя палатки и разгружая продовольствие с телег. Недалеко журчала небольшая горная речушка, бегущая с самой вершины Девичьей Горы, а старательный стук молотков и топоров уже разносил глухое эхо по округе.

Когда начало смеркаться, лагерь уже стоял, а с разных сторон к небу вместе с запахом жареного мяса взлетали тонкие струйки дыма от множества разведенных костров.

Сарвилл сидел прикованный к стволу дерева и видел перед собой два начищенных до блеска панциря, чьи владельцы, облачившись в них, были оставлены на его страже.

Лагерь Ордена Защитников отличался от любого другого лагеря, в котором Сарвиллу когда-либо приходилось бывать – закованные в сталь воины несли службу даже тогда, когда у всех остальных было принято отдыхать. Рыцари не сновали туда и сюда между палатками, напевая пошлые песни и запивая их крепким алкоголем, как это было принято на привале, когда армия Дордонии отправлялась в путь; не устраивали смертельных поединков в надежде продуктивно скоротать время, заодно выявив того, кто будет командовать частью армии, как это было принято у северян; и, конечно,

защитники не устраивали представлений с вылетающим из пасти пламенем, не заставляли змей изгибаться под разные мелодии и не выставляли говорящих птиц на потеху толпе, чем обычно развлекались царские армии из Южных Земель. Нет. На дорожках между палатками царил порядок. Если рыцари не маршировали, значит, они принимали пищу, если не принимали пищу, значит, чистили доспехи, если не чистили доспехи, значит, точили оружие, ну а единственным обстоятельством, переворачивающим привычный уклад, могло быть только внезапное появление старейшины и начало очередной практики по обузданию магии. Вот и сегодня Сарвилл видел Порядок, царящий в разбитом у подножия Девичьей Горы лагере Ордена Защитников.

– Смена караула, – произнес Санли Орегх, силуэт которого неожиданно возник перед двумя рыцарями.

– В одиночку? – удивился один из стражников, громыхнув железом своих доспехов, слишком резко подавшись вперед.

– В одиночку, – ответил Санли.

Стражник хотел продолжить задавать вопросы, но напарник легко ударил его по плечу, и они, синхронно стукнув себя в грудь, ушли с поста, растворившись в кутерьме расставленных на версту вперед палаток.

Санли Орегх подошел ближе к медведю и сел на ящик, освобожденный от каких-то припасов.

Несколько часов узник и его страж сидели, думая каждый о своем и наблюдая за тем, как на лагерь опускается ночь.

Огни у входов в палатки зажигались один за другим, звуки тренировок сменились звуками журчащей неподалеку речки и треском горящего костра, в который время от времени прежний Хранитель Порядка подкидывал сухих веток.

– Воды?.. – Паладин протянул страннику флягу, сперва утолив собственную жажду.

Медведь промолчал, все так же бесцельно глядя перед собой. Санли Орегх разочарованно потрянул сосуд с водой и, закупорив горлышко, положил на ящик рядом.

– Я рад, что король сохранил тебе жизнь, – спустя некоторое время заговорил он. – Мне следовало винить тебя в смерти отца... Если бы я не понимал, что виновен в ней настолько же, насколько ты.

Узник, казалось, даже не моргал.

– Я знаю, что до того, как все началось, ты не замышлял недоброго. Обстоятельства повернулись против тебя, и вот Сарвилл Кхолд, медведь из Дастгарда, обычная жертва, коих много, – Санли Орегх словно просто рассуждал сам с собой, неторопливо проговаривая каждое слово. – Как-то это неправильно, правда? Никто не делает выбор в пользу преступлений, пока что-то не загонит его в угол и он не будет вынужден поддаться этим самым обстоятельствам. Воры, бандиты, разбойники – все они преследуют одну цель – разжиться золотом и спустить его на женщин и вино. Я всегда задавался вопросом: если бы у каждого преступника было столько золота, сколько он пожелает, был ли он тем, кто он есть?

Утолилось бы чувство жажды крови от избытка золота? Или все эти лишения – лишь отговорка для кровожадных убийц и kleптоманов? Или все зависит от того, на чьей ты стороне? Стороне признанного людьми добра или общепринятого зла. Я убил своего отца, служа королю, король правит на благо государства, соответственно, я на стороне добра и убил во благо. Я герой. Все считают тебя отступником, и, какое бы убийство ни совершил ты: защищал ли безоружного или отстаивал честь леди, все будут считать тебя преступником априори. Где справедливость? Похоже, что ее не существует.

Вороны закаркали в небе над лагерем.

– Для тех, кто хочет ее добиться, – через некоторое время добавил рыцарь.

– Зачем ты говоришь мне все это? – Странник кинул небрежный взгляд на своего стража. – Чтобы перед тем, как сдохнуть от экспериментов в Башне Стихий, я отпустил тебе грехи?

– Я хочу сказать просто... что... иногда мы видим не то, что есть на самом деле.

Медведь горько усмехнулся:

– Правда? Тогда скажи мне, порядочный господин. Я слышал, как ты чтишь законы. Как разбрызгиваешь слюну в надежде доказать, что справедливость существует. И что же? Когда настало время сделать что-то, что находится по ту сторону добра, ты заявляешь, что справедливости не существует. Так себе отговорка. Интересно, подействует ли она, когда

ты в следующий раз побежишь исполнять очередной приказ своего владыки, который не поскупится твоей жизнью и жизнью невинных, если ему нужно будет спасти собственную шкуру?

– Я верен только клятве паладина, ибо она свята, как святыня Касандры в глазах любого верующего в него. А клятва говорит мне верить в своего короля.

– Почему не отречься от своей клятвы, если видишь, что в нынешних обстоятельствах слово, которое защитники дали Касандре, – это кулак Зла, оставляющий глубокие выбоины на стене Добра?

– Сейчас я лишь один из воинов отряда, которому поручено доставить тебя в Башню Стихий. Ты маг, а защитники всегда поступали так с магами. Магия – это то, что сеет хаос в истинных законах природы, и, стало быть, приказ не пробует на прочность мои личные убеждения, а служит на благо общему делу.

– Хорошо, – безнадежно улыбнулся странник. – А если завтра король прикажет убить ребенка, наделенного магической силой? Ты сделаешь это? Заберешь дитя у матери и перережешь ему горло? Такой королевский приказ тоже не противоречит твоим убеждениям?

– Такого приказа не будет, – отрезал Санли Орегх.

– Ха. Такого приказа не может не быть. Просто Рогар не дурак. У него наверняка есть люди, которые исполняют «добрые» приказы, а есть те, кто не побрезгует замарать ру-

ки, выполняя самые гнусные указания. Только твоя честь не станет чище оттого, что, прислуживая мерзкому типу, ты закрываешь глаза на вещи, которые противоречат твоим нравственным убеждениям.

– Ты слишком устал, медведь.

– Правда? Давай поговорим о Лиане? Ты же помнишь, кто это, верно? Принцесса была воплощением добра. Она готова была пожертвовать всем, что у нее было, и даже собой ради того, чтобы спасти жизнь человеку. Она не причинила никакого зла ни одному живому существу на Неймерии. И что с ней стало? Король позволил убить человека, который мог принести вечный мир Дордонии. Конечно, он сделал это не своими руками. Ведь в таком случае вера защитников в него могла бы пошатнуться. Скажи мне, какое наказание понес убийца принцессы?

Если бы слова могли больно бить, то именно после своего вопроса странник лишил бы сознания Санли Орегха. Паладин сидел, погрузившись в себя, и пытался найти объяснение, которым парирует выпад и после которого вера в его груди запылывает с новой силой.

– Молчишь. Значит, и мне не на что надеяться. Как ты сказал, справедливости не существует.

В этот момент два человека с факелами вернулись на пост.

– Все, брат, – сказал один из них. – Мы пришли тебя заменить. Ступай в палатку.

Санли Орегх медленно поднялся с ящика, взял свою фля-

гу и пошел к палаткам, по пути наступая на тени пришедших стражников, что отбрасывались от горящих факелов в их руках.

– Не вини себя, паладин, – произнес странник, заставив рыцаря ненадолго замереть. – Тьму, которая расползается по Дордонии, уже не остановить.

Казалось, что паладин хотел еще что-то сказать, но он промолчал, а его силуэт решительно двинулся дальше и исчез в ночном мраке.

Несколько рыцарей остались сторожить разбитый лагерь у подножия горы, когда с первыми лучами солнца отряд паладинов во главе с Хранителем Легионов двинулся к вершине, ведя странника, закованного в кандалы из трита.

Подъем к Башне Стихий был сложнейшим испытанием для всех путников, что были вынуждены забраться на Девичью Гору. Он начинался с первой ступеньки и заканчивался только у самых ворот в башню. Никто и никогда не пытался сосчитать количество этих самых ступеней, то ли выдолбленных физической силой, то ли сооруженных магически, по той простой причине, что, останавливаясь несколько раз на привал при восхождении, сбиться со счета не составляло труда, да и попросту бесконечный счет наскучивал уже на полпути к башне.

Странник поднимался вслед за рыцарями добрых полдня. Ноги уже не чувствовали усталости – они просто перебирали под собой выточенный камень, изредка запинаясь о торчащие концы бесконечных ступеней. С обеих сторон возвышался непроглядный лес, а подножие и вершина горы тонули в тумане.

– Ступай! – подбодрил сзади один из паладинов, толкнув странника, когда тот, провалившись в свои мысли, замедлил ход.

Медведь пошел быстрее, пытаясь не наступать на пятки шедшим впереди Санли Орегху и Хранителю Легионов.

– Ты правильно сделал, что не дезертировал, сынок. – Хранитель Легионов ступал медленно и уверенно.

У него была седая борода с такими же белыми, как облака, усами и длинными бровями. Истинный возраст хранителя невозможно было познать за суровым выражением его заматерелого лица и глубокими, как порезы кинжала, морщинами. Его шаг был неторопливым, а рука, удерживающая двуручный боевой топор, словно гусиное перо, безмятежно двигалась в такт его движениям.

– Я снял с себя ответственность за участие в важнейших делах королевства, но не предавал клятвы паладина, – поспеившись на любое проявление эмоций, ответил Санли Орегх.

– Ты думаешь головой, воин. И за это я сейчас хвалю тебя. Хранитель Легионов размахнулся своим широким топо-

ром и вбил его в ствол растущего на склоне неподалеку дерева.

– Привал! – завопил он следом за ударом и уселся на ступени.

Санли Орегх опустился на каменную плиту рядом со старейшиной. Все остальные воины и пленник последовали этому же примеру, облепив всю лестницу, по которой растянулась длинная полоса из стражников, чьим важным поручением было доставить медведя в Башню Стихий.

– Знаешь, как я потерял руку? – Хранитель Легионов хлебнул из фляги и вытер рукавом промокшие усы и бороду.

– Кажется, это было в одну из вылазок в Сумеречную Пустошь? – ответил Санли.

– Верно. А ты знаешь, как это случилось?

– Один из иркарайцев в бою лишил вас конечности, – сухо проговорил паладин, откупоривая пробку своей фляги.

– Это произошло под самый занавес Долгоночия, – начал хранитель, словно не услышав ответа рыцаря. – Тогда король впервые за всю мою двадцатипятилетнюю службу дал мне в распоряжение целую когорту воинов и отправил разбить лагерь иркарайцев, о которых донесли разведчики. Представь себе, моя первая вылазка. Первое командование. За весь тот путь, что мы шли до Сумеречной Пустоши, я не припомню, что спал. Скорее всего, я отключался на привалах, но это было так мимолетно в сравнении с непрекращающимся пламенем воодушевления, которое полыхало у меня в груди. Я

жаждал власти все то время, что служил в королевской армии, но удача всегда обходила меня стороной, и вот у меня наконец появился шанс стать тем, кем я стал.

Все рыцари на лестнице о чем-то переговаривались, бросали камешки вниз, считая, чей камень стукнется большее количество раз, прежде чем звук перестанет долетать до путников, и взрывались сдержанными возгласами при побитии очередного рекорда. Странник сидел молча и против своей воли вынужден был вслушиваться в беседу хранителей.

– Иркарайцы, как знаешь, Санли, никогда не отличались дисциплиной и тактикой, поэтому дело обещало закончиться быстро и укрепить меня на вершине недосягаемого прежде пьедестала. Когда мы добрались до места, то, спрятавшись за одним из песчаных холмов, я увидел совсем мало дикарей. Все они, как и полагается иркарайцам, были воинами с единственным оружием – висящими саблями на своих поясах. Мгновенно рассчитав наше численное, тактическое, экипировочное, техническое и другие преимущества перед дикарями, я приказал напасть на лагерь и убить всех живых. Я поклялся покарать тех, кто не выполнит моего приказа, как это подобает неопытному и жаждущему прославиться лидеру, а сам пошел впереди, чтобы прикончить первого дикаря и тем самым подать пример.

Хранитель Легионов вытер пот с лица, набрал в руку земли со склона и в задумчивости принялся растирать ее в ладони и выпускать песчинками на ступень перед собой.

– Нас заметили, когда мы были уже совсем близко, и во-
жак кинулся на меня с такой яростью, какой я прежде не
встречал в этом народе. Был славный бой. Противник не
уступал мне, а я ему. В один момент мне все же удалось вы-
бить его из равновесия и порезать сухожилие. Иркараец пал
на колени. Я занес меч, чтобы убить врага, но вдруг кто-то
схватил меня за руку. Знаешь, не так, как хватают в бою.
Иначе. Словно не хотят причинить вреда, а просто хотят
остановить.

Горизонт перед глазами всего отряда покрывался пуши-
стыми белоснежными облаками, среди которых просвечива-
лись леса, долины и заснеженные вершины Горы Ревности.

– Это была девушка. Молодая и с ребенком у груди. Ее
лицо было в слезах. Она глядела на меня большими черными
молящими глазами и пыталась о чем-то поведать на своем
языке. Сказать честно, моя рука дрогнула. Однако я не успел
ничего сообразить к тому моменту, как из ее груди показал-
ся окровавленный наконечник стрелы. Она упала замертво,
накрыв своим телом ребенка. Я потянулся, чтобы стащить
труп и освободить дитя...

Недалеко слышалось журчание речки, которая текла со-
всем рядом параллельно лестнице. Несколько паладинов по-
шли в чащу, чтобы отыскать ее и набрать в полупустые со-
суды еще живительной воды, предварительно получив без-
молвное позволение командующего одним лишь кивком его
головы.

– Тогда-то я и лишился руки. Иркарайец с яростным воплем поднялся, опираясь на еще здоровую ногу, и срубил мою руку, по-видимому, защищая собственного ребенка. Конечно, уже в следующий миг подоспели солдаты и лишили его жизни. Ничего не соображая от потери крови, я все-таки перевернул мертвую женщину, но было поздно. Ребенок задохнулся.

Санли Орегх посмотрел на плечо Хранителя Легионов и не заметил за собой, как взгляд задержался надолго, словно теперь он лично проживал все события, приведшие старейшину к этой невосполнимой утрате.

– Когда мне оказали всю необходимую помощь, я не слушал наставлений и предостережений насчет собственного здоровья и поднялся, чтобы исследовать лагерь. О, Великая Касандра! Мертвые женщины и дети были повсюду. Та горстка иркарайцев-воинов, которых я заметил до начала сражения, – была всей охраной того лагеря. Я так и не узнал, что это была за традиция или ритуал, из-за которого матери с новорожденными сыновьями и дочерьми отбиваются от племени, но это путешествие увело их на тот свет...

– Я никогда не был трусом, – спустя некоторое время продолжил Хранитель Легионов. – Всегда принимал бой, даже если он обещал быть заведомо проигранным. Всегда защищал сторону, которая была слабее, если ее интересы совпадали с моими. Но я всегда боялся навредить невинным. Меня воротило от одной мысли о том, что я могу лишиться жизни

ребенка или беззащитную женщину.

Что-то гроыхнуло. Паладины принялись оборачиваться в надежде отыскать хотя бы одну грозовую тучу, чтобы удостовериться в начале приближающейся грозы, но небо было чистое и не предвещало непогоды.

Хранитель Легионов и глазом не повел, немедленно заключив, что этот звук неделки природы, а самый обычный результат экспериментов в Башне Стихий. Вздохнув и удостоверившись в том, что и остальные паладины заключили тот же вывод, командующий продолжил:

– Когда я возвращался в Дастгард, то боялся суда Богов и суда Его Величества короля Рогара Вековечного за смерть женщин и детей, которые погибли по моей вине. И знаешь, что произошло, сынок? Король присвоил мне титул Хранителя Легионов и наградил за службу Дордони и беспрекословное выполнение королевских приказов. Он посчитал результат моей миссии наивысшей преданностью короне. Мне противно от одной мысли об этом, и, рассказывая эту историю, глубоко внутри я жажду, чтобы меня однажды покарала и я искупил свои грехи еще на земле, а не на небесах. Но знаешь, что мне пришлось понять из всей этой истории? Я бы никогда не получил такой желанный мною наивысший титул, если бы хотя бы раз не пошел против собственных убеждений. Пусть и не нарочно.

Хранитель Легионов поднялся на ноги и вырвал свой топор из ствола дерева. Щепки посыпались следом за лезвием.

– В путь! – прокричал он, а все рыцари принялись повторять это слово, словно стая ворон, привлекая внимание и тех, что уже выбирались из чащи.

Конвой двинулся дальше.

– Приветствую вас, хранитель... – Человек больших нечеловеческих размеров в черной мантии и с капюшоном, скрывающим в своей тени лицо говорящего, поклонился.

– Приветствую, магистр Диамонд. – Хранитель Легионов воткнул топор в землю и ударил себя в грудь.

Магистр Стихий стоял на пороге ворот, засунув руки в рукава своего одеяния. Позади него неподвижно, словно статуи, возвышались еще четыре фигуры старцев, лица которых, подобно лицу магистра, были скрыты капюшонами. Отличали их друг от друга лишь мантии разных цветов – серого, красного, зеленого и синего.

За спинами магов возвышалась Башня Стихий, своей вершиной пропадая в облаках.

– Мы ждали появления столь редкого образца в своей коллекции, – магистр Диамонд заговорил уже совершенно другим голосом, в отличие от того, что прозвучал сперва. – Гонец довольно давно доставил вести о вашем скором появлении.

Паладины стояли позади Хранителя Легионов, держа ру-

ки на своих мечях. Воины с непередаваемым презрением смотрели на магов, словно псы, которым приказано ждать, но которые готовы при первой команде броситься и разорвать неприятеля.

– На дворе самый разгар сезона Затухания, магистр. Непогода следовала за нами по пятам, и это помешало доставить пленника вовремя. – Хранитель Легионов учтиво поклонился и коротким движением подозвал Сарвилла ближе.

Два зрачка, наполненных всеми цветами, которые только видели чьи-либо глаза, загорелись в темноте капюшона Магистра Стихий. Кроны деревьев начали шелестеть под невиданно сильным порывом ветра, листья сорвались с веток и, кружась в бесконтрольном энергичном танце, били по лицам гостей вершины Девичьей Горы, оставляя после себя неприятный зуд.

– К сожалению, правила запрещают мне приглашать кого-либо, кроме магов, внутрь нашего дома, хранитель, – прошипел магистр голосом, отличающимся от всех предыдущих своих же голосов. – Позвольте мне разглядеть гостя.

По приказу Хранителя Легионов два рыцаря подхватили странника под руки и подвели его к магу на расстояние вытянутой руки, заставив пленника упасть на колени.

– Снимите это, – потребовал властелин башни одним из прежних голосов, показывая на кандалы.

Когда один из паладинов расстегнул наручи и вернулся на прежнее место, Магистр Стихий прикоснулся ко лбу мед-

ведя. Яркое свечение из глаз всех магов ослепило рыцарей. Странник зажмурился, а когда открыл глаза, успел рассмотреть лишь два огонька, пылающих в темноте капюшона того мага, что был в красной мантии.

– Какая сила! Несмотря на то, что ты сломлен, странник, в тебе все равно кипит великая энергия... – Магистр сделал попытку еще раз прикоснуться к Сарвиллу, но тот раздраженно отпрянул.

– Хорошо. Живой. Спесивый. То, что надо для нашего главного эксперимента, – четвертым хриплым голосом отметил магистр Диамонд. – А теперь, если вы не против, мы заберем пленника и вернемся к делам.

Невидимая сила подтолкнула странника сзади и заставила зайти в ворота.

– Мы можем заночевать здесь? – Хранитель Легионов кинул вслед уходящему магистру.

– Не стоит. – Старец в мантии обернулся лишь слегка. – Луна осветит вам обратный путь. Внизу спокойней, право.

Пространство загредело вновь, подобно тому, как гредело совсем недавно, когда рыцари поднимались на вершину. Четверо магов зашли в ворота вслед за своим властелином, и широкие двери с нарисованными четырьмя стихиями на них закрылись за спинами обитателей башни, преграждая путь всякому, кто захочет попасть в обитель магии.

Уже двадцать дней странник находился в Башне Стихий.

После того как ворота на свободу захлопнулись, какая-то неведомая сила, подталкивая медведя в спину, привела его напрямик на один из верхних этажей. Он оказался в просторной комнате с широкой мягкой кроватью и раскрытыми нараспашку ставнями. Вокруг были полки с сотнями книг, письменный стол, за перегородкой в углу комнаты стояла большая круглая бадья, которая каждое утро наполнялась теплой водой, а еда оказывалась на пороге ровно три раза в день. Именно эта организованность в предоставлении завтрака, обеда и ужина еще помогала Сарвиллу считать дни.

Странник не оставлял надежду выяснить, каким образом без появления слуг в комнате оказываются фрукты или исчезает мусор, но до сих пор ему это никак не удавалось. Вернее, всякий раз, когда он хотел что-то выяснить и уже решился притворяться спящим столько, сколько потребуется, желание делать хоть что-либо внезапно пропадало и он на самом деле засыпал.

За все время, проведенное в башне, никто не разговаривал с медведем. В первые дни заточения он пытался докричаться до единственных людей, которых видел на вершине по прибытию, но лес снаружи проглатывал каждое слово, оставляя крики без ответа. Через несколько дней он бро-

сил попытки привлечь внимание, а чтобы не сойти с ума от одиночества, начал вести дневник, в котором описывал свои мысли. Когда писать становилось не о чем, медведь затевал беседу с собой, наводя себя на какие-нибудь умозаключения, и вновь брался за перо.

Некоторые дни странник всецело посвящал чтению. Норлинг Фрейх, Дарин Магхор, Редил Весинес и другие авторы далеко не научной литературы помогали ему развлечься и убить время. «История инквизиции», «Пророчество некроманта», «Извержение Вуалия» – все основанные на реальных событиях истории к концу книги превращались в бред и вызвали у медведя чувство отвращения. Были книги, описывающие те или иные родословные знатных господ всего севера Неймерии, но чаще всего они состояли из перечисления имен и их статусов по отношению к отцу, деду, двоюродному брату, троюродному дяде и так далее и так далее.

Изо дня в день Сарвилл пытался разгадать смысл своего появления в Башне Стихий и беззаботного существования в замурованных стенах с видом через открытое окно на небо и кроны высоких деревьев. Он понимал, что, как только разгадает эту загадку, начнется беспокойное время – жить в незнании будущего куда приятнее, нежели в осознании грядущих страданий – цитата из «Пророчества некроманта» врезалась в память и служила на благо читателя. Еда и вода были в избытке, поэтому жаловаться, кроме одиночества, страннику было не на что.

– Все, кого я любил, мертвы. Ноэми бежала, и теперь она точно не пропадет, – проговаривал вслух странник, когда пытался убедить себя в правильности равнодушия. – Если на всем свете у меня не осталось ничего, то пытаться выйти на берег из спокойного теплого ласкающего моря – безумие. Бездна! Очередная фразочка, помещенная в мою голову одной из этих проклятых книг, написанных напыщенными романистами, старающимися приукрасить реальность, чтобы всем остальным жилось веселее!

Странник вспылil. Широким взмахом своих рук он сшиб все книги с полок – те полетели ниц, ударяясь о пол и загибая ветхие страницы злосчастных романов. Он тяжело задышал, уставившись на десяток разбитых о пол реальных историй, родословных и выдуманных сюжетов, пытаясь удержать что-то внутри, что вырывалось наружу. Затем закричал, разнося свирепый вопль над верхушками деревьев. Вслед за криком, обвиненная в одиночестве своего гостя, полетела посуда. Закатываясь под кровать, стол, в углы и другие укромные места, она пыталась спрятаться от взбесившегося узника. Стены принимали удары кулаков и разукрашивались в кровавые пятна, а на руках, ногах и теле странника появлялись все новые и новые синяки, ушибы, царапины, кровоподтеки. Медведь бушевал – он разбивал, пинал, опрокидывал, разливал, кидал все, что попадалось под руку и до чего дотягивался размах пинка, пока, наконец, задохнувшись от ярости и бессилия, не упал на кровать.

Тьма. Оказавшись в крошечной темноте один на один с самим собой, лучший выход – оставаться на месте и не делать резких движений. Где я? Ничего не чувствую. Абсолютно. Может быть, это она? Бездна? Вот как выглядит та самая, ненавистная всеми в Неймерии Бурлящая бездна! Что она скрывает за вуалью непроглядной черной пустоты?

Если двинуться с места, быть может, провалишься еще глубже? И что потом? Долгий полет в никуда? Бесконечное падение до тех пор, пока не умрешь от жажды или голода, а после твое бездыханное тело будет вечно скитаться между мирами, ища последнее пристанище, но обреченное навсегда остаться Нигде. Успеешь ли ты сохранить под контролем свой разум во время этого падения или в конце концов собственные мысли и представления о том, что ждет тебя там, внизу, когда ты наконец долетишь, остановят возбужденное сердце прежде, чем ты столкнешься с реальностью?

Что, если я шагну вперед и не начну падать? Что, если за этим шагом кроется мгновенная смерть? Что, если тысячи ножей, взявшихся из ниоткуда, воткнутся в мое тело – справа, слева или спереди. Успею ли я почувствовать, как умираю, или все произойдет мгновенно и весь мой страх не более, чем отсрочка неизбежного, и правильнее всего сделать это движение, а не рассуждать о том, чего может не

произойти? Но как же... Как же возможность зацепиться за жизнь? Выбрать сторону, в которую хочешь идти и занять шанс на выживание. Но что, если, пока я размышляю о том, как остаться в живых, смерть подкрадывается сзади? Сотни ножей, закрепленных на движущемся механизме, беззвучно катятся сзади в надежде проткнуть мое тело и принять его как жертву темноте?

А что, если не двигаться – и есть единственно верное решение? Но как долго я смогу простоять? Час, день, месяц, год? Существует ли здесь вообще понятие времени? И если его не существует, то как мое тело сможет стать голодным и умереть от голода или жажды? И что? Мне придется стоять и ждать вечно Вне Времени? Не это ли самое суровое наказание из всех, что вообще может существовать? Не облегчить ли мне участь, все-таки сделав шаг, и будь что будет? Конечно, нет. Ведь тогда меня может не убить, а просто смертельно ранить. И Вне Времени я буду обречен на вечные страдания. Я же не смогу умереть, а мое тело не сможет стать здоровым. Ведь для любого из этих исходов и нужно время.

Вот почему все так ненавидят Бурлящую бездну! Обволакивающее ничто, бурлящее собственными мыслями и сводящее с ума. Ничто, не имеющее выхода, а лишь бесконечность бытия, обрекающего на такое же пустое, как эта бездна, существование.

Увидеть бы хоть какой-то свет. Не важно. Пусть даже самый дальний из всех, которые могут существовать, но даю-

щий надежду и шанс на выживание. Но пока мои открытые глаза – это все, что разъедает эту тьму. По иронии судьбы и они параллельны друг другу. И им не суждено стать маяками.

Что это? Огонь? Не верю! Этого не может быть! У меня видение. Точно. Я уже начал сходить с ума, и мой разум сам плетет смертельную ловушку для моей жизни. Это еще что? Оно движется? Мне не показалось? Чего оно хочет от меня? Эй! Чего тебе нужно? Остановись! Не подходи! Нет! Нет!

– Успокойся, Хранитель, – прозвучал голос, слышавшийся одновременно со всех сторон.

Огонь рассеивал тьму вокруг себя, а когда оказался совсем близко, странник увидел позади факела человека. Кто-то в красной мантии с длинными седыми волосами смотрел на медведя двумя янтарными зрачками из мрака капюшона.

– Ты? – странник удивленно отпрянул, но не сдвинулся с места. – Я вспомнил тебя. Тот сон, что я видел в Лисохвосте. Ты был там! А сейчас ты здесь. Ты был среди тех магов, что встречали меня у башни!

– Жрецов. Я один из жрецов Башни Стихий. Жрец Огня.

– Хоть гном с горы. Созрели наконец! Ну, давай, подходи! Прежде чем ты достанешь меня, я успею изрядно наколотить тебе морду.

Старик рассмеялся. Он сел перед странником в позу лотоса, а факел воткнул перед собой в черное Ничто.

– Я не желаю тебе зла, Сарвилл, – что-то знакомое звучало

в голосе жреца. – Присядь. Клянусь, еще вчера ты отдал бы все за разговор с кем-нибудь.

– С кем-нибудь, но не с тобой.

Странник схватил факел и ринулся бежать прочь. Огонь освещал дорогу, точнее, путь, по которому он двигался. Сколько времени прошло с тех пор, как он начал убегать, было все так же не отмерить, зато странник насчитал больше двух тысяч шагов, прежде чем остановился передохнуть.

– Ты закончил? – голос жреца послышался прямо из-за спины.

Странник резко обернулся, увидел старика и вновь бросился наутек. Теперь считать шаги не имело смысла – лишние мысли только сбивали дыхание. Когда двигаться дальше не осталось сил, странник вновь остановился.

– А теперь?

Факел затрепыхал в воздухе. Короткий замах – и пылающий огонь понесся на жреца, разъедая тьму перед собой, а затем прошел сквозь образ мага.

– Это твой сон, Сарвилл. Остановись. Никто не причинит тебе вреда. Я здесь, чтобы помочь.

Медведь сделал еще несколько движений, разрубающих фигуру старца насквозь, но образ вновь обретал прежние очертания, как только ставший оружием странника огонь возвращался на прежнее место. Сарвилл обессиленно бросил факел, а сам упал на спину, тяжело дыша и уставившись в небытие.

– Черт с тобой, старик. Решай. Какая уже кому разница, что станется со мной.

Жрец вновь улыбнулся.

– Ошибаешься, Сарвилл. Ты уже играешь великую роль в судьбе Неймерии. Даже сейчас, когда спишь. Я пришел, чтобы рассказать тебе всю правду.

– Валяй. Надеюсь, правда окажется интереснее того, что я себе надумал за время заточения в этой проклятой башне.

– У нас мало времени. Запомни все, что я скажу. Я Жрец Огня. Есть еще три жреца остальных трех стихий. Все мы когда-то отдали части себя во благо служения Магистру Стихий. Те эксперименты, о которых ты мог слышать раньше, что проводятся в башне, – правда. Здесь творится истинное зло. Пока ты сходишь с ума в своей начищенной клетке, мы питаемся твоей энергией и это позволяет нам создавать страшное оружие из пойманных и еще живых магов.

– Питаетесь моей энергией? О чем ты говоришь?

– Некогда вдаваться в подробности. Тебе достаточно знать то, что любое хоть сколько-нибудь награжденное магическими способностями существо в твоём присутствии в разы увеличивает мощь своего дара. Так Ноэми смогла поднять море, когда сбегала из Шаарвила.

– Я слышал подобие этой истории от одного старого эльфа. Но... – Странник помедлил. – Поднять море? Выходит, я все-таки помог Ноэми бежать, хоть и не знал об этом?

– Верно. Но точно так же сейчас ты помогаешь магистру

творить конец света. Все жрецы черпают из тебя изрядное количество сил, и сам Магистр Стихий становится почти неуязвимым...

– Если у нас нет выхода, зачем тогда ты говоришь мне все это?

– Потому что его надо найти, глупец. Магистр ни при каких условиях не выпустит тебя из башни и в то же время не даст тебе умереть. Понимаешь?

– Что ж. Мы вернулись к тому, с чего начали. Проваливай из моего сна, старик. Дай мне проснуться и продолжить прозябать на верхушке этой злосчастной башни. Мне уже нет дела до самого себя, конца света и кого бы то ни было на всей Неймерии.

Могучая рука жреца схватила странника за ворот, приподняла с места, на котором он распластался, а вторая прилетела с левой стороны прямо по щеке. Тысячи мелких иголок, казалось, врезались в лицо медведю. Несмотря на то, что все вокруг было сном, он был готов поклясться, что удар настоящий. Смуглое лицо старца, облаченное в гримасу ярости, оказалось от Сарвилла на расстоянии дыхания.

– Глупец! Жалкое продолжение великого рода! Уясни вот что. Пока ты ведешь себя как ребенок, пуская слюни и реплики десятилетних мальчишек, там, за стеной, умирают люди! Ты потерял любовь всей своей жизни? Боги! Иди схватись за мамкину юбку и похнычь в нее! Ох, я забыл, что ее и Диодоры уже нет в живых! – голос старца дрогнул, а че-

рез несколько мгновений тяжелая ладонь прилетела по лицу странника еще раз. – Люди не перестанут умирать, если ты не прекратишь это. Даже если ты считаешь, что все, кто был тебе дорог, сейчас мертвы, это не дает тебе права так безалаберно распоряжаться жизнями, доверенными тебе пророчеством. Хочешь сдохнуть? Вперед! Только будь добр, умри как мужчина! На поле боя и за правое дело, а не в служении великому злу.

Жрец перевел дыхание, опустил странника на землю и, не дожидаясь его реакции, продолжил:

– Армия короля Дордонии уже получила одно из самых смертельных оружий, когда-либо существовавших на Неймерии. Найди способ выбраться из башни и остановить войну. Магистр Стихий не даст тебе уйти, пока он жив. Поэтому ты его убьешь. Его сила в жрецах. Избавишься от жрецов – избавишься от Магистра Стихий. И запомни. Нет больше Сарвилла Кхолда, медведя из Дастгарда. Есть странник и его предназначение. Прощай.

Образ жреца в красной мантии вспыхнул, словно огонь на сухом хворосте, и растворился. Странник открыл глаза.

Сарвилл проснулся в своей комнате в Башне Стихий. Все вокруг было прибрано, и словно никогда не случилось того погрома, который он учинил, перед тем как уснуть. Медведь

четко помнил свой сон, а его щеки болели так, словно кто-то хлестал их наяву, пытаясь пробудить спящего, но что-то мешало тому проснуться.

За окном смеркалось. Разъяренный косой ливень снаружи хлестал по ветвям деревьев, заставляя желтые листочки обрываться и припадать к земле далеко внизу. Ветер помогал ненастью становиться могущественнее и обрывал остатки листвы с обессиленных сезоном Затухания секвойядендронов, лиственниц и елей. Громыхало. Все на расстоянии версты покрылось туманом, словно сама гора желала спрятать своих детей от шторма, надвигающегося со стороны Вечных Вод.

Сарвилл на некоторое время замер, погрузившись в собственные размышления. Он выуживал слова жреца из памяти по одному, словно рыбак, не знающий, что конкретно он хочет сделать после того, как поймает желанную добычу – отпустить ее с миром обратно в море воспоминаний или оставить себе, чтобы использовать по назначению.

Наконец он поднял руку перед собой. Возникший над ладонью маленький огонек был спокоен – он повторял все задуманные магом движения. Припал к земле, задержался на несколько мгновений, затем взмыл вверх, оставив маленькое черное пятно на прежнем месте, и, упершись в потолок, принялся облизывать сухие деревянные балки. Спустя время огонек вернулся к ладони и замер. На лице странника начало скапливаться напряжение, а на его скулах заходили

желваки. Красно-желтая крохотная огненная сфера увеличивалась под пристальным взглядом своего творца. Больше. Больше. И больше. Вот маленькое безобидное огниво уже переродилось в пламя, пускающее свои языки высоко к потолку.

Медведь метнул сферу в одну сторону. Стопка сочинений Ярика Бордвига вспыхнула, словно сухие листья, брошенные в огонь. Не дожидаясь результата, чародей создал новый шар и запустил в противоположную сторону – кровать забушевала огненными волнами. Следующий шар поджег шторы на единственном окне, за пределами которого разными красками уже больше двадцати дней переливалась свобода, но так и оставалась недосягаемой.

Через мгновение потухли книги, затем кровать обрела первоначальный вид, а от пылающих штор осталась горстка безобидного пепла, раздуваемого по комнате взбешенным ветром, налетевшим снаружи.

У медведя все лучше и лучше получалось творить огненные сферы, поэтому он принялся жонглировать ими и пускать в разные стороны в надежде обуздать защитную магию своим напором, но шары из огня лишь бессильно разбивались о различные предметы и исчезали в воздухе.

Тогда он еще раз оглядел всю комнату, затем повернулся к окну, разбежался и выпрыгнул. Полет вниз длился недолго. Неведомая сила подхватила странника, закрутила в воздухе и принялась метать из стороны в сторону – сырые ветки ца-

рапали лицо беглеца, стволы деревьев больно бились о спину, сдирая корой льняную рубаху вперемешку с кожей и кровью неверного. Затем сила подняла медведя вверх и бросила внутрь комнаты, оставив лежать посреди покинутой тюрьмы в луже воды, перемешанной с листьями, грязью и кровью.

Дверь в комнату, через которую странник попал сюда впервые, отворилась, а на пороге возникла фигура Магистра Стихий, прячущая за своей широкой тенью четырех жрецов, стоящих позади.

– Довольно! – прохрипел маг. – Чего тебе нужно?

– Свободы.

– Свободы? – лицо, спрятанное во тьме капюшона, рассмеялось. – Знаешь ли ты, что больше половины населения Неймерии даже не мечтают о том, что есть у тебя? Пища по расписанию, теплая постель. Что ты нашел в этой... свободе?

Странник сплюнул густой кровью.

– Я нужен тебе живой для твоих экспериментов. Хорошо. Я помогу. Но взамен ты научишь меня владеть моей стихией. согласишься – получишь еще больше энергии. Не согласишься – я не оставлю попыток убить себя. Слово за тобой, магистр.

Вместо ответа вокруг головы странника возник водяной шар. Медведь стал захлебываться. Руки тянулись к лицу в надежде помочь глотнуть свежего воздуха, но они лишь проходили сквозь сферу и в конце концов замерли, схватившись за горло.

– Послушай, сынок. Я знаю, что ты хочешь обыграть меня. Познать магию, а затем с ее же помощью уничтожить своего учителя. Это достойно аплодисментов. Ты прост, как все в этом мире. Но сейчас я подыграю тебе. Соглашусь на твое предложение. Но помни, если вдруг не передумаешь к тому моменту, когда выучишься всему, и нападешь на меня, я, без сомнений, открою перед тобой дверь в царство мертвых. Мне жаль, если придется убить тебя. Ты сильный Спутник.

Водяной шар обрушился водными потоками на плечи странника, разливаясь по всему его телу.

– В любом случае того времени, что ты потратишь на учебу, мне хватит, чтобы ты понял, что хочешь остаться. Приведи себя в порядок. Скоро я за тобой пошлю.

Дверь в комнату захлопнулись, скрыв магистра и его припешников за собой.

Глава 5

Творс. Империя, расположенная на полуострове на западе Неймерии, всегда славилась живописными вечнозелеными холмами, бесчисленным количеством виноградников и всюду растущими оливковыми деревьями. Это все, о чем рассказывали путники, когда-либо побывавшие в самой прекраснейшей стране на континенте, потому что остальные слухи вместе со своими чтецами утопали в творсийском вине и беспомощности либо просто оставались там, так и не вернувшись на родину.

В состав империи входило пять крупных городов и десятки деревень, расположенных в глубине полуострова и на берегах Вечных Вод и Солнечного моря, а правителем самого прекрасного места на земле, по мнению самих творсийцев, был молодой и вспыльчивый Драго Уйлетан – потомок Генора Уйлетана, когда-то приплывшего на земли Неймерии и отвоёвывавшего основную часть севера у других рас. Вокруг всей страны была возведена высочайшая стена, способная выдержать любое нападение и не допускающая в свои владения без приглашения не только чужаков, но даже мигрирующих зверей.

С самого воздвижения Могучей Стены никто даже не смел покуситься на владения древнего рода Уйлетанов, оказываясь заведомо проигравшим при одном только взгляде на

это воистину грандиозное сооружение.

Город Палатонес был столицей империи и находился на берегу Солнечного Моря по другую сторону от Дастгарда.

Палатонес был оснащен великолепным большим морским портом, высочайшими маяками на побережье и той самой Могучей Стеной, преграждающей путь из порта в сам город. Как нетрудно предположить, столица была центром торговли со всем севером Неймерии и остальным миром, суда стран которых были вынуждены заплывать в Солнечное Море, чтобы предложить процветающей империи набитые полезными ресурсами трюмы своих кораблей, а взамен вывезти как можно больше драгоценных камней, кузнецы на родине которых ждали их сильнее вечернего ужина, чтобы скорее смастерить ожерелья, браслеты, кольца и другие украшения, заказанные знатными дамами и мужчинами для своих женщин.

Корабли, встающие на якорь в бухте, ждали разрешения с берега заплывать в порт, уступая время на разгрузку и загрузку товара ранее прибывшим, более расторопным судам. Всюду сновали моряки, желая помимо основной работы, успеть отдохнуть в нашумевшей в Вечных Водах портовой таверне; важно отстукивали каблуками капитаны, которых легко можно было отличить от остальных по широкополым шляпам, красивой осанке и саблям, висящим на ремнях; приемщики товаров горланили на весь порт, перебивая чаек, количество штук положенных отгрузить из трюма по докумен-

там; портовые девицы разгуливали по берегу, соблазняя оголодавших после дальнего плавания мужчин, а местные рыбаки, как всегда, плевались на всех громкоголосых вокруг и распугивающих им рыбу.

В разгар всей этой суматохи к берегу причалил корабль с белоснежными парусами и без единого намека на принадлежность к какому-либо королевству или касте, а с судна спустились четверо неизвестных.

– По приказу Его Величества императора Драго Уйлетана все суда досматриваются, согласно законодательству, провозглашённому императором Генором Уйлетаном и достопочтимо соблюдаемому и дополняемому его предками, – пропищал низкорослый слуга, стоящий на берегу в сопровождении стражников.

– Валяйте! – ответил капитан судна, проложив дорогу карлику широким многозначительным жестом.

– Досмотр не будет столь быстрым, как вы, вероятно, ошибочно полагаете. Предлагаю внести цель вашего визита в документы, после чего вы сможете покинуть порт, а ознакомиться с результатами осмотра уже по возвращении. – Капитан хотел было перебить коротышку, но тот не предоставил возможности. – Не беспокойтесь за свое имущество – у вашего корабля день и ночь будет дежурить портовый патруль, и попасть на борт смогут только те, кто назовет специальное слово, которое мы с вами прямо сейчас придумаем и официально задокументируем. Империя несет ответственность за

ваше имущество, поэтому можете быть спокойны.

– Господин...

– Инэк.

– Господин Инэк, что, если мы не планируем ничего выгружать и загружать обратно, кроме собственных намерений? Неужели так важно соблюсти все эти формальности?

– Увы. Это единственное условие пребывания в Палатонесе. Ну так как?

– Хорошо, давайте заполним ваши бумаги, – выдохнул капитан.

– Нам с вами необходимо уединиться, чтобы не допустить разглашения секретной информации. Пройдемте за мной.

Высокий мужчина, держащий шляпу под мышкой, двинулся вслед за работником порта, оставив спутников у корабля в обществе творсийских стражников.

Место, куда они пришли через несколько минут, внешне напоминало обычный сарай. Внутри среди бочек и ящиков с различным товаром стояли десятки столов, за которыми служащие порта обсуждали с капитанами те же детали, что карлик должен был обсудить сейчас с вновь прибывшим моряком.

– Присаживайте, господин... простите, я еще не узнал вашего имени? – коротышка обходительно осведомился.

– Капитан Мориган из Дастгарда, – ответил мужчина, положив шляпу на стол.

Инэк тут же вписал имя в документы.

– Капитан Мориган, мы с вами находимся в проверенном месте, тем не менее будет лучше, если всю информацию, которую я у вас попрошу, вы будете сообщать мне голосом не более, чем достаточным для того, чтобы вас расслышал только я.

Капитан несколько раздраженно кивнул.

– В таком случае начнем. Как называется корабль, на котором вы приплыли?

– «Гроза Богов».

– Судно в собственности или вы работаете на кого-то?

– В собственности.

– Год постройки?

– Послушайте, господин Инэк. Давайте я вам сразу сообщу цель визита, чтобы не тратить ваше и мое время. Меня зовут капитан Мориган, и прибыл я в строгой конфиденциальности из Дастгарда не за товаром или погреться на вашем творсийском солнце. У меня послание лично для императора, и чем быстрее вы меня к нему отведете, тем больше по размеру окажется его благодарность лично вам. Ну так как?

Служащий порта опешил и вылупил глаза на наглеца, не желающего соблюдать порядок. Затем занес какие-то данные на поля в документах и спешно откашлялся.

– Боюсь, я не смогу угодить вам, капитан. Вы предлагаете мне совершить невозможное. Ваш скромный слуга может лишь описать корабль и гостей столицы, прибывших на нем. Остальное, к сожалению, не в моих силах. Попытайте удачу,

когда войдете за городские ворота. А теперь давайте вернемся к делу. Год постройки?

– Королева Дордони сейчас находится в вашем порту и желает аудиенции у императора.

Коротышка выронил перо из пальцев и, пока в спешке нащупывал его, опрокинул чернильницу. Хлопотливо забежав вокруг стола, он за несколько минут привел вещи в порядок и вернулся на свое место.

Капитан, заметив, что у служащего порта больше нет незапланированных дел, продолжил:

– Понимая положение дел и важность подобных поистине невозможных визитов, теперь вы можете не препятствовать моей тайной миссии. Я предлагаю все-таки покончить с якобы неотложными делами и проследовать во дворец.

Портовый служака Инэк растерялся и побледнел.

– Но... – коротышка осекся, затем собрал документы, разложенные по столу, обратно в кучу, сунул подмышку и, насколько это только было возможно, равнодушно и хладнокровно произнес:

– Следуйте за мной.

Капитан «Грозы Богов» вслед за служащим порта вернулся на берег, где корабль караулили два стражника, а три человека в плащах с накинутыми на головы капюшонами ожидали неподалеку. Один из незнакомцев, раздобывший где-то кусок хлеба, крошил его в руках и скармливал чайкам, обращая на себя неодобрительные взгляды прохожих, осужда-

ющие его за невиданное расточительство еды, за которую за стенами города могут даже лишить жизни.

– Прошу за мной, – произнес Инэк и торопливо принялся перебирать короткими ножками, изредка оглядываясь, не отстают ли от него гости.

Капитан Мориган и идущие следом путники, не упуская из виду Инэка, миновали порт и уперлись в городские ворота, за которыми и скрывался величественный Палатонес – город почитания магии, древнейшая столица Творса, оберегающая в самом центре своего императора, потомка завоевателя Генора Уйлетана – Драго.

– Эти господа со мной, – отчетливо произнес портовый слуга и коротким жестом приказал спутникам продолжать следовать за ним. Стража не препятствовала.

Перед дордонийцами во всем своем великолепии открылась кишашая людьми широкая аллея, способная уместить на одном отрезке пути два, а то и более корабля, стоящих сейчас в порту. Всюду сновали люди в рясах разных цветов, отражающих, скорее всего, ту стихию, властью над которой они обладали. Незаурядные мужчины с красиво остриженными бородами предлагали изобразить портрет любого желающего за определенную плату; садовники пыхтели над ярко-зелёными кустами, что были ограждением дивной аллеи от всего остального города; верхом на лошадях патрулировали улицы стражники, а далеко впереди по самому центру улицы возвышалось исполинское дерево с широкой кро-

ной, превышающее размеры любого другого видневшегося вокруг растения в десятки раз.

Путники протискивались сквозь толпу вслед за целенаправленно шагающим Инэком, огибая аплодирующих висящему в воздухе водному пузырю детей, глотающих огонь артистов в откровенных нарядах, песочные фигуры, возникшие мгновенно идвигающиеся словно живые благодаря магу, стоящему неподалеку. Гости столицы обходили лавки с фруктами, вином и пряностями, пока наконец не свернули у исполинского дерева на более узкую дорогу, но также кишашую магами, купцами, стражниками и простолюдинами.

Аллея эта упиралась в великолепнейший дворец, на фасаде которого был изображен дракон, в пасти которого умирал лев. Десятки башен вонзались своими шпилями в небеса, гостеприимно рассаживая птиц на своих карнизах.

– Хода нет! – грозно произнес стражник, разнося гул собственного голоса по шлему за опущенным забралом.

– Прощения прошу, сир. Ситуация неординарная. Необходимо передать вести императору, – заметно нервничая, протараторил коротышка.

– Вести передает гонец. У них есть на то полномочия. В других случаях Его Величество принимает подданных в специально отведенные дни.

– Передайте Его Величеству, что у порога своего родного дома его сестра. – Антина сняла капюшон, и ее уставшие глаза вмиг заблестели, ошарашив стражника.

Слуга Инэк вздрогнул, словно впервые услышал новость.

– Ваше Величество... – Стражник опустил голову. Его примеру последовали все присутствующие, кроме капитана Моригана и двух людей, до сих пор скрывающих свои лица. – Ваш брат в своих покоях. Я провожу вас.

Антина ступила за порог родного дома. Здесь все осталось так же, как было много лет назад, когда она уплыла за море – зал голубого цвета, имеющий лестницу наверх и несколько дверей без намека на любую мебель, коей был заставлен каждый свободный клочок пространства в Шаарвиле; мозаики из стекла на окнах, отсвечивающие разноцветными узорами на гладкий пол, когда солнце высоко; широкая люстра, покрывающая почти всю площадь помещения под потолком, и сотня воспоминаний, просачивающихся сквозь мрамор с единственной целью – вцепиться в мысли девочке, которая не успела повзрослеть, прежде чем покинула отчий дом.

– Молчите. – Император сидел спиной ко входу и по стуку каблуков понял, что незваные гости уже в комнате. Шаги прекратились.

Рыжие до плеч волосы Драго Уйлетана блестели на солнце, лучи которого врывались в покои императора и игриво отскакивали от всех блестящих предметов. Владыка Творса держал в руках перо и что-то вписывал на полупустой пергамент, лежащий перед ним на столе.

– Я не ждал гостей и не был о них предупрежден, – спокойным голосом проговорил монарх, не оборачиваясь и не

отрываясь от дела. – Стало быть, я могу надеяться на будущий разговор с кем-то влиятельным. Влиятельным настолько, что он смог попасть во дворец императора без боя. Либо вы убийцы и разбойники, которым хватило сил добраться до меня в моих покоях. Что вряд ли. Полагаю, за моей спиной моя сестра. Антина. Я скучал.

Владыка встал со стула и обернулся к королеве, а та бросилась в объятия брата. Капитан Мориган неловко склонил голову, повторяя движения, за всеми остальными в комнате.

– Оставьте нас. Я хочу поговорить с моей сестрой наедине. Пусть гости отобедают с дороги.

– Конечно, Ваше Величество. – Стражник развернулся, и вслед за ним отправились остальные.

Коротышка, что вел дордонийцев из самого порта, попятился медленнее всех, видимо, в надежде, что император запомнит лицо того, кто помог Антине Уйлетан добраться до семейного гнезда.

– Я тоже скучала, брат. – Королева подошла к окну и устремила свой взгляд куда-то в сторону Дастгарда. – Ты несколько не изменился за эти годы, Драго. Мой любимый младший брат, сходящий с ума от головоломок, тайн и всевозможных загадок...

– Я давно не тот, кем ты привыкла меня знать. Но от судьбы не уйдешь, ты права. Я до сих пор не владею собой, когда есть хотя бы небольшой намек на то, что я могу разгадать... – Император помедлил. – Я соболезную твоей утрате.

Монарх не мог видеть, что по щекам королевы побежали слезы, но знал это.

– Я возлагал большие надежды на Лиану, – продолжил он. – Как, собственно, когда-то наш отец таил их на тебя. Увы.

Драго Уйлетан вновь сел за свой стол и собрал все ранее исписанные листы в один столбик на краю, создав подобие порядка.

– Ты ждал меня? – спокойно заговорила Антина, полностью отпустив печальные мысли.

– Сразу после новостей о гибели принцессы. Признаюсь, ты заставила меня поволноваться о твоём возвращении. Я уже начал склоняться к версии, что и сейчас ты останешься с узурпатором.

– Тогда мне было что терять. Сейчас я равнодушна к смерти. – Королева потерла палец, на котором прежде было обручальное кольцо.

– Скорее тут мотив играет роль. Ты будешь мстить?

– А стоит? Дочь мне не вернуть. К чему же?

– К тому, что люди не должны знать, что так можно, – император процедил сквозь зубы. – Будь он пьяницей, которого и так никто не спросит, тогда... Хотя и в этом случае одна дорога – месть.

Королева еще раз устало улыбнулась открытому окну и села на место, освобожденное от завала разного рода книг еще до ее появления в этой комнате. Однако отпечаток этих

самых книг еще не пропал с обивки кресла. Лицо монарха спряталось в тени занавесок.

– Ты предложил бы мне пойти по твоим стопам?

– Что ты имеешь в виду?

– Брат. Ты совсем ослеп от навязчивой идеи, которую в тебе посеял наш отец. Остановись. Пусть все идет своим чередом. В твоих владениях прекрасная страна, люди счастливы и готовы отдать за тебя жизнь. Дети на улицах не голодают и радуются каждому дню. Чего ради ты строишь планы страшной мести? Ты же умен. Тебе ли не знать, что от добра добра не ищут?

Ярко-синяя туника императора переливалась на солнце крохотными чешуйками, а сам он оставался неподвижен, смотря в одну точку перед собой, но тем не менее его внимание было приковано к разговору с королевой.

– Как ты наивна, Антина. До мести нету дела мне. Да, умалишенные владыки ныне разных королевств однажды отреклись от нас – и что теперь? Теперь мы почиваем на лаврах, что принадлежать должны были всем северянам. Но не в этом дело. Давно бы я уже снискал покоя меж вершин Расколотого Хребта, но есть тайна, которую под силу разгадать лишь мне. Я не могу отречься от слова, данного себе, иначе вся интрига вместе с моим усопшим телом сожженной будет на костре.

– О чем ты, Драго? Весь север думает, что ты озабочен мыслями отвоевать земли, что когда-то принадлежали на-

шим предкам. Все считают тебя сумасшедшим, а мало того – главной угрозой всей Неймерии.

– О, полно! Пусть считают, как хотят. Позволь я расскажу тебе причину моего безумства.

Император подошёл к стене, на поверхности которой была искусно вырезана карта всего севера Неймерии. Реки, горы, моря, леса, деревни, города и королевства. Горы были выпуклыми, как и полагается, реки слегка впалыми по сравнению с лесами, а города обозначались главными достопримечательностями оных – в Аарде это был знаменитый ныне цирк, в Дастгарде – Шаарвиль, а в Палатонесе, к примеру, это было огромное дерево, растущее посреди города и упирающееся в самый небосвод на самом деле, а на карте лишь превосходящее все остальные.

– Ты помнишь все о наших предках, верно? Позволь, напомню, детали буду опускать. – Император навел указательный палец на родное королевство. – Наш предок – Генор Уйлетан, приплыл на материк здесь. Сначала он оказался в Солнечном Море и только потом высадился на сушу тут.

Палец уперся в красиво разрисованное дерево.

– Дальше он завоевал Дордонию, пошел на восток в Туурин и наконец с большими потерями заселил Расколотые Острова. – Большой палец Драго Уйлетана заботливо потер миниатюру Вуалия – древнейшего вулкана на самом севере. – Потом он вернулся в Творс и стал править.

– Это мне известно. – Антина сняла перчатки и положила

на край стола. – Что же гложет тебя в делах давно минувших дней? Вернее, что за открытие может быть важнее, чем угостить сестру обедом с долгой дороги?

Королева ласково улыбнулась. Император не услышал ее слов, задумавшись над какой-то терзающей его мыслью, и не отрываясь вглядывался в свои земли, расплосованные четкими линиями, обозначающими границы между городами. Затем его взгляд побежал наверх, к самому северу, и он вновь заговорил:

– Мне всегда было интересно, почему Генор Уйлетан позволил гномам занять эти горы, а эльфам – этот лес, хотя достаточно хладнокровно истреблял всех нелюдей на своем пути.

– Он хотел, чтобы люди обрели магические способности, которыми в совершенстве владели эльфы. Любой Уйлетан знает мотив нашего предка, – удивилась неосведомленности своего брата королева, хотя была уверена, что он лишь подводит ее к какому-то неординарному умозаключению.

– Да, союз с эльфами был единственным способом познать магию, но зачем? Зачем людям, и так сметающим все на своем пути, владеть магией? Обычного интереса тут недостаточно, потому что ненависть Генора Уйлетана к магам, согласно древним письменам, была не меньше, чем у Рогара.

– Постой. Разве Генор Уйлетан не был женат на Тиаде Де Реалевилль?

– Я тоже задал себе этот вопрос. Почему он принялся ме-

шать расы? Почему сам, будучи яростным противником магии, в один момент перестал истреблять нелюдей, да еще и взял в жены эльфийку? Признайся, что это крайне странно и необычно.

Королева согласилась неуверенным кивком головы.

– Я продолжил изучать хроники и обнаружил интересный факт.

Император подошел к полке с книгами – на полке не было ни следа от пыли. Либо ее часто протирали, либо ни одна книга, стоящая здесь, надолго не задерживалась на одном месте. Он открыл страницу, которая была заложена закладкой и принялся читать:

– ...самопровозглашенный владыка севера Неймерии Генор Уйлетан взял в жены дочь эльфийского короля, правящего доселе на землях нового Творса и зверски убитого в битве за Палатонес. Ближайший советник Его Величества Турин Холд был назначен вассалом в провозглашенной Дордони с обязательством жениться на эльфийской королеве, правящей на землях бывшего Тюруна, превратившегося из целой страны в город. Дальше тут нет сведений...

Император взял с полки другую книгу.

– Здесь я нашел семейное древо Холдов. Оказывается, у Турина был брат Туурин Холд, в честь которого, я так понимаю, и было названо королевство на востоке. А стало быть, по неподтвержденным данным, Туурин Холд правил на востоке. Но вот здесь.

– Я уже запуталась, брат, что ты хочешь сказать?

Император бросил книгу с семейными деревьями на стол и схватил следующую.

– Сказано, что у Генора Уйлетана был двоюродный брат, официальных записей о котором нет нигде, но неизвестный автор пишет, что именно двоюродный брат Генора Уйлетана правил на севере. И как ты думаешь: на ком он был женат? На второй дочери эльфийского короля из Творса, то есть брата Уйлетаны в итоге женились на детях – родных сестрах – бывшего короля эльфов. Соответственно, два вассала и сам король севера женились на эльфийках, и я предполагаю, что Туурин Холд тоже женился на женщине другой расы, только записей об этом я не нашел нигде.

– И что же? – Королева подошла к карте и потрогала миниатюру Вольных Городов. – Выходит, во всех королевствах настоящего севера правили потомки эльфов до тех пор, пока не случился переворот, разбивший единые земли на несколько государств.

– Верно. То есть истинные наследники престолов, свергнутые в свое время, – маги. Как мы с тобой. Только там их затравили и, возможно, сейчас никого из них нет в живых. Смотри дальше. – Император схватил со своего стола какие-то записки, сделанные, по-видимому, собой же. – Я нашел сведения, что жена Генора Уйлетана была магом воздуха, а ее сестра – а у нее действительно была сестра – была магом воды. И, протудировав всю литературу, я узнал,

что все наследники Творса были магами Воздуха, наследники Холденфелла – магами Воды, наследники Туурина – Земли, а наследники Дордони... ..

– Огня, – dokonчила за брата королева и побледнела.

– Ты поняла? Присядь, сестра. Воды?

– О, если можно.

Император наполнил кубок водой из кувшина и преподнёс Антине. Королева большими глотками осушила чашу.

– Ты что-то знаешь? – с надеждой в голосе произнес Драго.

– Я знаю, кажется... .. кто истинный наследник Дордони... .. Скажи мне, Драго, Холд мог ли с течением веков стать Кхолдом?

– Как раз об этом я хотел тебе сказать. Раскол единого севера повлек за собой ряд перемен. Ставшим отдельными королевствам нужно было заручиться поддержкой народа и подчеркнуть свою самобытность, и это проявилось, например, в Дордони в том, что ко второму имени жителей, содержащему в себе букву К или Г, добавлялась буква Х. Так условный Крон превратился в Кхрона, а Говер – в Гховера.

Впервые с того момента, как королева вошла в покои императора, надолго стало тихо. Драго Уйлетан все время впадал в раздумья, массируя свои виски, и решал неведомые загадки перед собственными глазами, видимые только ему. Антина не мешала брату погружаться в пучину размышлений, прокладывая какую-то невероятную логическую

цепочку в своей голове.

– Поэтому ты искал Сарвилла Кхолда? – наконец спросила она.

– Да. – Император медленно подошел к окну и вгляделся в синюю гладь. – Но я допустил тотальную ошибку. Доверился тому, кому не стоило...

Королева тяжело вздохнула.

– Теперь ты вряд ли доберешься до живого наследника. Его отправили в Башню Стихий.

– Знаю! Но мне также известно, что есть еще сестра и мать.

– Они мертвы.

– Что, все?

– Да, оба. Хотя, возможно, тебе еще удастся подоспеть. Не все волшебники обречены на гибель в башне, как я знаю.

– Это очень не вовремя. Теперь Сарвилл Кхолд наша последняя надежда.

– Но зачем тебе все это? – Антина вопрошающими глазами посмотрела на брата. – Неужели эта загадка стоит того, чтобы ворошить осиное гнездо?

– Боюсь, что так. Это лишь вершина айсберга, сестра. Наш предок не просто так связал себя и своих ближайших советников с эльфами. Не ради дипломатических целей. Он преследовал что-то более глобальное. И я подозреваю, что он искал пятую стихию. Пятый Элемент.

– Вот сейчас ты начинаешь меня пугать, брат. Зная твое

бессилие в том, чтобы устоять перед решением великих тайн, боюсь, что новая навязчивая идея сведет тебя в могилу. Зачем тебе это? Оставь в покое прошлое. Выгляни в окно, сходи на улицу, поплавай в море. Бездна! Чего тебе не хватает в краю, в котором все мечтают жить?

Император тяжело выдохнул.

– Скажи, сестра, что ты видишь, глядя в это окно?

Королева подошла ближе и выглянула из-за плеча брата.

– Море, солнце, облака...

– Продолжай.

– Корабли, людей, деревья, стену...

– Достаточно. Позволь мне рассказать, что вижу я. Все, что ты перечислила, – детали одной безграничной и насыщенной яркими красками картины под названием жизнь. И я всего лишь хочу ее сохранить.

За Могучей Стеной, хорошо видневшейся из окна башни, внутри которой сейчас стояли император и королева Дордонии, простиралось Солнечное Море, а в его горизонт друг за другом уплывали корабли, освобождая места в порту тем, что только подплывали к берегам Палатонеса.

– Задавалась ли ты когда-нибудь вопросом, почему Генор Уйлетан приплыл к берегам Неймерии? Зачем везти огромную армию, способную покорить весь север нашего теперь родного дома?

Император замолчал, дожидаясь ответа.

– Ресурсы?

– Отчасти. Я полагаю, что там, где жили наши предки, невозможно стало жить. Думаю, что великая армия была не в силах справиться с тем, с чем ей пришлось столкнуться, и тогда люди бежали. Бежали от чего-то, что настолько могущественнее всего, что мы с тобой знаем, что даже мне становится страшно. Исходя из всех моих догадок, я сделал вывод, что Генор Уйлетан искал Пятый Элемент для того, чтобы защититься от преследующей его народ гибели. И пусть нам до сих пор удастся жить, ни в чем не нуждаясь и ничего не подозревая, это не значит, что судный день не наступит. Теперь ты понимаешь, чем я брежу?

Королева стояла напротив исполинской карты неподвижно и молча.

– Где-то должна быть дверь, – продолжил император. – Условно. Я не знаю, что это на самом деле, но полагаю, что открыть ее могут только потомки тех самых эльфов, которых мы так давно изгнали и почти истребили. Поэтому мне важно настигнуть Сарвилла Кхолда живым и невредимым. Рогар не идет со мной на переговоры. Он слепец. Поэтому я собираюсь занять престол Дордонии и уже потом разгадывать тайну наследников Туурина, Холденфелла и Пятого Элемента.

Теперь Антина понимала, почему ее брата считают безумцем, а он не обращает на эти слухи никакого внимания. Если все, что рассказал Драго Уйлетан, правда, то сейчас в безумстве можно было упрекнуть и саму королеву. История звуча-

ла складно и действительно таила в себе массу загадок. Вот только умертвив медведя, Рогар навечно закрывал ворота, за которые наследница Уйлетанов теперь не прочь была заглянуть.

Попугаи в золотых клетках что-то неразборчиво забубнили, напоминая Антине о ее дочери, а солнце уже так сильно не светило в распахнутые ставни.

После беседы с императором карта на стене в глазах королевы как будто ожила. Теперь Неймерия не была бездушным клочком земли. Отныне она являлась живым существом. Каждая речка теперь не казалась обычной витиеватой полосой, она была проводником для крови, которая бежала по телу Неймерии. Аард, Дастгард, Палатонес, Тюрун – сейчас не были городами, они оказались жизненно важными органами материка, без которых он не сможет удержаться на волнах Вечных Вод. Эти города несут миссию жизни на Неймерии. А Призрачные Горы стали не чем иным, как глазами, смотрящими на Антину в свете нарастающих сумерек.

– Признаюсь, – наконец заговорила королева. – Теперь я понимаю, чем ты озадачен и для чего. Но все же не понять тебя мне никогда.

Антина помедлила и вскоре заявила:

– Я хочу остаться в Творсе навсегда. Обратного пути нет, ты же понимаешь.

– Конечно, понимаю. Наш дом всегда будет нашим, я распорядюсь поселить тебя в западной части дворца. И... – Им-

ператор отвел взгляд в сторону моря. – Я хочу спросить тебя. Будешь ли ты советником императора, Антина? Мне нужна помощь верного человека, сестра. Лучше тебя мне никого не найти. Ты согласишься?

Королева кивнула.

– Мне нечего терять. Я согласна.

– Благодарю тебя. Прости, я сразу не узнал. Второй ребенок в Творсе? Он здоров?

– На корабле. Спасибо.

– Хорошо. Он будет нужен, ты же понимаешь?

– Конечно. И еще кое-что, Драго. Со мной также приехал человек, который наверняка будет тебе интересен. Могу я попросить аудиенции для нас троих?

– Если ты за него просишь...

Император не успел договорить, как она остановила брата, положив свою ладонь на его плечо.

– Да.

– Тогда за ужином и познакомишь с гостем. Сейчас я распоряджусь, чтобы тебе и твоему ребенку предоставили все необходимое. Отдохни, сестра. Ведь более подходящего случая может и не случиться...

Открытый балкон освещал десяток факелов, зажжённых заблаговременно, чтобы не упустить момент, когда солнце

совсем скроется за Солнечным Морем. Растения извивались вокруг каждой колонны, подпирающей поручень ограды, и заползали на самый верх, продолжая ложиться на деревянную узорчатую крышу. Где-то внизу шумели горожане, вспыхивали и потухали языки пламени, отстукивали копытами лошади, и, в общем-то, все было именно так, как в любом другом густонаселённом городе с наступлением темноты – жители старались все успеть, и именно поэтому столпотворение никак не рассасывалось.

Никто из горожан даже не пытался заглянуть высоко наверх – туда, на императорский балкон, на котором творсийский владыка в любую погоду предпочитал ужинать, наслаждаясь алым закатом солнца. Размазанные по горизонту краски уже вроде и не солнца вовсе всегда завораживали Драго Уйлетана и помогали размышлять долгими одинокими вечерами.

Королева Дордонии – одна из наследников творсийского трона – без аппетита время от времени отрезала по маленькому кусочку распаренной телятины и вкладывала себе в рот, стараясь не ради себя, а ради ребенка Рогара Вековечного, который был жаден до материнского молока всякий раз, когда она брала его на руки.

– Ваше Величество... – Из-за дверей показался слуга в расшитой тунике и с салфеткой на руке. – Гость, которого вы просили позвать, подоспел. Изволите пригласить его к столу?

Драго Уйлетан очень манерно отложил столовые приборы, поднял салфетку с колен и произнес:

– Конечно, Туин. Не заставляй гостя ждать.

В комнату неуклюже завалился седой мужчина, внимательно озираясь по сторонам, словно все вокруг интересовало его больше, чем сам император и его сестра.

– Ваше Величество. Это Ронар Инстад. Иллюзионист с земель Дордонии. Господин Инстад, перед вами император Творса и последний наследник Генора Завоевателя.

– Мое почтение, Ваше Величество. – Ронар преклонил голову и, не дожидаясь ответа, уселся на место, приготовленное, скорее всего, для него. – Позвольте, я приступлю к трапезе. Сколько дней нас несло по волнам Солнечного Моря? За это время любую рыбу расхочешь попробовать раз и навсегда, поэтому хорошо, что есть телятина. Наконец-то толковая еда!

Иллюзионист отрезал жирный кусок от тушки теленка и принялся жадно уплетать мясо. Маленькие капли жира разлетались в стороны от чрезмерного желания иллюзиониста наесться, соус оставался на щеках и бороде, хотя потом очень быстро вытирался, и все это заедалось большими ломтями печеного хлеба и обильно запивалось вином. Император все это время переглядывался с королевой, на что в ответ она кивала в знак того, что ничего странного не происходит и такое поведение вполне обычно для циркача, отдавшего всю свою жизнь цирковой труппе.

– Разговариваете вы вполне цивилизованно, нежели себя ведете, господин Инстад, – заметил император, когда пыл циркача поутих, а трапеза обрела неспешность.

– Простите, Ваше Величество. Я, как и вы, привык являть наружу свои истинные эмоции, только у вас они выражаются в словах, а у меня в действиях. Уверен, вы как никто другой меня понимаете, – ответил иллюзионист и откинулся на спинку стула, раскачивая вино в своем бокале.

Император еле заметно улыбнулся, оценив прямолинейность собеседника.

– В таком случае давайте перейдем к делу, господин Инстад. Моя сестра абсолютно ничего не рассказала мне о вас. Вследствие чего я буду рад услышать историю вашей жизни из первых уст, так сказать.

– Что? Ваше Величество. Я думал, что за время нашего путешествия сижу у вас так глубоко, что вы первым делом сдадите меня с потрохами, лишь бы поскорее отделаться, – Ронар Инстад засмеялся, не давая возможности остальным разделить с собой эмоции от собственной шутки. – Познакомились мы с Ее Величеством вот примерно при таких же обстоятельствах, во время того, как я ведал ей историю, которую собираюсь поведать вам. Однако предлагаю уладить все финансовые вопросы, император, прежде чем я начну рассказ.

– Не отвлекайтесь на детали, господин Инстад. Финансовые вопросы я решу сама. А вы просто расскажите, что рас-

сказали мне.

– Нет, вы не поняли. То, что я поведал вам, Ваше Величество, лишь крохотная часть истины. Все самое интересное ждет вас сегодня во время этого великолепного вечера. Смотрите, какой закат! Небывалой красоты! Послушайте, правду говорят, что многие остаются в Творсе ради него? Или это очередные слухи, обреченные быть правдой в глазах наивных дордонийцев?

Пространство над морским горизонтом полыхало красным заревом. Яркие краски переползали на тревожные волны, мчащиеся к берегам Палатонеса, и, сливаясь с беспросветной синью воды, светились совершенно невообразимыми оттенками. Искушенные творсийцы, наблюдавшие подобные закаты тысячи раз, даже не повернули головы в сторону моря.

– Скорее правда, – отрезала Антина. – Не томите, Ронар. К делу.

Иллюзионист взял со стола что-то, что смачно захрустело у него во рту, как только он принялся это жевать. Затем старый циркач осушил свой бокал, подвинул его ближе к кувшину и начал рассказ:

– Не так давно я узнал, что вы, дорогой император, очень заинтересованы в молодом человеке, что известен по всей Дордонии под именем Сарвилл Кхолд. Обычно я держусь подальше от всех этих историй, но в этот раз мое любопытство не позволило мне пройти мимо. И не одно только любопыт-

ство, честно сказать. Однажды мальчик спас мне жизнь... Сейчас я все расскажу, только все же...

– Будет тебе золото, даю слово императора, циркач. Только не испытывай мое терпение. Мне импонирует твоя искренность, но даже у безумия есть предел. – Император положил руку на край стола, сверкнув драгоценными камнями с каждого пальца.

Иллюзионист подозрительно посмотрел на владыку и через несколько мгновений решил:

– Ну, хорошо. Однако сперва я вынужден признаться, моя королева, что не имею понятия о планах короля Рогара и тем более о том, как он собрался остановить армию творсийских магов. История, которую вы знаете, была придумана спешно и только для того, чтобы на вашем корабле нашлось место для вашего скромного слуги. К сожалению, мне пришлось сыграть на жертвенности и вашем чрезмерном желании помогать. – Циркач опустил голову, стараясь избежать налитого кровью королевского взгляда. – Но не спешите с выводами. Настоящую историю я припас именно для этого вечера. А началась она накануне Дня Петуха в корчме под названием «За пазухой у короля».

Глава 6

С самого раннего детства я воспитывался в труппе бродячих циркачей. Я не помню точно, когда стал осознавать это. Просто однажды все, кого в цирке я называл тетями и дядями, превратились в моих лучших друзей. С ними мы делили еду, постель, золото, заработанное с уличных представлений, и вообще все, что только можно себе вообразить. Только не воображайте слишком много – ведь вы действительно рискуете нарваться на правду, после которой будете впадать в краску, лишь завидев меня и сопоставив факты моего прошлого.

Сколько бы представлений мы ни давали, денег всегда катастрофически не хватало. Люди не готовы по собственной воле расставаться со своими кровными, если ты, конечно, не сделал что-то из ряда вон выходящее и не поверг их в эйфорию. Вот в этом и крылся наш главный шанс – довести людей до беспамятства, чтобы они соизволили кинуть тебе хотя бы монету. Не говоря уже про эльфов, у которых у самих за душой ничего нет, а про гномов вообще забудьте – те еще скряги.

– Мне, кажется, господин Инстад, или вы затеяли целый рассказ вопреки всему, что раньше слышали об императорах и времени, которым они располагают? – Драго Уйлетан наклонился вперед и пристально посмотрел на иллюзиониста.

Циркач пригладил бороду и гордо заявил:

– Не забавы ради я тут распинаясь, император. К тому же мозаику нам не собрать без нужного количества деталей. Не правда ли? Да вы позволите продолжить?

– Продолжайте, – выдохнул император. – Надеюсь, это того стоит.

– Уж поверьте.

Так вышло, что судьба сама распорядилась за меня и поселила где-то глубоко внутри навязчивую идею постоянно желать разжиться золотом, чтобы поделить его со своим ближним. Не то чтобы я страдал kleptomанией или был человеком, способным на любую глупость или необдуманный риск ради денег. Нет. Просто у меня есть одна способность, благодаря которой я могу разглядеть выгоду там, где другие не видят ничего и, вероятно, поэтому только мечтают разбога-

теть, а не богатеют на самом деле. И именно жажда наживы вплела мою скромную персону в одну историю, в которую посвящать вас полностью не имеет никакого смысла, но не затронуть ее было бы большим преступлением.

Однажды я познакомился с одним щедрым господином, который, несмотря на все, что я учинил с его наивной и ничего не подозревающей особой, сохранил мне жизнь, а более того, спас ее, разделяя звание героя в моих глазах с еще одной девушкой, с которой, в отличие от этого молодого человека, я больше не имел чести встретиться. Именно здесь и берет начало моя история, которая не оставит вас равнодушными и уж точно заставит сердца трепетать в надежде услышать долгожданную развязку.

После вышеупомянутых событий я оказался совсем один посреди Аарда, великолепнейшего города из великолепных. А брошен я оказался потому, что у циркачей есть кодекс, который гласит, что каждый сам за себя и, если чья-то болезнь тормозит путешествие всей труппы, значит, совместный путь продолжить не судьба. А если и судьба, то оставленный артист найдет своих друзей во что бы то ни стало, ведь сам Всевышний Иирис никогда не покинет бедолагу, если у того чисты и совесть, и намерения.

Я сам цитировал это правило не раз, поэтому когда пришла моя очередь быть оставленным братьями, то принял свою судьбу, однако с ней не смирился. Моя дочь находилась среди труппы, отправившейся дальше на гастроли, и поэто-

му я поклялся найти своих и до смерти хотя бы еще раз увидеть Дийну.

Однако задача была не из легких, потому что странствующий цирк на то и странствующий, чтобы быть где угодно и появляться в совершенно случайных местах настолько же внезапно, насколько сильно местное население успеет соскучиться по цирку и будет готово выкладывать за привезенное зрелище свое золото.

Поэтому некоторое время я прозябал в Аарде, разживаясь легкими деньгами, а вечерами искал на дне бутылки смысл дальнейшего существования, пока однажды не наткнулся на путника.

– Деньги вперед, уважаемый. Если не хотите рассказывать детям по возвращении домой о фокусах, которых на самом деле вам не довелось видеть, – сказал я, вполне резонно ограждая собственную натуру от возможности быть обманутым.

– Правду говорят про этот гнилой город. Тут с тебя последнюю вошь сдерут, лишь бы, кроме штанов, на тебе ничего не осталось, – ответил путник, по правде говоря, помимо самого великолепнейшего Аарда, оскорбив еще и мои чувства.

Порывшись в своем худом кошеле, он все-таки достал из него и вручил мне несколько сетимов. Тогда, сдержав слово, я показал ему популярный фокус с картой, которую зрителю нужно было запомнить, и потом из всего множества карт,

лежащих рубашкой кверху, я достал именно того золотого волка, которого он все время держал в голове.

– Ты смеешься надо мной, старик? Этот фокус не знают лишь дриады, лишенные всякого общества в своих лесах. Возвращай монеты или показывай что-то, чего я еще не видел.

К тому моменту у нашего стола собралась целая толпа зевак, и они были готовы сейчас разорвать меня точно так же, как минуту назад носить на руках за подаренное представление. Честно сказать, меня всегда поражала эта кровожадная особенность публики, потому как по отдельности каждый из людей, составляющих эту массу, был не способен ни на проявление позитивных эмоций, ни на проявление противоположных.

Конечно, я слегка растерялся от поставленного ультиматума и быстротечно вел счет в уме, смогу ли расплатиться с корчмарем, если сейчас верну честно заработанное золото.

– Долго думать будешь, фокусник? Я тут до Дня Петуха сидеть не собираюсь. Если вино в бочках скиснет, то король с меня шкуру сдерет. И со всех, кто позарится на добро, что у меня на телегах. – Он разделил с толпой направленный прежде только на меня суровый взгляд и добавил: – Если захотите пошла того, что я в Даггард везу, то будьте любезны на День Петуха в столицу пожаловать. Его Величество велел платы в день праздника не брать.

Толпа загудела, вероятно, обрадовавшись известию, но не

расступилась в надежде закончить смотреть, как ваш скромный слуга терпит фиаско. Однако я, услышав столь радостные вести и быстро заключив, что вся моя цирковая труппа ни за что не пропустит великий праздник в самой столице, мгновенно создал иллюзию.

– Господин. Примите мои извинения за то, что не удовлетворил тех потребностей, в которых вы нуждались, заказав мне фокус. Я непременно верну вам деньги, но только после того, как вы обратно натянете свои штаны.

Вероятно, все-таки не поняв моего тончайшего намека, мой собеседник встал из-за стола и небрежно схватил меня за ворот. В этот момент толпа, как я и рассчитывал, разглядела иллюзию и разразилась хохотом, смущая бедного путника и указывая на его промежуток, где все сморщилось настолько, что даже самый бедный на мужскую самодостаточность горожанин теперь возгордился бы тем, чем его не обделила, а, получается, даже наградила матушка-природа.

Раздосадованный торговец выбежал из корчмы, сверкая своим, ну или моим, заколдованным задом.

Я быстро собрал все пожитки, которые, к слову, уместились на одном коне, и поскакал на юг, преисполненный надежды после долгой разлуки наконец-то встретить свою дочь.

Через несколько дней я остановился на выселках Дастварда в корчме «За пазухой у короля». Признаться, заведение было наисквернейшим местом после всех представленных в

Аарде, в которых я изрядно выиграл денег и провел времени. Однако на день раньше в городе появляться не было никакого смысла, да и за комнату в захудалой корчме я бы отдал втрое меньше, чем расщедрился бы в столице.

И вот я открыл дверь внутрь, и меня тут же окатило запахом ядерного перегара и чеснока, на который местные слетались как мухи на...

Ронар Инстад резко остановил рассказ, сосредоточив свое внимание на кувшине с вином, из которого уже наполнял свой бокал, затем поставил сосуд на место и пригубил добытого напитка.

– Чудесные птицы! Будьте добры, подскажите, что это за вид? Я таких отроду не видел, но, клянусь, если их слегка приукрасить... Такое представление будет пользоваться успехом!

По перилам балкона скакала маленькая птица с ярко-зеленой грудью, синим оперением на крыльях и совершенно черная во всех остальных местах. Разве что вокруг глаз словно нарочно кто-то нарисовал два белых круга.

– Это килиус. Птица довольно редкая, и... это одна из причин, почему я люблю здесь ужинать. Продолжайте.

– Килиус... – Ронар Инстад в задумчивости пригубил вина. – Очень интересно. О чем это я? Ах да.

Народу внутри «За пазухой у короля» было немного, а то и понятно – солнце еще стояло высоко.

Я заказал сразу две кружки пива и расположился по соседству с одним из столов, за которым забулдыги, не знающие другого развлечения, кроме как круглосуточная игра в бландж, доигрывали очередную партию, отмечая это громкими возгласами выигрывающих и тяжелыми вздохами потерявших все до последнего сетима.

Карточная игра всегда была для меня одним из самых легких способов заработка, потому как иллюзия простых комбинаций в бландже не составляла особого труда. Поэтому я посмаковал пенного и, прежде чем бросить вызов завсегда-таям, удостоверился в том, что они уже как следует наладились и готовы принимать и поднимать ставки.

– Новичков берете, господа? – спросил я, когда подошел к столу с разложенными на нем картами и почувствовал, как пиво ударило мне в голову.

– Катись отседова!.. Господин! – пьяницы нагло осмеяли мою тонкую натуру и принялись грохотать на весь зал.

Пара кружек пива за мой счет плюс демонстрация ситемов в кожаном мешке – и через несколько минут мы уже были лучшими друзьями, а к вечеру я утроил свое имущество, отправив мужиков по домам объяснять женам, почему сего-

дня их дети лягут спать голодными. Не судите строго. В такие времена каждый должен сам заботиться о своей шкуре и тем более думать, что он делает.

И вот я сидел за все тем же столом, пересчитывая свои честно заработанные деньги, когда услышал неподалеку до боли знакомый голос. Обладателем этого голоса оказался тот самый странник, чьи портреты были развешаны вдоль всего большака, и один из таких второсортных рисунков красовался за прилавком корчмаря. Кстате сказать, настолько было скверно нарисовано, что если бы я не обладал логикой и не использовал ее вкупе с собственными знаниями, то ни за что бы не догадался, что я встретил того самого паренька, что спас меня в Аарде.

Перевязанный глаз, чтобы не выдать собственной принадлежности к касте странников, капюшон, но, самое главное, я признал сапоги, о местонахождении которых сообщил ему лично, и таких вторых не сыщешь во всей Неймерии.

Господин и две его спутницы, замышляя какой-то коварный план, совсем потеряли бдительность и, после того как покинули свой стол, даже не предположили, что корчмарь признал моего прежнего спасителя не по портрету, а, вероятно, по слишком вызывающему поведению, и теперь обязательно должен был сдать его владыке королевства. Не ради собственной репутации, а ради денег. К тому же ради тех денег, которые могли бы принадлежать мне.

Часто я мог совладать с собой ради дружбы, но этот раз не

оказался исключением для пылающей в моей груди жажды наживы, которая против собственной воли овладела моим разумом. И тогда я затеял самое грандиозное представление в своей карьере, после которого и решил податься за море на покой и писать свои мемуары на старости лет. Может, и эта история обретет очертания на страницах какой-нибудь книги, когда все это закончится.

Зная, что вести уже отправлены в Дастгард, я расположился на скамье перед корчмой в ожидании скорого приезда городской стражи за странником. Охмелевший люд бродил туда и сюда, хлопал скрипучей тяжелой дверью, некоторые менее экономные путники умудрялись взгромождаться на своих коней и теряться где-то за горизонтом меж огней Дастгарда в поисках ночлега.

Достаточно времени прошло до тех пор, когда я увидел конвой с королевскими знаменами, так и желающий спугнуть свою добычу – лев, коим принято считать короля Рогара Вековечного, вцеплялся в глотку дракону, коими принято считать всех из династии Уйлетанов. Огромное облако пыли, которое кони из королевской конюшни выпускали из-под своих копыт, было призвано показать чрезвычайную торопливость и крайнюю важность миссии всадников всем любопытным.

Лишь завидев конвой, истинное задание которого представлялось мне достаточно четко, я наколдовал образы странника и его друзей. Посадил их на лошадей и спешно,

ускользая прямо из-под носа присланных рыцарей, принялся уводить иллюзию прочь от города.

План сработал на отлично, но пустившиеся в погоню за иллюзией воины все же оставили своего командира проверить корчму, из которой наглые изменники государства посмели сбежать, оставляя короля с носом.

– Господин, позвольте обратиться.

– Нет времени, старик. Держи монету, выпей за мое здоровье.

Я схватил рыцаря за руку, пока он не переступил порог.

– Тогда позвольте отплатить добром за вашу щедрость. – Я убрал в карман блестящую монету, претворившись тем, кем он хотел меня видеть. – Не по душу ли вы внезапных беглецов явились, которые так спешно собирались и отбыли прямо перед вашим приездом, господин?

Рыцарь напыжился и потянулся к рукояти своего меча.

– Нет-нет... – В какой-то момент я успел испугаться за свою жизнь. – Просто путники так быстро собирались, что, заведя вас на горизонте, я просто сопоставил факты.

Человек в доспехах внимательно окинул меня взглядом, а его рука наконец расслабилась и отделилась от меча, позволив мне перевести дыхание.

– Что ты знаешь, говори сейчас же.

– Так вышло, что я здесь ожидаю завтрашнего дня. Понимаете, я циркач.

– К делу, старик. Не время для прелюдий.

– Хорошо, простите, простите. Мне удалось подслушать разговор тех, за кем вы так спешили.

Рыцарь нетерпеливо переваливался с ноги на ногу, но не перебивал меня, чтобы не растягивать время и скорее услышать самое важное.

– Из разговора я узнал, где тайно временно пребывают преступники.

– Что? Тогда чего ты до сих пор молчишь?

– Дело в том, что место это я готов назвать лишь королю.

– Королю? Ты умом тронулся, отец?

Я не позволил вылить на меня весь известный рыцарю запас брани и скорее перебил:

– Я так понял, что сбежавшие персоны довольно важны.

По дороге в Дастгард я видел множество плакатов с лицом того, кто сейчас в моем присутствии указывал своим спутникам, как, когда и что делать. Вероятно, он лидер. Но если вы против оказать Его Величеству такую услугу... Тогда прошу прощения, что задержал вас, уважаемый. – Я отпустил его локоть, открывая путь дальше, чтобы сделать запретный плод менее сладким.

Рыцарь в неопределенности потоптался на месте и наконец сказал то, чего я ожидал.

– Седлай коня. Но если отстанешь или заблудишься, то предстанешь перед судом.

Я не заставил себя ждать. Взобрался на Виторию и поскокал следом.

По дороге мы встретились с потерпевшими неудачу рыцарями, бросившимися за иллюзией и потерявшими ее из виду там, где, скорее всего, действие моей магии лишилось своей силы. Выслушав от рыцарей душеспасительную историю о том, что мерзопакостный маг применил чары и благодаря им скрылся из виду, мы со всем конвоем поскакали в Шаарвиль.

Дворец неопишуемой красоты, я вам скажу. Но что там Шаарвиль в сравнении с творсийской Могучей Стеной! Искусство троллей – не более.

Меня привели в тронный зал во дворце, и спустя некоторое время томительного ожидания я увидел короля Дордонии собственной персоной. В гневе он чуть не снес мне голову на месте. Вот где я прогадал, когда пожелал разжиться на удачном стечении обстоятельств. Но благо здравый разум овладел им раньше выстрела из его устрашающего арбалета.

– Говори, что знаешь о страннике и моей дочери, сейчас же. – Он умеет задавать вопросы достаточно убедительно, и это был именно такой вопрос.

– Я готов, Ваше Величество. Простите, что послужил причиной королевского гнева, – ответил я и, признаюсь, сильно удивился, что среди спутников моего давнего знакомого, по словам короля, была сама принцесса. – Боюсь, мне пришлось солгать, чтобы меня все-таки пропустили к вам, Ваше Величество, но не спешите гневаться. Сейчас я поведаю вам бесценные сведения.

– Подожди рассказывать. – Из-за моей спины вышла вы-

сокая пепельноволосая госпожа и, дотронувшись до моей шеи своими ледяными пальцами, тут же молвила: – Иллюзионист? Бездна. Ваше Величество, я не смогу подтвердить или опровергнуть его слова. К моему сожалению, фантазия иллюзионистов слишком сильно путает их мысли и понять, что думают они на самом деле, невозможно. Но. Доверимся старому доброму чутью. Вещай, старый маг.

В тронном зале эта чародейка раздавала свои приказы не хуже самого короля.

– Иллюзионист?! – рассвирепел владыка. – Заточить в трит и висечь на площади в разгар Дня Петуха! Пусть будет зрелищем для горожан и уроком для всех магов!

Тут мне не пришлось защищать себя от слепой ярости Рогара Вековечного, потому как за меня заступилась госпожа, которую он смиренно слушал все время нашего знакомства.

– А теперь продолжай. Будь избирателен в своих словах. Предупреждаю, – заявила читающая мысли чародейка и встала близ трона владыки.

– Я с удовольствием, госпожа, но... Могу ли я рассчитывать на награду за ценные сведения, которые принес.

– Твоя награда, – перебил король, – что ты еще свободен и жив. Радуйся и начинай говорить, пока я в духе.

– Сотня ситемов, – щедрая госпожа позволила себе вступить в переговоры. – Вот. Забирай. Как только скажешь все, что знаешь, будешь волен уйти.

Я подхватил точно брошенный в меня набитый монетами

кошель и откланялся как умел. Скорее, как было положено кланяться после представления на манеже цирка, а не в присутствии придворных дам, но в тот момент я совсем позабыл про манеры.

– Известно мне, что странник, которого вы разыскиваете, желает явиться в замок завтра, чтобы спасти кого-то, кто ему дорог и находится у вас в плену.

Суровость с лица короля спала, а кончики его губ потянулись к ушам.

– Хорошая новость! – воскликнул он и превратился в совершенно другого человека, не похожего на того, с кем я познакомился несколькими минутами ранее.

– Не совсем, – перечила Его Величеству госпожа. – Он может быть силен как никогда, а у нас нет преимуществ, кроме чародейки. Мне надо подумать. А ты можешь быть свободен, маг.

И когда я уже был готов откланяться и двинуться восвояси, пепельноволосая меня остановила:

– Хотя постой. Откуда знаешь, что странник явится в замок завтра?

– Я остановился в той же корчме, где и были путники, госпожа.

– Видел всех?

Я слегка замялся.

– Всех, госпожа. Там... Были две девушки, и вечером еще мужчина заходил. Вот как-то так.

– Создай иллюзию. Я хочу их видеть.

Деваться было некуда, и иллюзия странника и его спутников уже блистала в величайшем исполнении непревзойденного мастера на весь тронный зал, превратив королевских паладинов, стоящих на моей страже, в самых разыскиваемых преступников.

Молодой человек, известный как Сарвилл Кхолд, принцесса Лиана, некая Иллайа и алхимик сидели за воссозданным мной столом, словно дело до сих пор происходило «За пазухой у короля», а не в тронном зале Рогара Вековечного.

Госпожа обошла кругом мою великолепную иллюзию и внимательно рассмотрела всех четверых сидящих за столом.

– Что с лицом у этого толстяка? – сказала она, указывая на явный недочет в моем творении.

– Едва успел его я разглядеть, госпожа. Он внезапно появился и слишком быстро промелькнул, как бы не правдоподобно это слово ни звучало по отношению к его комплекции.

– Как тебя зовут, иллюзионист?

– Ронар Инстад. Странствующий циркач и...

К сожалению, пепельноволосая бестия оборвала меня и не предоставила возможности произнести свой титул целиком.

– Вот что, Ронар Инстад. Ты и твоя иллюзия понадобятся в замке до тех пор, пока странник не будет пойман. Ты получишь золота в три раза больше, но работа должна быть сделана превосходно.

– Конечно, госпожа. – Мои глаза заблестели, получив

столь счастливую информацию от моих ушей.

– Нет, ты не понял, – вдруг оборвала она мою радость. – Превосходно – это значит милость, если никто не догадается о том, что перед ним иллюзия, и означает смерть, если хотя бы одна мысль о подвохе промелькнет в голове у «зрителя».

Отказаться от столь щедрого предложения и такой суровой угрозы я не мог и поэтому стал свидетелем всех замыслов Его Величества короля и его советницы.

Лицо королевы Антины стало таким бледным, что, казалось, она перестала дышать и теперь кровь не ходит по ее жилам.

– Выходит, что... – королева еле могла произносить слова. – Моя дочь может быть жива?..

– Наверняка не знаю, но в тронном зале ее не убивали.

– Я хочу знать, что было дальше, – император перебил иллюзиониста властным тоном.

На улице уже было хоть глаз выколи, когда король, придворная чародейка и еще несколько паладинов повели меня тайными подземными путями из красивейшего имения на

берегу моря куда-то на окраину города. Имение это, судя по всему, принадлежало той властной и самовольной пепельно-волосой чародейке.

Тоннели были хуже гномьих копей – сквозь камень из стен просачивались корни деревьев, с разных сторон подтекала вода, а путь освещал единственный факел в руке паладина, идущего во главе нашего окутанного тайной общества.

Не знаю, сколько нам удалось пройти, прежде чем мы попали к каменной лестнице, ведущей наружу, и воздуха сразу стало больше.

Белые мраморные ступени выходили в зал какого-то помещения, до боли напомнившего мне оружейную в одном из городов Дордонии, где мы однажды были вынуждены заночевать всей труппой. Просто оружейную, которую ежедневно первым делом начищают до блеска, чтобы всех врагов достойнейшего короля ослепляло от одного только появления оного.

В зале нас ожидало несколько господ, которые, словно пети, разглядевшие неподалеку курицу, подскочили со своих мест при виде короля.

– Ронар Инстад, господа хранители. Один из последних иллюзионистов на материке собственной персоной.

Некоторые из ожидающих персон в знак приветствия покивали головами, а остальные – кто-то с презрением, кто-то с интересом, а кто-то с пристрастием уставились на меня.

Его Величество предложил мне занять единственный сво-

бодный стул, чародейка встала позади короля, а паладины вышли наружу охранять покой начинающегося тайного совета.

– Если вас волнует, почему сейчас здесь нет Хранителя Порядка, я поясню. Санли Орегх посмел ослушаться моего приказа и прервал атаку на Медвежий квартал до его полного истребления. Имею основания полагать, что в данный момент хранитель является угрозой делам государства, и уровень моего доверия не позволил пригласить его сегодня на судьбоносный совет. Согласны ли вы, господа, что, какими бы ни были прежде мои решения, останавливать их – значит нарушать установленный правилами Совета Тринадцати закон?

– За!

– За!

Напыщенные господа поднимали руки один за другим, соглашаясь с доводами владыки.

– Чудно. Раз все поддержали меня в моем решении, перейдем к более важному делу. Времени осталось крайне мало. Да и по другому поводу я бы не собирал вас в столь поздний час. – Король навалился на спинку своего стула, которая была самой высокой в зале и представляла из себя не что иное, как длинную шею дракона, тянущуюся ввысь.

Король негостеприимно наполнил только свой сосуд вином, оставив мой бокал пустым. Я же не заставил себя ждать и вскоре тоже пробовал чудесное аардское красное, обратив

на свою скромную персону еще больше внимания разносортных советников.

– Господин Инстад утверждает, что завтра в Дастгард вернется главная угроза Дордонии – Сарвилл Кхолд. Я собираюсь казнить преступника. Его руки в крови моих подданных, и никто из вас, полагаю, не будет против возмездия. Вы знаете все его злодеяния не хуже меня, и я не вижу причин останавливать отмщение. В таком случае мы сможем казнить его завтра и включить зрелище в программу празднования Дня Петуха.

Противный старикашка с редкой бородой и отвратительной проплешиной на голове заговорил первым:

– Мы рады, Ваше Величество, что вы прислушались к наставлениям старейшин и более не чините без воли советников дел, способных нарушить внутренний покой Дордонии и ее жителей. Посему я поднимаю руку за казнь преступника, и пусть милостивая Касандра найдет ему пристанище в своем саду для исправления содеянных грехов.

Остальные старейшины, вероятно, оторванные от крайне важных дел, закивали головами и единогласно приговорили юношу к смерти.

– Я против, – пепельноволосая чародейка остановила приближающееся завершение тайного совета.

– У вас нет права голоса, госпожа. А посему ваша воля не принимается в счет в решении особо важных вопросов, – сказал человек в смешном головном уборе.

Король поднял руку и позволил чародейке договорить.

– Я слышу, как вы боитесь, господин Тиин. Не стоит. Хотя за ваши похабные мысли вас стоило бы казнить вместе с медведем. Но опустим. Ваше Величество, на пороге война с Творсом. Драго Уйлетан спалит или затопит всю Дордонию до последнего поселения. Сейчас мы не в силах противостоять армии магов. Однако если странник действительно так могуч, как я слышала, с его помощью Магистр Стихий сумеет создать то, что разобьет армию с запада. Что мы теряем, если странник и так окажется у нас в руках? Наденьте на него оковы из трита, и он станет обычным человеком, коих усмирить приходилось тысячи на вашем веку. Но беспристрастно убить его будет недальновидным и опрометчивым поступком.

Старейшины загалдели, поднимая шум в спящем зале, пытаясь переспорить друг друга и доказать свою правоту.

– Хотите вновь напороться на те же грабли? Неужели вам не ясно, что любая отсрочка казни дает страннику шанс на освобождение? – лепетал мужчина, вертевший потертую подзорную трубу в руках съезжившимися короткими пальцами.

– Чародейка предлагает верное решение, – спокойным голосом отвечал старый эльф.

– Армия магов – ничто перед взором могучей армии Дордонии, – однорукий седой здоровенный мужчина пытался донести свою правду и глубоко дышал, изо всех сил сдержи-

ваясь от того, чтобы не встать с места и насильно не заставить всех замолчать.

– Странник... Смерть... День Петуха... Воздействовать на народ... Это не по законам Дордонии... Мудрое решение... Несостоявшаяся смерть... – каждый вещал, не слушая других и выкрикивая наиболее важную часть своего предложения.

Король слушал гул, созданный своими советниками, пока в нем еще можно было находиться не раздражаясь, но, как только Его Величество стал тонуть в смешанной пучине аргументов, облепивших стол совета старейшин, он сильно ударил кулаком столу. Хранители замолчали.

– Проголосуем. Кто за то, чтобы оставить странника в живых? – лениво сказал он, самодовольно улыбнувшись и поставив кубок с вином на край стола.

Поддерживающие идею хранители почти одновременно подняли руки. Тех, кто не подняли, оказалась ровно половина.

– Бурлящая бездна, – словно заключая, а не выражаясь, произнес Рогар Вековечный.

– Законы ничего не говорят о ситуации, когда мнения разделились, потому как членов совета тринадцать и такой ситуации априори не могло сложиться. Значит, мы не можем принять окончательного решения без присутствия Хранителя Порядка, – старый эльф говорил спокойно, а в каждом произнесенном им слове слышалась мудрость.

– В таком случае завтра мы схватим странника, а после соберемся на совет и решим, что делать. Как поступим с его союзниками, решим также после того, как медведь окажется в наших руках.

Все единогласно поддержали короля в этом предложении.

– У меня также с начала заседания зрел вопрос, Ваше Величество. – вдруг начал говорить тот, что постоянно теребил две потертые монеты в руках. – Что среди Совета Тринадцати делает этот циркач? Мы ненароком посвящаем его в наши планы, о чем можем впоследствии сильно пожалеть.

– Он часть наших планов, – отрезала Люция. – Иллюзионист знает всех спутников медведя в лицо. Почти всех. Он поможет нам усмирить Кхолда в случае, если завтра тот придет один и решит не сдаваться без боя. Мы покажем ему иллюзию его друзей, как только подвернется случай, и с помощью обычных человеческих манипуляций разговорим медведя на любую тему, которая покажется нам интересна. В общем-то, можно было бы обойтись без лишних действий, но у нас должен быть козырь в рукаве, если страннику вдруг удастся сбежать или произойдет что-либо, чего мы с вами не смогли предположить. Господин Инстад. Будьте любезны, покажите нам странника и всех его спутников.

Я создал иллюзию, и все старейшины Дастварда пооткрывали рты – иллюзия и вправду получилась что надо.

– Для пущей верности нам нужна информация о каждом из спутников странника. Принцесса нам всем знакома, как и

ее манеры с привычками. Меня больше интересуют две личности – женщины и мужчины, доселе мне незнакомые. – Люция обошла иллюзии вокруг, тщательно разглядывая магию.

– Девица из Лисохвоста, – здоровенный мужлан без правой руки заговорил первым. – Я полагаю. После того как Дориан Орегх вернулся из Лисохвоста ни с чем, наемники рассказывали, мол, уйти страннику помогла девка, одна из местных. Мы отправляли людей допрашивать свидетелей, и корчмарь заявил, что это его приемная дочь, сбившаяся с пути. После допроса с пристрастием он признался, что она действительно обладает магическими способностями. Иллайа. Так ее, кажется, зовут.

– Очень хорошо. В таком случае к утру я прошу вас уточнить нам сведения о девушке, Хранитель Легионов.

Воин приподнял руку в знак согласия.

– Второй – это алхимик из нашего квартала, госпожа. Хоть лицо его и слишком мутно видно. Тем не менее этот ремень с флаконами, внутри которых жидкости разных цветов, не перепутать ни с одним другим.

– Вы уверены, господин Дармин? Ваша ошибка может стоить нам проигранной войны, – своим суровым тоном проговорил король.

– Клянусь вам, Ваше Величество! Однако прошу вас отнестись к его персоне чутко. Он может вылечить любую хворь и создает чудесные зелья.

– Чудесные зелья – проявление магии! – рассвирепел ко-

роль.

– Безусловно, Ваше Величество. Но я клянусь, он будет полезен вам более живым, чем мертвым, – не мог угомониться старейшина. – Я расскажу вам все сведения о нем, только, пожалуйста, храните ему жизнь до последнего, насколько это будет возможно.

– Я решу, что с ним делать, – властно произнес Рогар Вековечный и развалился на своем стуле, упершись затылком в шею дракона.

– В таком случае нам больше не нужна помощь остальных советников. Старейшина Медвежьего квартала и Хранитель Легионов, прошу остаться и посвятить нас в то, что вы знаете об этих людях. Любая промашка или неточность разрушит все наши планы, – чародейка вновь примерила на себя шкуру высокопоставленного лидера.

– Хранители, – король обратился к старейшинам, когда те уже собирались разойтись. – Пути назад не будет. Никто, кроме нас, не должен знать об иллюзии. Ни Хранитель Порядка, ни ваши жены, ни даже тюремщик в королевских темницах, в которые мы отправим мнимых преступников. У меня большие планы на этот счет.

Каждый из старейшин кивнул головой в ответ и удалился.

– Простите, – тут в разговор не мог не вмешаться я. – А что, если странник придет в сопровождении своих спутников? Могу я так же рассчитывать на положенную мне награду, если мои услуги окажутся ненужными?

Пепельноволосяя хотела сжечь меня взглядом, но я не сдавался, и тогда ей пришлось кивнуть. Все следующее время она внимательно выслушивала и запоминала все известные факты о спутниках Сарвилла Кхолда, заставляя участвовать в этом меня и вносить корректировки в поведение алхимика и волшебниц. Мы затронули абсолютно каждую деталь, вплоть до неестественной внешности алхимика, а также обсудили, как можно будет скрыть неточность.

– Что было дальше? – произнес император, не сумев сдержать своего любопытства, пока Ронар Инстад, уставившись в чернеющее море, молча глотал вино, затянув паузу.

По щекам королевы катились слезы, а еда в тарелке перед ней оставалась нетронутой с тех самых пор, как иллюзионист начал свой рассказ.

– Дальше король приставил вольных следить за каждым членом совета, чтобы информация о засаде не расползлась по Дастгарду и не доползла до самого странника, император. И этот нехитрый ход привел его прямо к медведю.

– Подробнее, господин Инстад.

За всю следующую ночь я несколько раз успел напиться и протрезветь, пока выслушивал нескончаемое количество фактов и наблюдений об алхимике и двух чародейках, сопровождающих медведя. В тот момент я был готов навсегда отказаться от спиртного, лишь бы мне только предоставили теплую постель со взбитой периной. Конечно, наутро я бы принялся искать разные отговорки не сдержать данного слова, но тогда я, клянусь, был готов обмануть самого себя.

И вот, после моего очередного зевка в комнате объявился человек, чьи манеры мне сразу показались чуждыми, а неприятностями от него разило за версту.

– Я с вестями о страннике! – выпалил он, не соблюдая никаких приличий обращения к королю и тут же делая честь моим далеко не идеальным манерам.

– Чего ты ждешь, вольный?! Приступай! Я мечтал о дне, когда схвачу странника, с самого его побега.

– Вам придется по душе то, что я скажу. Но эта информация только для ваших ушей, – произнес он, окинув грубым взглядом всех присутствующих, так, что холод пробрал меня до самых костей.

– Оставьте нас!

– Но, Ваше Величество... – попытался утолить собственное любопытство я.

– Я сказал – вон!

Всю стражу, хранителей, меня и даже королевскую чародейку обязали выйти за дверь. Как бы ни был силен мой интерес к происходящему, мне не удалось разобрать ни слова из-за двери, к тому же сопение Хранителя Легионов было настолько громким, что порой я не слышал даже собственных мыслей.

– Вы можете войти, – небрежно, в своем духе, кинул вольный, когда открыл дверь и, не отвесив ни одного поклона, удалился прочь.

– Хранитель Легионов! – король обратился к воину, когда тот еще не успел занять свое место.

– Да, Ваше Величество!

– Немедленно пошлите слуг ко всем хранителям, кроме Санли Орегха, с вестями об экстренном заседании. Через час Совет Тринадцати должен быть в сборе в этом зале Дома Войны.

– Сию минуту, Ваше Величество... – Хранитель Легионов кивнул и удалился.

Уже светало, когда, пробудив меня ядрёным перегаром, которого я не должен был бы так ясно чувствовать, в зал Дома Войны ввалился старейшина с подзорной трубой в руке и помятым видом. По всему было видно, что ночь после заседания и до самого утра выдалась крайне бурной, словно королевской страже было приказано поймать и лишить свободы его, а не Сарвилла Кхолда.

Следом вошел лысый господин со смешным головным убором. Его кожа была розовой, как у поросенка, и выглядел он довольно свежо в сравнении с большинством старейшин, которые вваливались в зал этим утром.

Последним вошел Хранитель Легионов, ведя под руку набожного старикашку, которого я недолюбливал с самого начала нашего знакомства. Как я и предполагал, внутри него сидел гораздо менее верующий гражданин, щеки и лицо его были очень нетрудолюбиво вытерты от губной помады, а посему только лучше раскрывали тайны ночных походов, которые он так неумело пытался скрыть.

Так спустя час, который и закладывал владыка, все старейшины уже сидели за столом и внимали своему правителю.

– Благодарю за вашу пунктуальность, – довольно ухмыляясь, произнес Рогар Вековечный, словно в каждом из присутствующих хранителей увидел по одному из своих личных одиннадцати грехов.

– Нет ничего важнее государственных дел, – на этот раз за всех ответил почему-то облаченный в парадные доспехи рыцарь.

– Уверен, все согласны с Хранителем Последнего Гарнизона. Ну а сейчас обсудим то, ради чего я вас собрал. – Его Величество встал из-за стола и принялся обходить его во круг. – Мне все время не давала покоя одна мысль – почему странник всегда на шаг впереди? Знаете, словно заяц, за ко-

торым я охочусь, – он все время сворачивал в другую сторону, противоположную той, в которую я срываюсь в надежде срезать и перехватить добычу за неимением таких же исключительных физических данных, как у него. После очередной неудачи мне приходилось возвращаться и медленно идти по следу до тех пор, пока не выслежу его и вновь не побегу за ним в надежде настигнуть. И вот он опять ускользает. И так снова, и снова, и снова. Когда он ушел в очередной раз, я перестал верить в совпадения. Слишком много совпадений на одну душу, не правда ли? И вот я, всю жизнь руководствуясь тем, что случайностей не бывает, взрастил верного пса в надежде теперь выходить на охоту с ним и что он поможет мне наконец поймать столь желанную добычу. И вы не представляете, чем обернулось для меня такое верное решение! Когда в очередной раз, настигнув на большой поляне зайца, я спустил с поводка гончую и она погналась за дичью, оказалось, что все это время я не понимал самого банального! О Боги, как я был слеп! Когда моя верная собака вернулась, она сказала мне на ушко...

Король наклонился к уху одного из старейшин.

– Ваше Величество, я проследила за тем зайцем – и знаете что? Зайцев на самом деле два. Именно поэтому, гоняясь за ними по очереди, вы до сих пор не силах предугадывать их действий. – На этом месте тщательно продуманная метафора короля, к моему большому сожалению, прервалась и превратилась в приземленное предъявление самых обычных обви-

нений. – Господин Вастерас, каково это – предавать свое государство? Назовите мне хоть одну причину не убивать вас на месте!

Старейшиной, которому на ухо все это произнес король, был Хранитель Квартала Нелюдей.

Паладины, вошедшие в зал Дома Войны, обступили эльфа со всех сторон, одновременно несколько лезвий касалось его обвисшей шеи. Все находящиеся в зале охнули, казалось, боясь за собственные жизни, а не за жизнь Вастераса. Старый эльф и не думал молить о пощаде или пытаться раскаяться в своих грехах. Он лишь, наполненный мужеством тысячи воинов, молвил:

– Не Сарвилл Кхолд нам враг, Ваше Величество! Я говорил об этом уже не раз, но вы не слушаете меня! Не слышите меня! Я на стороне Дордонии, как и все здесь присутствующие, и я знаю, кто наш истинный враг.

– Замолчите! Довольно с меня ваших лживых речей. Король собственноручно вправе умертвить нарушившего клятву члена совета. Мой вольный проследовал за вами до места, где остановились преступники. Я знал, что один из хранителей – жалкий предатель и захочет предупредить странника о засаде. Но мне интересно, почему вы все-таки не сделали этого. Почему, подобравшись так близко к своей цели, вы не предупредили странника и позволите ему сегодня явиться во дворец?

– Его видение, – вдруг вмешалась пепельноволосая чаро-

дейка. – У него было видение.

– О чем?

– Не слышу. Древний хорошо умеет прятать мысли.

– О чем видение, Вастерас?.. – Король вытащил кинжал и приставил его к горлу эльфа.

Хранитель Нелюдей молчал.

– Кх, кх, – откашлялся святоша, о чем-то намекая королю.

Тогда Рогар Вековечный смиренно убрал оружие.

– Увести и заточить в темницу! – приказал он.

Паладины небрежно подхватили эльфа под руки и увели.

– Благодарю Богов, иллюзионист, что мы не спугнули медведя, – обратился владыка ко мне, когда в зале стало тихо. – Твои слова о том, что преступники покинули корчму, оказались ложью. Клянусь, если бы я не считал, что ты еще нам понадобишься, ты бы сейчас же отправился вслед за Вастерасом. А теперь к делу.

– А дальше он рассказал свой хитроумный план, в котором фигурировали странник, иллюзии его спутников, королевская чародейка и... я. Единственное, чего король не предусмотрел, – внезапное появление зубрилы законов, которого ему удавалось все это время избегать.

– Хранителя Порядка? – переспросила королева.

– Его самого. Весь королевский план чуть не пошел коту

под хвост лишь потому, что, прежде чем странник должен был выпить зелье и забыться, а затем очнуться только в Башне Стихий, появился Хранитель Порядка и заставил продолжать представление еще несколько дней, пока не состоялась казнь всех заговорщиков, точнее, их иллюзий, на глазах у самого медведя.

– Но если это были иллюзии, – заговорил император, – почему Санли Орегх не заподозрил ничего?

– Иллюзия была отменная. И... Как ни прискорбно, магия была наложена на настоящих людей, а это значит...

– ...если в том зале не умерла Лиана, значит, умер другой человек, – закончила за иллюзиониста фразу королева Антина.

– Верно. Но Хранителю Порядка не пришлось ничего объяснять, потому что на следующий день он благородно сложил с себя полномочия, чем многократно упростил задачу королю.

– Выходит, погребальный костер Лианы...

– Тоже иллюзия, моя королева. Похороны наследницы престола лишь укрепили власть короля. Не верьте ничему, что вы видели в те три дня, наверняка. Я давал представление, не более. – Самодовольная улыбка Ронара Инстада растянулась на его лице.

– Но зачем? – император встрял в диалог. – Почему Сарвилла дождалась в замке, а всем остальным позволили уйти? И куда они направились после всего этого?

– Не знаю, император Драго. Может быть, потому, что принцесса Лиана дочь короля и он все еще любит ее, а может быть, потому, что Рогар Вековечный решил проявить милосердие к тем, кто лично ему ничем не навредил.

Император покачал головой, не веря в добрые побуждения владыки Дордонии.

– После того как я дал последнее представление с казнью алхимика и чародейки, то немедленно нашел способ убраться из Дордонии. Так, в общем-то, и оказался здесь.

– Из беседы с тобой выходит, что Сарвилл Кхолд жив, его спутники на свободе, а сам король готовится защищать Дордонию. Сведения действительно полезные, Ронар Инстад.

Циркач улыбнулся, но улыбка тут же сошла на нет, как только его обступили стражники императора.

Антина в ужасе посмотрела на брата.

– Вы искали убежище в Творсе, господин Инстад, и я был бы рад дать вам его, ведь Творс для всех магов навсегда останется вторым домом. Однако ваша магия – истинная ложь. Если бы вы не были так увлечены своим эго, то обязательно разузнали бы, что именно я отдал приказ истребить всех иллюзионистов на Неймерии. И вот вы сами приходите в логово зверя и рассказываете ему, как на службе у величайшего короля творили неправду.

– Но, моя королева, вы говорили...

– Брат, не делай этого.

– Клянусь, Ваше Величество, – Ронар Инстад принялся

молить о пощаде, – я сгложуь вам более живым, чем мертвым. Закуйте меня в трит, лишите источников энергии, и я не буду угрозой. А если пользы от меня не будет, то вы прикончить сможете меня, когда угодно. Разве не так?

Император прищурился.

– Ты прав, маг. Уверен, твое красноречие не раз спасало тебе жизнь. Благодарю Богов за дар и в этот раз. Уведите и закуйте в цепи.

Глава 7

Сарвилл потерял счет дням. Сколько он уже здесь? Двадцать дней? Сорок? Или прошло уже полгода? Рассветы и закаты за окном случались так неожиданно, что медведь перестал считать. Вот только принесли обед, а за окном уже заходит солнце. Несут завтрак, а он еще не ложился спать. В конце концов он решил, что будет правильной сосредоточиться на обучении и приложить все усилия, чтобы раз и навсегда уничтожить Башню Стихий вместе с ее повелителем и его прислужниками.

Странника выпускали из заточения и позволяли ему свободно передвигаться по башне. Вот только сколько он ни разглядывал и ни проходил сквозь видимые двери, найти выход ему так и не удавалось. Все пути вели либо в другое помещение, либо на лестницу, спустившись или поднявшись по которой и войдя в любую комнату, он так или иначе попадал в абсолютно изолированное пространство, лишенное даже того пресловутого окна, которое существовало в его покоях.

Первое время медведь просто бродил по башне, разглядывая различные магические детали вроде того шара, парящего посреди одной комнаты, на котором были очертания материка, закрашенные ярко-оранжевым с надписью «Неймيريا», а странное свечение от этой геометрической фигуры в виде миллионов святающихся огоньков разливалось по абсо-

лютно пустой черной комнате, напоминая страннику звездное небо. Другой раз он разгадывал тайну висящих в воздухе подсвечников, освещавших очередную комнату не хуже солнца в полдень; проводил рукой по песку, рассыпанному по полу за дверью, где все превращалось в пустыню, и это занятие часто успокаивало его и приводило мысли в порядок. Потом он пытался понять написанное на эльфийском языке в старинных книгах, которые были повсюду – на разных этажах и в разных комнатах. Но каким бы чудесным и завораживающим ни казалось все вокруг, Сарвилл все время думал только об одном – как убить Магистра Стихий.

Магистр явился медведю день на третий или пятый после попытки побега странника и, посоветовав все ближайшее время изучать представленную в его покоях литературу, исчез на глазах и не вернулся до сих пор. Сарвилл понимал некоторые слова на эльфийском языке в этих книгах, но ни один абзац из них не помогал ему усовершенствовать свои магические способности, как изначально предполагал он. Они являли собой лишь высокие философские умозаключения и нисколько не помогали раскрыть силу, спящую внутри него. Через некоторое время странник стал даже подозревать, что Магистр Стихий таким образом тянет время, чтобы воплотить в реальность свои зловещие планы, и во все не хочет обучать его магии, нарушая свое слово, данное в безвыходной ситуации. Однако деваться было некуда, и пленник продолжил изучать Башню Стихий со всей древ-

ней литературой, находящейся внутри нее.

Книга «Skluille Eil'hanne», которая понравилась Сарвиллу больше всего, изобиловала премудростями наподобие: «Слушай свой внутренний голос и следуй за ним, как следует дитя за своей матерью. Только это поможет тебе поступить правильно и сохранить совесть, которая неустанно исчезает с каждым новым несоответствующим поступком», «Избавься от эмоций. Ни счастье, ни горе не принесут тебе того равновесия, обрести которое можно, лишь сняв с чаши весов и то и другое», «Если удалось тебе создать что-то чудесное, значит, под силу будет воздвигнуть необычайное» и другими цитатами, которые странник с трудом мог перевести и понимал лишь дословно.

Сегодня он вновь перечитывал и пытался понять оставшиеся заметки в этой книге, и, когда от нетерпения уже готов был бросить ее в стену, на пороге его комнаты появилась исполинская фигура магистра.

– Пора.

– Наконец-то! – ликующе отозвался медведь и отложил книгу в сторону.

– Ты готов услышать правду, – сказал маг писклявым голосом. – Оденься и спускайся на два этажа ниже. Сегодня мы будем ужинать вместе.

Странник сперва растерялся, но потом уверенно посмотрел на волшебника, давая понять, что он будет, и, быстро натянув серую тунику и зачесав волосы на затылок, спустился

в обеденный зал, которого, он был готов поклясться, не было здесь прежде.

– В этой комнате били фонтаны. Здесь и здесь. На этом месте был небольшой пруд, обложенный серыми камнями. Я точно помню, – обратился он к сидящему за столом магистру, по правую и по левую стороны от которого располагались по два жреца.

На этот раз маг промолчал, уподобляясь жрецам, которые ни слова не произнесли с момента появления узника в Башне Стихий. Кроме того, что в красном, который приходил к страннику во сне.

То, что было настоящим садом с зелеными растениями, бабочками, щебечущими птичками и рыбами, плавающими в кристально чистом пруду, сейчас стало обеденным залом. Огоньки цеплялись к подсвечникам, витающим в воздухе, освещая просторное помещение; картины с нарисованными на них полями, лесами, животными и небесами украшали стены, а стол был усыпан яствами, избытка которых страннику еще никогда не приходилось видеть. На одной из картин был изображен точь-в-точь тот сад, в котором Сарвиллу непременно приходилось бывать прежде.

– Ешь, – скомандовал магистр, не показывая лица из тьмы капюшона, а лишь сверкнув глазами оттуда.

Тарелка и приборы были только у медведя, что заставило его засомневаться и помедлить.

– Если бы я хотел тебя убить, столь изощренные методы

мне бы не понадобились. Ты не больше, чем клоп, представляешь для меня опасность.

Страннику хотелось все же выяснить, отчего магистр отказывается есть в его присутствии, но обычной догадки о том, что ему нету физической потребности, оказалось достаточно, и он промолчал.

Приступив к трапезе, Сарвилл все время осторожно поглядывал на Магистра Стихий и его жрецов, пытаясь сделать какие-то выгодные ему умозаключения, используя предоставленную возможность совместного обеда. Однако что-то новое в таинственных хозяевах башни увидеть ему не удалось. Все маги сидели неподвижно, став частью бездушной обстановки комнаты наподобие стола, за которым они сейчас сидели, или канделябра, который все-таки удерживал три свечи привычным для обычных людей образом.

– Ты полный глупец, если думаешь, что я не догадываюсь о твоих замыслах и мнимом хитроумии, – выдержанным тоном заговорил Магистр Стихий. – Однако прежде чем начать обучение, я должен разъяснить тебе великие возможности моего ума, чтобы избежать порывов твоего героизма и жажды моей крови в будущем.

Странник озабоченно сглотнул, но продолжал молчать.

– Ты не сможешь меня убить, какой бы силой ты ни обладал. Если бы я считал, что это возможно, ты был бы уже мертв.

– Тогда объясни, что я здесь делаю, маг... – Медведь от-

ложил приборы в сторону.

– Твое предназначение в том, чтобы занять мое место.

– Что ты хочешь сказать? – от удивления странник поднял брови.

– Ты мой наследник. Все, чем является эта башня, и все, что в ней находится, когда-нибудь станет твоим.

Сарвилл оцепенел от внезапного осознания того, что в Башне Стихий он не столько пленник, сколько какой-нибудь принц, которого не выпускают из замка потому, что он должен наследовать престол. Все дело в силе, заключенной в нем? Или есть другая причина такого громкого заявления от того, кто, как он считал, должен был послужить причиной его смерти?

Наконец осознав собственную значимость для Магистра Стихий, Сарвилл с безразличием заявил:

– Я смотрю, что тут за меня уже настроили планов, – заговорил он холодным голосом. – Только вот они не входят в мои. И если ты думаешь, что сейчас я расцвету и смирюсь с заточением, то ты сильно ошибаешься.

– Я забыл. Ведь ты хочешь убить меня, – на этот раз каким-то смешливым тоном произнес властелин башни.

– И я убью тебя. С твоим обучением или без него, но жить тебе осталось недолго.

Лица магистра не было видно в густой магической тьме капюшона, но медведь каким-то странным образом почувствовал мерзкую ухмылку.

– Сейчас ты уйдешь в свою комнату с этими часами. Как только ты перевернешь их три раза, я вернусь к тебе. – Магистр протянул страннику миниатюрные песочные часы, песок в которых сыпался невыносимо медленно, и медведь предпочел не смотреть на них сейчас. – А теперь ступай.

– Но ведь я еще...

– Ступай! – один из голосов Магистра Стихий грозно приказал из темной бездны капюшона.

Странник замолчал. Он вытер руки о салфетку, лежащую на краю стола, наградил всех магов презрительным взглядом и, поднявшись с места, удалился.

Как только он вернулся в свою комнату, дверь позади него захлопнулась, а невидимая защелка закрыла невидимый замок. Сарвилл дернул за ручку – тщетно. Тогда он сел на кровать и поставил часы на прикроватную тумбу, с интересом вглядываясь в содержимое за стеклом. Песчинки, которые, казалось, можно было пересчитать при особом желании, падали вниз неестественно медленно.

Тогда Сарвилл взял недочитанные «Заметки Змеелова» с той же тумбы и продолжил читать с места, на котором остановился еще несколько дней назад, но, переключившись на томик «Легенды о Южных Землях», совсем позабыл об истории про ядовитую гадюку и путешественника, который умирал от ее яда у подножия Расколотого Хребта.

Узнав, что сразу после укуса путешественник почувствовал головокружение и множество других симптомов, так

красочно расписанных им на нескольких страницах, странник стал свидетелем того, как автор отсосал яд и наложил несильную повязку, положительные действия которой были так же подробно отражены в следующей главе.

– А если бы она укусила в пятку? Так ловко отсосать яд не смогли бы и аардские циркачи, – усмехнулся вслух Сарвилл.

Подняв глаза, он с удивлением обнаружил верхнюю часть часов полной, а внизу томилось лишь несколько песчинок. Не поверив собственным глазам, он сильно затряс проклятый предмет, добившись лишь того, что весь песок, с таким трудом спустившийся вниз, вновь оказался наверху.

Сарвилл счел это жестокой шуткой магистра, и от собственного бессилия гнев, который он так тщательно старался скрыть, начал нарастать с новой силой. Песок в оставленных в покое часах вновь начал медленно опускаться вниз.

Дав себе слово неустанно следить за течением времени, очень скоро странник утомился и поддался сну, одолеваяющему его уже некоторое время.

– Ты здесь? – Странник сразу понял, что спит. – Мне надо с тобой поговорить.

Темнота вокруг не отвечала. Она вновь пыталась напугать гостя, заморозить, обездвижить и обезволить.

– Ты здесь, жрец? – не успокаивался он, сотрясая криком

сплошное ничто.

– Нас не должны разоблачить. Говори. Я слышу тебя, – ответил голос жреца.

– Ты сказал мне, как убить магистра, но мне больше ничего не надо знать?

Ответ последовал не сразу. Сперва заикнувшись, странство вокруг замолчало и наконец заговорило:

– Нет. Это все, что нужно.

– Тогда почему магистр так уверен в своем превосходстве? Я не хочу упереться в запертую дверь, когда буду у самого выхода. Поэтому, если тебе известно что-то еще, – говори.

– Убей жрецов. Затем ты расправишься с магистром и сможешь покинуть башню. Только поклянись, что сделаешь это.

– Мне сейчас не до чувства справедливости или жалости. Можешь быть уверен. Но почему ты готов пожертвовать собственной жизнью? Вот ты являешься ко мне и заявляешь – убей меня, Сарвилл. Убей меня и освободись. В чем твой интерес? Почему ты помогаешь мне?

Бурлящая бездна молчала.

– Ответь мне, жрец! – не успокаивался медведь.

Но сколько бы вопросов ни выкрикивал странник, ни на один из них голос жреца не отзывался, окончательно сгинув во тьме.

Сарвилл вновь был готов поклясться, что проспал целую ночь или день, но, едва бросив взгляд на отданную ему магистром вещь, увидел, что нисколько времени не утекло. Песок все так же медленно пересыпался в часах, словно исчезая на самом дне сосуда.

– Бездна! – выругался странник и принялся наматывать круги по комнате, размышляя над магическим предметом.

Как бы он ни старался, ни одного вывода не пришло ему в голову, и он стал просто жить так, как жил все это время, надеясь, что упрямые часы в конце концов сдадутся.

Время тянулось бесконечно. Щетина на его лице несколько раз успела превратиться в бородку и вновь оставить на своем месте лысую грубую мужскую кожу. Его способности творить магию многократно возросли от постоянных тренировок, а руки стали тверже от физических упражнений. При этом солнце и луна за окном продолжали жить своей жизнью, восходя на небеса и спускаясь с них в привычной им манере.

Однажды странник совсем отчаялся и, схватившись за голову, просил, чтобы магистр услышал его и направил сломавшийся предмет, который должен был считать часы, но считал, казалось, годы. За все время с момента появления вещицы пересыпалась едва заметная пятая часть содержи-

мого, а таких поворотов должно было быть три. А если они будут тянуться еще дольше? Что, если это очередная попытка протянуть время, чтобы воспользоваться моей силой?

Подпитываемый яростью изнутри и нестерпимым желанием свободы, он принялся крушить все вокруг, как уже делал это однажды. Картины, свечи, книги, стулья, подушки, одеяло и другие предметы летали по комнате в надежде встретить преграду на своем пути и наконец упасть на пол в поисках покоя. Лишь отданные магистром часы стояли неподвижно на прикроватной тумбе, потому что взбешенный узник боялся потерять уже прошедшее время, продлив тем самым срок своего заключения.

Через некоторое время загнанный абсолютным бессилием в угол комнаты Сарвилл сел, опершись спиной на стену, и тяжело задышал. Ему под руку попал подсвечник, который тут же полетел в сторону открытого окна, но врезался во что-то прозрачное, преграждающее путь наружу. Вслед за подсвечником полетела книга, но остановилась на том же месте и накрыла собой брошенный прежде предмет.

Странник нащупал следующую книгу, но, прежде чем кинуть ее вслед за первой, мимолетно прочитал название – «Наказание за свободу». Фраза показалась ему интересной, и он никак не мог понять, почему не заметил такую вызывающую обложку раньше. На ней был изображен череп, лежащий в груди костей посреди пустыни, а палящее солнце садилось за горизонт, освещая холмы из песков красным све-

том.

Спешить было некуда, поэтому медведь раскрыл произведение неизвестного автора где-то на середине в надежде уловить именно ту фразу, которая заставит его прочитать книгу целиком.

Цифры внизу страницы гласили – сто пятнадцать. А предложение, с которого глаза странника побежали по тексту, начиналось со слов: «И осознал он добродетель свою и смирился с судьбой своею. И только тогда лютые звери расступились пред ним и встали на защиту его, помогая творить предназначение и всякое благо, для творения которого он был рожден...»

Сарвилл не замечал, как перелистывал страницу за страницей, упиваясь историей, которую кто-то когда-то положил на эти листы. Автор повествовал об эльфе-отступнике, судьба которого показалась ему близкой и поучительной. Он невольно перекладывал события и решения, происходящие в книге, на свою жизнь и понимал, как был глуп. «Наказание за свободу» учило его, сбивало пелену с глаз и помогало начать мыслить, как мыслит мужчина, но не мальчик.

Когда он дочитал до последней страницы, за окном все так же висело солнце. Медведь утомленно выдохнул, увидел еду на столе и, обессиленно шагая, уселся за трапезу. Во время ужина он продолжал размышлять над прочитанным, дивясь самому себе и истории главного героя. Как много мудрых фраз он вынес, прочитав книгу лишь с середины, как мно-

гому он научился и насколько много познал. Книги действительно даруют мудрость, подумал он, и, задумавшись, даже перестал есть.

В этот момент взгляд странника совершенно случайно упал на часы, которые дал ему магистр и про которые он благополучно забыл, погрузившись в выдуманный мир. Сарвилл не поверил собственным глазам, когда увидел, что песок внутри сосуда своей значительной частью пересыпался вниз. Он подошел ближе, присмотрелся и еще раз убедился в том, что не бредит галлюцинациями.

Воодушевившись появлением заветного выхода из бесконечного лабиринта, в котором он просидел столько времени, странник откинул всю еду в сторону. Подняв разбросанные книги с пола, он принялся читать их одну за другой, предполагая, что наконец разгадал секрет магической вещицы. И чем больше страниц он переворачивал, тем быстрее сыпался песок. Теперь ему казалось, что песчинок в часах ровно столько, сколько страниц в книгах, которые находятся в его комнате. Поэтому, погружаясь в истории о рыцарях, магах, народах человеческих, эльфьих и гномьих, он даже не поднимал взгляда на ключ, что должен будет отпереть дверь из его тюрьмы.

Медведь узнал историю Неймерии с тех самых пор, как на материк прибыл Генор Уйлетан. Узнал невероятное количество фактов о гномах и Священном Камне, которому они поклоняются до сих пор, но, дочитав до истории эльфов, он

больше не мог думать ни о чем другом, кроме как о народе, познавшем великую силу магии, жертвующем собой для блага мира на земле и сохраняющем в недрах своих поселений самое великое волшебство, о котором никак нельзя узнать человеку – существу, способному принести конец миру с таким оружием в руках.

Сарвилл засыпал, глядя на тексты, просыпался, когда очередная книга выпадала из ослабевших рук прямо на лицо и тотчас будила его. Зачитавшись какой-нибудь историей, забывал поесть оказавшиеся на столе мясо, фрукты, овощи и даже отказывался от вина, которое также появлялось из ниоткуда, но прежде всегда было желанным напитком. Волосы на его подбородке, щеках и голове вовсе принялись жить своей жизнью, отрастая все длиннее и длиннее, извиваясь, словно морские водоросли, лишь иногда прижимаясь друг к другу, когда позабывший обо всем медведь приглаживал их сальными, пропитанными пылью со страниц темными сухими пальцами.

И вот последняя история под названием «Кинжал Судьбы» под авторством Ирика Безумного закончилась, и сердце медведя стало биться чаще. Он знал, что сейчас ему придется поднять глаза на песочные часы. Это одновременно радовало и сеяло внутри него такой страх, от которого холодели ладони и пересыхало во рту.

Сарвилл уже переворачивал магический предмет трижды и был уверен, что движется в правильном направлении. Сей-

час оставалось лишь взглянуть на сосуд и увидеть, как все его содержимое томится на дне заколдованного предмета, и в этот самый момент, по его мнению, невидимая защелка должна будет издать заветный звук и двери смогут распахнуться. Но он медлил.

Медлил потому, что плана, что делать дальше, если упрямый песок окажется еще в верхней части часов, не было. Медлил, чтобы успокоить самого себя. Он намеренно лишал себя надежды на свободу, если песок вдруг еще не пересыпался. Ведь только тогда, с холодной головой, он сможет разгадать эту тайну. Но если эмоции захватят его, то он лишь увеличит время своего заточения.

– Неужели это все сейчас пришло мне в голову самому и никто не посоветовал мне этого? – спросил он сам себя, давно привыкнув к собственному одинокому голосу, часто читающему вслух, чтобы развеселиться в особо скучные моменты в книгах. – Еще пару мгновений – и я посмотрю. Хочу продлить этот момент.

Он медленно закрыл глаза и глубоко вдохнул.

– Ты готов, – слышался один из голосов магистра.

Странник поднял стеклянные удивленные глаза, но не смог произнести ни слова.

– Теперь ты готов, – повторил голос магистра. – Приведи себя в порядок и спускайся к обеду. – Тень мага вновь исчезла в дверном проеме.

– К обеду? – еле слышно проговорил медведь. – Но за ок-

С тех пор как Сарвилл спустился к обеду, казалось, прошли годы, а иногда чудилось, наоборот, что минула лишь пара недель. Магистр Стихий со странником был вежлив и учтив, но хладнокровен и строг. Он пробуждал его ото сна, когда наступало время браться за учебу, и выгонял в свои покои, когда заканчивался урок. Свирепел, когда все обучение шло насмарку и медведь никак не мог уяснить какого-нибудь простого правила, а также холодным и спокойным голосом хвалил во времена успешных заклинаний. И так было каждый раз, когда за окном его комнаты проглядывало солнце и вещало о наступлении нового дня.

– Не теряй концентрацию! – сдержанным голосом, переходящим в крик, приказывал магистр.

Вокруг Сарвилла витал рой насекомых, жаля его лицо и тело. Сквозь эту тучу было видно лишь ноги странника и правую руку, держащую в своей ладони обузданный языками пламени магический шар.

– Он уже тухнет, медведь! – продолжал сотрясать воздух Магистр Стихий.

Тут шар сорвался с ладони, врезался в стоящий впереди частокол из канделябров, а огонь тут же перепрыгнул на сундук и письменный стол, заваленный различными свитками.

Магистр одним движением руки затушил все, что вспыхнуло после прикосновения магии – к высокому потолку, украшенному различными узорами и рисунками, потянулась еле заметная струйка дыма.

– Ты проиграл, – совершенно спокойным и равнодушным тоном на этот раз произнес властелин башни.

Туча из насекомых тут же развеялась, и из-за нее показалось раздосадованное и покрасневшее от укусов лицо медведя.

– Но... – хотел возразить странник, но вместе с роем насекомых исчезла и фигура в черной мантии.

Сарвилл чувствовал, как в нем закипает кровь. Как что-то неизведанное и могущественное рвется наружу в нетерпении явить миру свою силу. Он почти забыл о друзьях, которых спешно потерял в Дастгарде и которых, если бы Боги дали ему второй шанс, он ни за что бы не подвел теперь, когда более мудрые мысли захватывали его разум прежде эмоций.

Иногда он вспоминал о сестре и матери, которые гордились бы сейчас им и его способностями, благодаря которым в мгновение ока он мог превратить целый шкаф в пепел или сотворить такое пламя, которое сожрало бы их родную лачугу в Медвежьем квартале, не успели бы они моргнуть и глазом. При воспоминаниях о всех этих людях в его грудь забивалась тоска, способная расшевелить то ледяное сердце, которым он обзавёлся за время, проведенное на вершине Девичьей Горы.

– В терпении твоя сила, медведь, – на одном из уроков твердил маг, стоя подле странника, но не прилагал никаких усилий для того, чтобы помочь ему.

Шило, торчащее из пола, насквозь пробило ступню ученика. Кровь просачивалась наружу, изливалась по ноге и растекалась по каменному полу, словно река, вышедшая из берегов. Однако большой валун, охваченный пламенем, продолжал накаляться и краснеть.

– Держи, – спокойно говорил маг, понимая, что успех близок. – Как только станет он цвета гобелена, что висит у камина, так и позволено будет тебе закончить заклинание.

Пот катился по лбу чародея, творившего заклинание, жег глаза и капал на окровавленную конечность. Вены разбухли от чрезмерного напряжения всех мышц на теле, и казалось, если сейчас магистр перестанет говорить, то стук сердца Сарвилла разнесется по всей Башне Стихий.

Пламя то раздувалось, то принималось затухать, но в тот момент, когда любой бы уже решил, что огонь гаснет, синие языки вздымались с новой силой, разнося жар по всему залу. В один момент огонь исчез, не оставив за собой даже искры.

– Всего лишь почти... – разочарованно произнес магистр и испарился вслед за огнем.

Странник часто думал о теперь вечно молодой принцессе Лиане. Проклинал себя за то, что не свернул тогда со Змеиного Тракта и не отправился вместе с ней в Творс, где бы сейчас они были счастливы и живы... Это воспоминание бе-

редило его раны и навевало минуты печали. Он проклинал себя за то, что был так глуп и не верил в то, что Ноэми без его помощи сможет постоять за себя и выбраться из плена. Ведь сон тогда, в Лисохвосте, предупреждал его. Она сама в этом сне обвиняла своего спасителя в том, что он пришел. И все-таки медведь вновь поступил по-своему, расплатившись в конечном итоге за свою глупость кровью близких и одиночеством.

– Где ты, маг? – на одном из занятий странник обращался в безликую темноту, встретившую его, как только за спиной захлопнулись тяжелые дубовые двери.

Никто не откликнулся. Он осторожно сделал шаг вперед.

– Эй! Ты слышишь меня? – Но в ответ вновь звучала лишь кричащая тишина.

Сарвилл поднял ладонь и попытался сотворить светоч, которому должно было освещать путь. Но магия не поддавалась. Он сильно удивился, забыв времена, когда подобное заклинание было для него чем-то невероятно тяжелым – в последнее время он мог творить такие огоньки, едва подумав о них. Здесь явно что-то намеренно пыталось помешать ему.

Сконцентрировавшись на заклинании, медведь повторил попытку. Тщетно. Было ощущение, что он упал в глубокую яму и каждый прыжок к краю позволял ему лишь слегка ухватиться за уступ, но пальцы все время соскальзывали, сползая вслед за телом обратно в бездну.

Тогда он стал продвигаться вперед, чувствуя, что что-то

обессиливает его. Через некоторое время он уткнулся в стену. Слева и справа также оказались препятствия. Тупик. Еще до приезда в Башню Стихий, попав в такую ловушку, он без оглядки кинулся бы обратно, наплевав на осторожность и смысл всего, что происходило. Но сейчас. Сейчас медведь прислушался к тишине и оставил свое тело, погрузившись в размышления.

Чего магистр добивается? Это лабиринт, а значит, выход в полной темноте искать можно до самой смерти. Здесь нужен свет, но что-то убивает магию еще до ее рождения среди этих стен. Трит? Не может быть лабиринта из трита среди магической башни. Само сочетание этих слов в одном предложении кажется безумием и жутким кощунством по отношению к тому или другому. Существует ли магия, способная обессилить мага? Не слышал о такой, хотя вполне возможно.

Он еще некоторое время поколебался в размышлениях, затем двинулся обратно, расставив руки в стороны так, чтобы кончики пальцев заскользили по стенам. Миновав несколько шагов, стена справа оборвалась, открывая один из множества проходов.

– Нет, так не пойдет. Там тоже может оказаться тупик – и что тогда? Я запутаюсь в этих коридорах и заблужусь наверняка.

Потом Сарвилл закрыл глаза и начал слушать. Совсем скоро сквозь тишину и звуки его собственного сердцебиения он стал различать треск горящего дерева. В конце концов

звуки пылающего костра хоть и не были бы слышны любому другому здесь человеку, но для Мага Огня затмили все, навязчиво треща в ушах повелевающей стихией. Теперь он знал, куда идти, словно само пламя звало его и указывало путь.

Ощупывая стены, чтобы найти тот или иной проход, он двигался в заветном направлении, с каждым шагом еще четче и громче ощущая свою стихию, пока наконец не подошел к костру, у которого спиной к нему стоял магистр.

– Неплохо, – сдержанно похвалил он своего ученика.

– Первое испытание, с которым мне удалось справиться. Не все так безнадежно, как я думал в начале обучения.

Повелитель башни вновь ничего не ответил и исчез во тьме.

Лишь мысли о Ноэми странник отгонял всякий раз, когда они приводили его к ней. Теперь он настолько же ненавидел ее, насколько любил. Все оказались мертвы, потому что она спасла его на Штормплац. Все, кто был ему дорог, погибли, потому что она вмешалась в его судьбу. Пусть только бы он умер в тот злосчастный день, лишь бы всем остальным остаться жить. Эти чувства пугали Сарвилла, потому что он сам не понимал, захочет ли обнять волшебницу, когда увидит ее вновь, или захочет уйти и больше никогда не видеть. Все эти мысли еще больше запутывали, и он вновь брался за учебу, чтобы не проследовать за ними и не понять, что в действительности чувствует к женщине, за прикосновение к

которой сейчас отдал бы все.

Книги в его комнате каждый раз обретали новые названия и авторов, как только часы переворачивались нужное количество раз и магистр вновь приглашал его к обучению. Сарвилл уже потерял счет словарям, сочинениям, исследованиям и множеству других книг, которые успел прочитать от корки до корки за это время. Но с волшебным песком можно было справиться только так – изучая все, что написано внутри этих хранителей знаний.

– Ешь, – приказал магистр страннику. Затем дождался, когда тот приступит к трапезе, и заговорил: – Теперь ты можешь правильно управляться со своими способностями. Но чем сильнее ты становишься, тем чаще мысли о побеге будут возникать у тебя в голове. И поэтому я должен помочь тебе распрощаться с ними.

– Попробуй, магистр. Но раз уж мы говорим начистоту, уже сегодня меня не будет в твоей башне, – твердо и смело заявил медведь.

Он не видел лица магистра, прячущегося под капюшоном, и не мог понять, высмеял ли тот мерзкой ухмылкой его смелость или смутился. Быть может, тень страха накрыла его лицо и он в тревоге и спешке принялся обдумывать возможные пути развития событий.

– Тогда ты будешь так любезен предоставить мне последний разговор?

Странник промолчал.

– Благодарю тебя. – Жрецы все так же, как в тот первый день, молчали, сидя за столом и давая силу своих голосов своему повелителю. – Ты уже думал, сколько людей там, снаружи, погибло из-за того, что ты был волен делать то, что тебе вздумается? Неужели ты настолько жесток, что и сейчас готов вырваться на свободу, чтобы продолжать творить зло?

– Говорят, в этом мое предназначение, – холодно процедил медведь, припоминая разом все те мысли, которые неустанно преследуют его в стенах этой башни.

– В чем твое предназначение? Возглавить армию магов и стереть с лица земли множество поселений обычных людей, которые не хотят страдать?

– Если ты хочешь вызвать во мне злость, магистр, то можешь не утруждаться. Когда я буду убивать тебя, я не испытываю каких-либо эмоций.

Короткая усмешка вырвалась из спрятанных в тени губ Магистра Стихий.

– Магам с твоей силой категорически запрещено быть на свободе. Мы несем только разрушения и смерть. Ты не ослушался. Я не обвиняю тебя или кого-либо конкретного во всех бедах, происходящих на Неймерии. Я просто хочу сказать, что без магии жизнь там, снаружи, гораздо безопаснее и счастливее. Не лучше ли остаться властелином Башни Стихий и усмирить свой пыл до тех времен, когда твоя помощь действительно понадобится этому миру? Когда ты должен будешь выйти против угрозы всему живому на материке.

– А с чего ты взял, что сейчас снаружи ничто не угрожает людям и нелюдям?

– Позволь я покажу тебе кое-что.

Магистр навел свою костлявую ладонь на стену, и белый камень стал мутнеть, превращая пространство перед глазами странника в картину, внутри которой все оживало.

На картине была деревенька, незнакомая Сарвиллу. Светило солнце. На берегу небольшого прудика смеялись дети, играя в догонялки. Недалеко паслись козы, а черные как смола кони пили из корыта воду, размахивая своими хвостами.

– Погляди. Это мать купает своего ребенка. Радуетя новому дню. Раньше она думала, что не может иметь детей, а совсем недавно родила первенца. Видишь, как он улыбается? Есть ли ему дело до войн, которые замышляют властелины разных королевств? Нет. Он хочет лишь чувствовать тепло объятий своей матери. Чувствовать, как она берет его на руки и укачивает. Даже когда у него прорежутся первые зубы, доставляющие жуткое беспокойство, все, что ему будет нужно, – любящая женщина, давшая ему жизнь. А теперь посмотри туда. Собака приносит своей хозяйке палку вновь и вновь, когда та выбрасывает ее как можно дальше. Животное виляет хвостом. Ты же знаешь, что это значит?

Странник не ответил.

– Собака испытывает радость оттого, что девушка с ней играет. Вечером она придет к ней в постель и согреет. И это псу ничего не нужно для счастья больше, чем у него есть.

А здесь, видишь? Этот крестьянин нарвал полевых цветов и бежит подарить их обворожительной хозяйке той самой собаки. От того, что случится очень скоро, у него сильно колотится сердце. Он не боится, его волнение означает то, что он трепещет в предвкушении этого события. Все, что нужно, чтобы быть счастливым ему, – всего лишь улыбка девушки, которой он подарит эти цветы через несколько мгновений. Я хочу сказать, что люди счастливы, понимаешь? Они счастливы и без твоей мести, твоих амбиций и силы.

Магистр Стихий щелкнул пальцами.

В один миг солнечное небо окутала тьма, но все детали этой волшебной картины до сих пор были видны, как в самый полдень. Тела играющих прежде детей бездыханными и гниющими трупами рухнули на землю. Мать оплакивала обгоревшее тело родного ребенка, а собака душераздирающе скулила над телом своей хозяйки. Она все так же пыталась отдать ей палку, чтобы та бросила ее вновь, но хозяйка упрямо не брала любимую игрушку животного. Ветер трепал перекатывающийся по тропинке брошенный букет из полевых цветов.

– Вот то, чему ты так легкомысленно пытаешься дать свободу.

Странник безмолвно всматривался в магическую картину.

– Магия – зло, – наконец заключил магистр. – Несмотря на то, что мы можем творить с ее помощью необыкновен-

ные чудеса, она всегда оказывается смертельно опасной. Тысячи людей Генора Уйлетана умирали от эльфийской магии в битве за Неймерию, Последняя Война Ордена Защитников против волшебников унесла жизни еще десятков тысяч. Магия не что иное, как камень преткновения между чародеями и существами, не способными творить ее. Скажи мне, Сарвилл, разве я не прав?

Магистр медленно указал на стену, и его рука застыла.

– Ты считаешь, что я лучше выберу оказаться извечным заложником башни и кормом для твоих магов, изобретающих здесь непонятно что? Непонятно что, способное сотворить подобное. – Взгляд странника упал на мрачную стену, где все фигуры и образы застыли, подобно руке мага.

– А что мы изобретаем? Ты же даже не знаешь, чем мы занимаемся в Башне Стихий, и уже готов сжечь меня заживо. Слушай внимательно. Мы хотим истребить магию. До конца. Чтобы от нее не осталось и следа. Не думал ли ты о том, что, когда магия перестанет существовать, наступит мир? Мир, в котором все будут равны и больше ничему не придется делиться на черное и белое.

– Не считаешь ли ты, магистр, что исключительно магия причина распрей и войн? Тебе ли не знать, что человек извечно будет истреблять эльфов и гномов, а те, в свою очередь, насмерть стоять перед порабощением?

Магистр странно промолчал.

– Теперь ясно, какой будет ваша следующая цель. – Сар-

вилл бросил столовые приборы на тарелку перед собой.

– Послушай меня, медведь. То, что ты слышал об умирающих магах в стенах этой башни, – правда. Но мы делаем это ради того, чтобы исцелить волшебников всей Неймерии от способностей, но сохранить им жизни. Одну жертву сегодня мы готовы отдать ради сотни спасенных жизней завтра. Понимаешь?

– У каждого владыки на Неймерии, идущего войной и оставляющего за собой горы трупов, имеется не менее ловкое оправдание своих гнусных поступков.

– Будь другим.

– Что?

– Найди способ избавить мир от магии без жертв. Ты волен сам выбирать путь, после того как наследуешь мою великую миссию. Я говорю лишь о том, чтобы ты остался в башне и защитил от себя Неймерию.

– Но... – странник заикнулся.

Медведь не говорил какое-то время, словно собираясь с мыслями.

– Как же много могут слова, – начал наконец он. – Я пришел сегодня с одной-единственной целью – убить тебя и сжечь эту проклятую башню, и вот мы просто беседуем, и я уже не считаю тебя достойным смерти.

Лицо магистра, скрытое тьмой, наверняка вновь довольно улыбнулось, но в который раз Сарвиллу приходилось лишь догадываться об этом.

– А как же оружие, о котором так часто в Дастварде гла-
сит глашатай? – спросил медведь. – Оружие, созданное с по-
мощью магии, но подвластное королевской воле. Которое вы
годами сооружали здесь.

– Так было до того, как мы нашли тебя. Только с тобой мы
можем не просто обуздать магию, а истребить ее вовсе.

Странник задумался.

– Ты хочешь сказать, что истребить всю магию на земле
возможно?

– Абсолютно. Вместе с тем и мы с тобой лишимся способ-
ностей раз и навсегда.

Мысли странника спутались. Шанс избавить мир от магии
во имя добра казался настоящим и завораживающим.

Как только Сарвилл думал о волшебстве, то сразу вспо-
минал, как паладины погибли под горой недалеко от башни,
как Люция, читающая мысли, отдала приказ убить принцес-
су, как Ронар Инстад обдурил его и едва сам не погиб из-
за своей неосторожности и... магии. Все неудачи и смерти,
которые сейчас лезли ему в голову, все, так или иначе, были
связаны с вероломной магией мертвым узлом, не способным
распутаться никогда. Лишь сейчас он осознал это и понял,
почему король так ненавидит его.

Чтобы не принимать поспешных решений, странник стал
думать, чем ему помогает его дар. Как служит он на благо
человечества? А в ответ мысли лишь притуплялись и тонули
в пучине пустоты, которая царила сейчас в его голове.

– Я знаю, Сарвилл. Ты не найдешь ни одной причины, почему магия должна жить, а существа, которые с ней сталкиваются, – умирать. Потому, что и мне не удалось успокоить себя после осознания этого.

Но медведь больше не желал говорить. Цели, которые двигали им до этого дня, разрушились от удара неоспоримых фактов магистра, словно истлевшие поленья в жерле камина. Сейчас он отдал бы все, чтобы избавиться от своих способностей и вернуться мальчишкой на дастгардский рынок, вновь шарить по карманам и заботиться только о благополучии своей семьи.

– Зачем ты учил меня всему этому, магистр?! – вдруг вспыхнул медведь. – Разве недостаточно в тебе было мудрости, чтобы словами остановить меня раньше?

– Сейчас ты все осознал. Скажи тебе я это в начале пути, ты бы не понял. При этом чем сильнее ты становишься, тем лучше продвигаются наши дела в изучении магии. Еще какое-то время мы будем вынуждены продолжать обучение, чтобы использовать твою силу, но совсем скоро это закончится, Сарвилл.

Странник ничего не ответил.

– Сарвилл. Сарвилл, – звучал голос из ниоткуда в никуда. Зов, словно назойливая муха посреди спокойствия, надо-

едал, раздражал и вызывал неконтролируемую злобу.

Какое-то время никто не реагировал на навязчивое упоминание, пытаясь терпением побороть упрямство, но в конце концов другой голос ответил.

– Проваливай, жрец. Мне нет дела до того, что ты хочешь сказать.

Голос, зовущий до этого упорно и неумолимо, дрогнул и какое-то время молчал.

– В наш первый разговор я был резок, – сказал жрец. – Прошу, дай мне второй шанс. Я уйду и больше не вернусь после этой беседы. Обещаю.

– Тогда выкладывай все как на духу, а, что с этим делать, я решу сам.

– Я слышал, что сказал тебе магистр. И это правда. Однако я также слышал, чего он тебе не сказал.

Пустота помедлила.

– Избавить мир от магии – действительно его главная цель. Но те последствия, которых ждешь ты и которых хочет он, такие же разные, как небо и земля.

Сарвилл молчал.

– Магия, кажется тебе сейчас, – истинное зло. И ты готов пожертвовать собой ради того, чтобы уничтожить это зло навсегда. Такая жертвенность достойна похвалы. Но... Но, уничтожив магию, ты просто выбьешь оружие из рук у властелинов. Понимаешь? Войны за престол, плодородные земли, сокровища и женщины были задолго до появления ма-

гии. И после истребления ее они не денутся никуда. Да и Боги с этими войнами! Цель магистра только в одном. Пока Дордония возвращала армию воинов, Творс обогащался магами, и если уничтожить чары, то падет Творс. Тысячи невинных жизней будут порабощены Рогаром. Быть может, и неплохо магию изгнать из нашего мира, но не такой ценой. Король Дордонии убьет всех творсийцев.

– Если на этом все, ты можешь убраться из моей головы, жрец. Я выслушал тебя. Этого ты просил. Теперь прощай.

– Не сразу. Есть еще кое-что. Я знаю, что сейчас я тычу пальцем в небо, пытаюсь всеми доводами убедить тебя не служить магистру, но если один из них попадет в цель... Ну, хорошо. Лиана жива, Сарвилл.

Сначала пустота была спокойна и безмятежна, но после этих слов, казалось, абсолютное ничто взволновалось, задрожало и похолодело.

– Что ты сказал?

– Принцесса Лиана жива. Ты видел смерть иллюзии Рона-ра Инстада, странствующего циркача. Не более того.

Бездна помутнела, помедлила с ответом и застыла. Голос жреца продолжал:

– Не хочешь пойти против жреца ради Творса, тогда пойдди ради принцессы. Без своих способностей она легкая добыча для любого разбойника на дороге.

– Я не верю тебе! Проваливай из моей головы! – гремел голос Сарвилла, которому было невыносимо вспоминать об

убитой чародейке.

Странник метался по пустоте в надежде встретить хоть что-нибудь на своем пути, чтобы выместить на этом всю свою злобу и скорбь. Когда силы закончились, он хриплым голосом спросил:

– Но как? Ведь я был там. Почему я не понял, что это иллюзия? Ведь я же говорил с ними!

– Ты уверен? Или их мыслями говорила королевская чародейка?

Снова наступило молчание.

– Иллайа? Седрик? – с надеждой в голосе произнес медведь.

– Они живы.

Вся пустота выдохнула ничем.

– Магия опасна, – продолжил жрец. – И если она когда-нибудь исчезнет, – это пойдет лишь на пользу миру. Но каким образом ее не станет, – решать тебе. Сейчас ты можешь выбрать. Я лишь прошу не торопиться.

Странник тяжело дышал от эмоций, наполняющих его грудь.

– Под кроватью есть для тебя подарок, Сарвилл. А теперь прощай, – произнес жрец, и голос затих.

Занятия магией продолжались еще долго. Сарвилл развивал свои способности, а после уроков размышлял о том, как правильно поступить.

Узнав новые подробности, все вновь перевернулось в его голове. Теперь он знал наверняка, что любит Ноэми. Любит Лиану. Любит Иллайю и Седрика, но всем сердцем ненавидит только короля Дордонии, который заставил его думать о смерти близких и убил его родных.

Под кроватью он нашел меч, подаренный ему когда-то дриадами, и теперь тренировался с ним в свободное время, все же держа в голове мысль, что уничтожит магию и тогда придется мстить королю голыми руками. Другой раз он отбрасывал Зойу и играл с огнем, совершенствуя свои способности, на время решив, наоборот, оставить магию существовать и использовать ее для мести.

Медведь фантазировал, что будет делать дальше, если решит освободиться и уйти. Броситься на поиски Лианы и друзей или отправиться искать Ноэми? В конце концов он решил отдаться на волю судьбы и сначала выбраться из заточения.

День, а может, ночь, или, быть может, вечер, начинался в большом зале, увешанном различными картинами, заставленным высокими канделябрами и письменными столами, где во главе четырех жрецов стоял магистр в ожидании своего ученика.

– Ты опоздал, – приглушенным низким голосом сказал он. – Я был уверен, что после стольких занятий ты избавился от самой мерзкой и низменной привычки.

Сарвилл снял капюшон. Из-за спины странника сверкну-

ло миниатюрное солнце.

– Где ты взял меч? – уже другим голосом произнес властелин башни.

– Что ты имеешь против того, чтобы я носил оружие, щедро отданное мне в дар дриадами?

Жрецы за спиной Магистра Стихий стояли неподвижно. Хоть Сарвилл и не видел лица мага, но знал, что тот растерян.

– Оружие не понадобится тебе в стенах этой башни, медведь. Здесь тебе не грозит опасность. Мы уже говорили об этом.

– И я тебе поверил. Но я поменял свое решение. Сегодня я уйду отсюда.

– Ты же понимаешь, что я не отпущу тебя?

– Тогда придется драться.

– Не вынуждай меня, медведь, вновь браться за магию. Я столько сил вложил в твои способности за это время не для того, чтобы убить тебя, глупец. Опомнись! Осознай, что ты хочешь сделать сейчас!

– Я осознал, – холодно ответил ученик.

– Неужели все то, что я рассказал, не остановит тебя от дурных поступков? Неужели один из нас должен умереть во имя магии?

– Не в том дело, магистр. Не в том. Если ты хотел оставить меня здесь до тех самых пор, пока магия не канет в Бурлящую бездну, то мог бы открыть всю правду. Да и тогда не

точно, что я бы решил остаться здесь. Я имею право думать о себе, а не о благе Неймерии. Все то отчаяние, с каким я презирал волшеббу, пропало. Пропало, как только я узнал, что все те люди, в чьих смертях я винил магию, живы. И о чем ты так благополучно умолчал.

Магистр помедлил.

– И что теперь? Сейчас ты действительно считаешь, что, раз однажды кому-то удалось выжить, теперь они навеки защищены от смертельных чар? Ты глуп и наивен, если смеешь так считать, – слова магистра громыхали самым грозным голосом.

– По крайней мере, это мое решение. Не навязанное ни тобой, ни кем-либо еще. А сейчас выпусти меня, и я сохраню тебе жизнь.

Но магистр не пошевелился.

Тогда странник медленно потянул меч из-за спины. Властелин башни высунул из рукавов старые длинные морщинистые пальцы.

– Сейчас биться придется насмерть, учитель. Варианта, который устроил бы нас обоих, не осталось.

Тогда маг снова ничего не ответил, но к его шершавыми ладоням одна за другой принялись тянуться песчинки. Из стен, пола, потолка. Песчинки просыпались сквозь сухое дерево, выбирались из щелей прямо с улицы и сыпались с потолка, словно снаружи случилось сильнейшее землетрясение, способное разрушить башню, но сперва проверяющее

ее на прочность. Частицы в одно мгновение превратились в камень. Но магистр медлил и не бросал его в противника.

– Не заставляй меня, медведь, собственноручно убивать то, чему я больше всего желаю жизни.

Сарвилл медленно закрыл глаза, подтверждая тем самым какое-то свое решение, и открыл их так же резко, как его свободная рука вылетела вперед и направила ладонь перед собой. Три жреца, стоящие за спиной у Магистра Стихий, вспыхнули, словно сухие листья, и во мгновение ока превратились в пепел. Стоять оставался лишь жрец в красной мантии, огонь на котором потух, не оставив и следа пламени.

– Что ты наделал! – взвыл хранитель башни голосом, которым никогда не говорил прежде.

Но Сарвилл не стал слушать, о чем кричит маг, желая не тратить драгоценное время. С мечом наперевес он бросился за спину магистру, увернувшись от брошенного в него заколдованного камня, подбежал к жрецу в красной мантии, что приходил к нему во сне, и проткнул того насквозь. Жрец не сопротивлялся. Он упал на колени, склонил голову и дождался, когда лезвие меча странника вынырнет у него из живота и коснётся шеи – голова, укутанная в капюшон, скатилась к ногам магистра. Властелин башни попытался что-то выкрикнуть, но Сарвилл уже наступал, не позволяя тому молвить и слова.

Зоя рассекала воздух над головой Магистра Стихий, который в последний момент успел пригнуться. Затем сталь

вошла в тело хранителя, не умеющего обращаться со своим телом так же ловко, как с руками. Бывший учителем странника закашлялся.

Тощие пальцы магистра вцепились в лезвие и потащили его из своего тела. Через несколько попыток невероятных усилий острое окровавленного меча вышло наружу вместе с глухим стоном раненого. Поверженный маг зловеще засмеялся и скатился на пол, опершись на колонну, стоящую позади него и оставляя на ней кровавый след.

– Ты победил, – прохрипел он, пытаясь зажать рану окровавленными костлявыми ладонями. – Я недооценил тебя. Нужно было сказать раньше. Теперь ничего не исправить.

Тень медведя падала на поверженного врага, но он все еще не решил, сохранить ему жизнь или приговорить к смерти.

– Что бы ты ни хотел сказать, это моя судьба – остановить то, чего все опасаются. А значит, твое поражение сегодня было предначертано.

– О нет, медведь, – он смеялся, позволяя крови вытекать из раны. – Ошибаешься. Если бы я сказал раньше, что, покусившись на свободу, тебе придется убить собственного отца. Ты бы смирился.

Странник сперва вроде бы не расслышал и не понял того, о чем сказал магистр, но в какой-то момент самое настоящее адское пламя охватило его нутро, а глаза впились в умирающего чародея, видя перед собой, казалось, лишь серый камень колонны.

– Ты лжешь! Ты не мой отец!.. – Раскрытыми от ужаса глазами странник смотрел на магистра.

Властелин башни усмехнулся, но тут же закашлялся и брызнул из темноты капюшона кровью на пол.

– Конечно, нет, медведь. Твой отец мертв, в отличие от моего еще живого тела. Он лежит позади тебя.

– Ты?.. – Странник обернулся к бездыханному телу жреца в красной мантии.

– Он мертв. В противном случае ты бы не смог даже ранить меня.

– И ты не сказал мне?.. – С мокрых волос Сарвилла капал пот. Когда он смотрел на неподвижное тело своего отца, в его глазах бушевало пламя.

Хранитель Башни Стихий мог ответить. Мог рассказать историю отца своего убийцы, чтобы измучить его совесть и истерзать его душу. Мог молить о пощаде или просить прощения, но он знал наверняка, что никакие слова не спасут его теперь и никакие слова не принесут ему другого покоя, кроме того, что ждет всех мертвых. Смерть от руки того, на кого он возлагал самые большие надежды, неизбежна. В любой другой момент попытки выжить могли оказаться успешными, но не теперь. Не теперь, когда не магия, а самая настоящая человеческая ложь убила отца узника, пусть и рукой собственного сына.

Сарвилл некоторое время стоял неподвижно. Лишь его грудь поднималась и опускалась от тяжелого дыхания. Затем

он обернулся, подошел к Магистру Стихий, сверкнул своими разноцветными глазами, сделал легкий замах, и лезвие впилося в колонну – голова властелина Башни Стихий скатилась с плеч и превратилась в пепел.

Глава 8

Кони мчались по дороге, разбрасывая снег копытами. Колеса разносили скрип по укрытому белоснежным покрывалом полю, а цепь из воинов в меховых накидках, с деревянными щитами на спинах и топорами на поясах тянулась за телегой.

Вьюга, преследующая путников с самого утра, никак не умиралась и порошила меховые шапки северян. Два коня, идущие впереди отряда, поравнялись.

– Надо было мне ехать отдельно. Сейчас я только задерживаю остальных, – проговорила женщина, облаченная в белые меха, отличающаяся от остальных фигурой, тонкими чертами лица, узкими глазами и отсутствием оружия.

– Я тебя никогда не оставлю, Эстарада. На Расколотых Островах сейчас беспокойно. Инквизиция вот-вот настигнет нас, клянусь Богами. Поэтому держаться вместе необходимо для безопасности.

Еще одна лошадь догнала впереди едущих.

– Конунг Искрад. С Расколотых Островов вести.

– Так вещай. Чего ждешь?

– Ярл Гонур Свирепый собрал армию и двинулся на Амарилиз.

– Давно?

– День как.

– Ясно. Продолжаем путь, примем бой у стен города.

Гонец кивнул, дернул коня и отстал от повелителя.

– Если метель не похоронит нас заживо, то мы одолеем ярла у Амарилиза. – Женщина посмотрела на конунга синими глазами.

– Не похоронит, – спокойно ответил он. – Во что бы то ни стало береги нашу дочь, жизнь моя. В ней все прошлое и будущее Холденфелла.

– Будь уверен, Искрад, ярл лишится своих рук прежде, чем они дотянутся до нее.

Отряд продолжал идти сквозь набирающую силу метель. Тонкие стволы деревьев гнулись под натиском ветра, голые сухие ветви хлестали путников, проходящих по небольшому пролеску, а завешанное слоем вьющегося снега солнце едва проглядывало на небесах.

Чем дальше они шли, тем труднее лошадям было передвигаться. Копыта тонули в пучине рыхлого снега, достающего уже до их колен, а телега в один момент и вовсе застряла. Воины, идущие позади, столпились вокруг нее и даже общими усилиями не смогли сдвинуть повозку с места. Тогда маленькую девочку пересадили на коня к матери, а остальные вещи как могли раскидали по лошадям и двинулись дальше.

Северяне передвигались медленно, прорываясь, казалось, через пучины болот, а не сквозь мягкий осевший снег. Из-за метели путники не слышали друг друга и кричали что есть мочи, если им что-то могло понадобиться друг от друга.

– Говар! – крикнул конунг, обрушивая звон своего стального голоса на спутников, идущих позади.

Голосами сотни воинов его зов добрался до Говара.

Молодой мужчина с короткой бородой через некоторое время догнал Искрада.

– Езжай вперед и найди путь к Амарилизу. Дорогу совсем замело, мы заплутаем здесь до смерти.

Воин кивнул и пришпорил своего гнедого коня, который был здоровее и резвее остальных лошадей в отряде.

– Разобьем лагерь, Искрад? Прямо здесь? – спросила Эстарада, держащая девочку перед собой на коне, закутанную в запорошенное снегом одеяло. Лишь пучок черных волос с заснеженными кончиками виднелся из-под накидки.

– Нельзя, – молвил конунг. – Остановимся – умрем.

– Не остановимся – заморим лошадей и все равно погибнем, – отвечала женщина, придерживая одеяльце на лице девочки.

– Тогда остается только одно, Эстарада. Использовать магию.

– Невозможно! Они, – она повернула голову в сторону отряда, следующего за ними, – повесят меня на ближайшем дереве. Сначала я являюсь причиной войны, а потом при каждом удобном случае напоминаю им об этом. Их верности тоже есть предел, муж.

Искрад нахмурился.

– Не повесят. Я конунг. Эти люди не просто воины, они

мои братья. Если нужно, мы своими же мечами и топорами отправим паладинов на тот свет. В конце концов ты спасешь всем нам жизни, применив магию, а это великое проклятие – на добро отвечать злом.

Буря поднималась. Один из меринов в конце цепочки из лошадей начал отставать – изрядно подгоняемый своим наездником, он сопротивлялся, мотал головой, размахивал хвостом и, перебирая копытами, еще глубже зарывал себя в сугроб, пока вовсе не утонул в непроглядном тумане снежной бури.

– Йорик отстал! – закричал кто-то позади. – Обождать надо!

– Нет времени! – отозвался конунг. – Умрем, если остановимся! Оставим отметины на деревьях, так он отыщет нас после того, как буря закончится! Вперед! Но!

Отряд двинулся дальше. Всадники останавливались через каждые пятьдесят саженей, один из них спешил, прикрывая рукой лицо от навязчивых ледяных осколков, добирался до ближайшего дерева и вырезал на его коре символ, обозначающий направление, в котором двигался конунг с частью своей армии. Так они прошли еще несколько верст.

– Пора, Эстарада. Колдуй.

– Если я сделаю это, смерть придет за нами. Прошу, найди другой выход.

– Нет выхода. Говар ушел давно и уже, скорее всего, мертв! И если сейчас мы не предпримем ничего, то погибнем

следом. – Он взял руку жены крепкой, но нежной хваткой и посмотрел своими большими глазами. – Девочка все, что у нас есть, жена. Мы должны ее сберечь. Если мы не остановим бурю сейчас, потом будет поздно.

Конунг сделал движение рукой, которое тут же подхватили позади, и отряд замедлил ход. Женщина, передав ребенка мужу, спустилась с коня и посмотрела на северян, внимательно глядевших в ее сторону.

– То, что вы увидите сейчас, я делаю во благо будущего наших владений! – закричала она, пуская голос против ветра и задыхаясь от холодного воздуха, забивающегося в легкие. – Вы ненавидите ее, и я понимаю почему. Но если я не воспользуюсь магией сейчас, мы все погибнем!

Мужчины неподвижно смотрели на женщину.

– Я ваш конунг! – выкрикнул Искрад, оборачиваясь к воинам на своем коне и накрывая огромной тенью жену, стоящую перед ним. – И я не вижу другого выхода, чтобы выжить, кроме как подчиниться воле Грома! Только магия, за которой охотится инквизиция и которую все вы презираете сейчас, может спасти наши жизни. Я клялся, что вы не будете свидетелями оной, и те, кто не хочет, чтобы я предал свою клятву, отвернитесь.

Северяне топтались на месте, не отвечая.

– Приступай, – произнес владыка, обращаясь к жене.

Эстарада еще раз взглянула на мужа. Она как бы смотрела в последний раз. Как бы просила прощения за все, что при-

несла или еще принесет в его жизнь. Затем устремила взгляд на небо, подняла руки и закрыла глаза.

Сперва слегка, а затем все сильнее и сильнее ее руки закружили в воздухе. Кажется, она управляла каким-то невидимым оружием, древко которого ловко скользило в ее ладонях. Снег продолжал валить с неба. Сначала крупными хлопьями, затем превратился в режущие кожу льдинки, потом каждую из них разглядеть становилось все сложнее, пока в конце концов с неба не полился ливень. Сугробы медленно стали опускаться и уже не препятствовали продолжению пути, но волшебница продолжала творить магию и поддерживать ее.

Спустя время она уже еле стояла на ногах и кое-как удерживала руки над головой. Вокруг совсем не осталось снега, а ноги по щиколотку тонули в грязи.

– Разбивайте лагерь прямо здесь! – выкрикнул Искрад и сошел с коня. – Переждем бурю и двинемся дальше!

На небе светил полумесяц, звезды высыпали целыми созвездиями, чтобы осветить привал путников. Грязь под их ногами покрылась слоем льда, а в лагере разожгли несколько костров.

Воины сидели вокруг огней среди тонких стволов деревьев в темноте ночи, словно мотыльки, которые тянулись к свету, усевшись на меховые шкуры и укутавшись в них. У одного из таких костров чуть дальше от остальных сидели Искрад, Эстарада и старая служанка, укачивающая дитя.

– Мы живы благодаря тебе, моя любовь. – Конунг грел руки над огнем и смотрел теплым взглядом на жену. – Силы не покинули тебя?

– Все в порядке. За пару дней я восполню потраченную энергию. Но теперь не смогу помочь в Амарилизе, если моя помощь окажется последним шансом на победу.

– Не думай об этом, родная. В городе ждет больше десяти тысяч наших самых верных воинов, мы разобьем ярла, едва начав биться. Главное, что девочка жива. – Искрад посмотрел на спящую, укутанную в шкуры дочь, которую служанка обнимала словно собственного ребенка.

– Это восстание...

– Что? – отозвался конунг, на мгновение отвлекшись на свои мысли.

– Это восстание только начало наших бед. Не нужно было тебе жениться на мне...

– Ты истинная наследница престола Холденфелла, Эстарада. Если бы у меня была возможность отомстить собственной семье за то, что они сделали с твоей, я, не сомневайся, сделал бы это. Наш брак – это лишь моя молитва Богам простить меня за провинность предков.

– Если кланы однажды уже объединились, чтобы лишить мой род власти, то, будь уверен, с течением веков ничего не изменилось. Это лишь дело времени. Мало кто из воинов встанет на защиту мага в эти смутные времена. Нам нужно искать поддержки в Творсе. Я слышала, империя держит ма-

гов под защитой.

– В Холденфелле множество сторонников твоего древнего рода. Они всегда будут на нашей стороне, а сторонники рода моего будут стоять насмерть за меня. Что касается предателей – я собственноручно убью каждого посмевшегося не признать наш брак. Наш союз – это то, что наконец объединит раздробленный Холденфелл и положит конец Инквизиции, вторгнувшейся на наши земли и ищущей здесь крови.

– Но если ты не прав, нашему счастью уже завтра придет конец. Что ты знаешь об Ордене Защитников, который ходит по землям севера?

– Для меня это такая же загадка, как и для тебя, Эстарада. Одно я знаю точно: им легко удалось настроить второго по силе ярла во всем Холденфелле против меня. Не исключаю, что Свирепый не последний, кто захочет нашей крови.

– И после этого ты до сих пор считаешь, что наш брак не ошибка?

– Неверные ярлы – нарывающие раны севера. – Искрад свирепел при этих словах. – Они всегда ныли мерзкой зудящей болью и, как только земля начала слабеть под натиском другой угрозы, вскрылись, делая еще больнее, и теперь пытаются окончательно разрушить хрупкий мир. Но после победы над Гонуром Свирепым мало кто решит пойти против моей воли. Наша настоящая угроза – это Инквизиция. Она не отступится, пока не истребит всех магов. Или пока мы не истребим ее.

– Конунг! – донеслось издалека.

Искрад и Эстарада тут же подняли глаза и заметили идущего на них воина из отряда. Вслед за ним шло еще несколько человек. Лица у всех были зарумянившиеся, ноги слегка подкашивались, а глаза бегали мутными зрачками по округе.

– Сколь? Это ты? – Искрад попытался всмотреться в идущие в сумерках фигуры.

– Я, – ответил тот.

– Подходи ближе к костру да присядь. Пируй с нами, брат! – Конунг бросил успокаивающий взгляд на жену и доктронулся до ее руки.

– Как скажешь, брат! Я не один. Место найдется?

Искрад встал, взял за шею Сколя, врезался тому в лоб своим лбом, сжал губы и посмотрел в его глаза решительным взглядом, а затем захохотал и сказал:

– Конечно, Сколь! Моим братьям всегда найдется место у моего костра. А если не найдется, значит, мы зажжем целую деревню, чтобы тепла хватило каждому!

Сколь омерзительно заулыбался, поднял кубок и испил до дна, проливая мед мимо рта, и тот растекался по его усам, бороде, тек по мехам и ложился каплями на замерзшую землю.

– Завтра нас ждет славная битва, Искрад! Верно? – сказал он, скаля свои белые, как жемчуг, зубы.

Искрад нахмурил брови.

– Будь я проклят, если весь север не станет говорить о нас

после того, как мы разобьем ярла.

– Я лично расколю ему череп, конунг, в твою честь. – Сколь приподнял кубок и посмотрел безумным взглядом.

Искрад сдержанно улыбнулся в ответ и прильнул губами к своему сосуду.

– Только после этой битвы, брат, нам придется стоять против защитников...

Все поддакивающие, кивающие и усмехавшиеся прежде вдруг замолчали и притаились.

– И эту битву мы возьмем, – чуть помедлив и более скромно ответил конунг. – Skål!

– Skål! – проговорили северяне в ответ.

Но Сколь не стал отпивать меда, а продолжил говорить:

– Ты же знаешь, Искрад, что южане пришли на нашу землю лишь по одной причине?

Вожак злобно посмотрел исподлобья, но промолчал.

– Гонур Свирепый только и ждал подходящего момента, чтобы взять власть нашего народа в свои руки, – продолжал Сколь. – И теперь у него появился предлог для восстания, лучше которого не придумаешь. Слушай, я никогда не боялся южан и готов рвать их голыми руками, но эти проклятые Громом паладины...

– Каждый из этих паладинов не сильнее каждого из нас.

– Это правда, – неуверенно покачал головой Сколь. – Только ведь они не отступятся, пока не доберутся до них. – Он указал взглядом на Эстарату и ребенка.

– Значит, будем воевать, – безумным шёпотом сказал конунг.

– Вот. И вместо того чтобы процветать, мы вновь погрязнем в войнах. Дордония пришлет свою армию на защиту этих рыцарей, ты же понимаешь? Легкого будущего нам не светит. Skål!

Сколь добродушно улыбнулся и выпил из кубка. На этот раз Искрад не ответил.

– Сколько воинов должно пасть за твою бабу? – зло прошипел воин, разбив одинокий звук треска хвороста в костре. – Отдай им ее вместе с этим ребенком и берись за объединение севера, конунг.

– Этот ребенок – моя дочь, а Эстарада спасла тебе сегодня жизнь, пес! – процедил сквозь зубы вожак.

– Если бы ты не завел нас в эту пургу, меня спасать бы не пришлось. Послушай, теплую дырку мы тебе и так найдем, а живым настрогать детей у тебя шансов будет куда больше, чем мертвым.

Все, что было дальше, произошло в одно мгновение. Конунг схватил свой топор, вбитый до этого в ствол дерева, на котором он сидел, замахнулся, оружие просвистело справа, а лезвие вошло в щеку с одной стороны и вышло с другой. Половина головы Сколя сползла вниз, смотря на вождя застывшим взглядом.

Воины, сидевшие позади, отшатнулись назад.

– Ступайте, братья, – молвил Искрад, смотря печальным

взглядом на часть головы товарища, из-под которой уже растеклась кровь и принялась медленно стынуть, просачиваясь сквозь трещины в покрывающую ледяной коркой землю.

Воины встали, опираясь на напряжение, повисшее в воздухе, и в скорбном молчании разбрелись между деревьев.

Искрад положил свою холодную ладонь на руку жене.

– Уходи. Бери девочку и уходи. Сейчас.

– Ты уверен? – Эстарада поняла все без лишних объяснений, но колебалась.

– Да. Большинство этих людей верны Сколю. Как только они перебыют всех моих, то придут за нами.

– В таком случае уходим вместе.

– Нет. Они быстро нас настигнут. Я должен их задержать. Тогда ты успеешь добраться до Амарилиза. Там ждут верные воины, они тебя защитят. И от Инквизиции, и от предателей.

– Тогда дадим им бой здесь и сейчас.

– Нет. Их больше, чем мы можем на себя взять. С твоими полными силами – может быть, но сейчас ты только помешаешь.

– Ты найдешь меня? – холодно спросила мужа Эстарада, глядя на него намокшими от слез глазами.

– Клянусь. Теперь ступай.

Эстарада крепко обняла мужа, а затем разбудила девочку нежным прикосновением губ. Служанка помогла им забраться на коня. Тогда северянка, еще раз бросив печальный взгляд на мужа, пришпорила коня.

– Ты ничего не понимаешь, верно? – сказал конунг, почувствовав, как старая служанка смотрит на него. – Иногда это даже лучше. Возможно, в этом незнании ты спокойно уснешь и больше не проснешься. Всего-то. А вот мне будет не до сна. Я обречен знать, что могу сегодня умереть. А теперь спи. Спи. Поняла?

Конунг приложил ладонь к уху, объясняя служанке, что нужно ложиться. Дождался, когда она укутается в шкуры, и лег сам.

Искрад не мог сомкнуть глаз. Он лежал на спине, уставившись в небо меж падающих хлопьев снега, которые сыпались прямо на лицо и ложились тонким слоем на ледяную землю, пока ветер не сдувал их в сугробы. Конунг все время держал свой топор на груди, схватившись за рукоять обеими руками, ожидая мстительных воинов, которые ни за что не простят смерть своего товарища и обязательно придут за ним. Потому что завтра будет поздно. Завтра они настигнут Амарилиза, и армия северян будет вновь стоять на защите своего конунга. Но сегодня. Сегодня верных ему людей осталось так мало, что он мог рассчитывать только на самого себя.

Наконец ветви голой березы зашатались и пустили несколько силуэтов, видимых сквозь горящий костер, на опушку.

– Где ведьма, конунг? – спросил один из них, тяжело дыша и поднимая высоко плечи в такт своему дыханию.

– Вы глупы, если решили прийти за жизнью моей жены,

но в надежде сохранить мою.

Искрад встал.

– А почему ты решил, что мы пришли только за ней? – ответил один из громил и принял боевую стойку, направив острие меча в сторону конунга.

Вожак ответил замахом топора, и сразу несколько северян вступили в схватку со своим предводителем. Превосходящий размерами своих противников Искрад мастерски размахивал топором и пускал кровь из предателей, а когда не успевал вынуть лезвие из очередного поверженного врага, отталкивал других свободной рукой или разбивал их лица собственным лбом. Здоровые северяне летали по полю, словно тряпичные куклы, в невозможности нанести хотя бы малое увечье конунгу. Слово разъяренный медведь, он бился за свою жизнь и честь, разражаясь проклятиями и заливая кровью мирный доселе лес.

В один момент все еще стоящие на ногах воины отступили и, подняв с земли разбросанные щиты, одновременно накинулись на Искрада. В этот раз конунг только ударял по щитам, слегка отбрасывая противников назад. Потом он отошел на несколько шагов, разбежался и врезался плечом в стену щитов, разбивая ее и падая на землю. Резкая боль растеклась по бедру, порезанному одним из расторопных воинов. Искрад успел привстать на одно колено и уклониться от нескольких ударов, летящих ему в голову. Но при следующем наступлении он смог только упасть на спину и ждать

неминуемой гибели.

Тут что-то засвистело над головами нападавших. Будто бы ветер заносился по воздуху, срывая у северян головы с плеч. Искрад слышал лишь короткие вздохи и как тела ударились о землю. Он попробовал встать, но нога тут же разразилась болью и не позволила этого сделать.

– Говар? Этот ты? – Конунг прикрывал рукой глаза, защищаясь от падающего с неба снега и пытаясь разглядеть фигуру человека, тень которого нависла над ним.

Человек протянул руку, помогая вожаку подняться и сесть. Это действительно был Говар. Он увидел рану Искрада, достал длинный кинжал из-за спины и поместил лезвие в огонь.

– Гром! Я думал, ты мертв, – конунг довольно засмеялся и похлопал товарища по плечу. – Думал, занесло снегом и похоронило. А ты живее всех живых!

Говар в ответ еле заметно улыбнулся и прислонил раскаленное лезвие к ране конунга. Крик невыносимой боли, перемешанный с яростью, пронесся меж деревьев.

– Эстарода поехала за тобой. В Амарилиз. Вы должны были встретиться. Ты видел ее? Она цела? – обрушил Искрад град вопросов на товарища, как только уходящая боль позволила ему говорить.

Говар посмотрел удивленным взглядом, большие глаза, казалось, не удержавшись в черепе, выкатятся наружу.

– Что? Вы не могли разъехаться. Она поскакала на юг – в

Амарилиз. Ты был в Амарилизе?

Говар закивал, выхватил лежащий меж баулов меч и взгромоздился на коня.

– Постой, брат! Мы должны ехать вместе. Один я не выберусь отсюда.

Немой протянул руку и помог конунгу взобраться на лошадь. Искрад окинул лагерь взглядом. Все воины были мертвы. Как он и предполагал, люди, верные Сколю, убили несколько его лучших людей, а служанка, как он и думал, заснула и больше не проснулась.

Конь Эстарады скакал быстро по непротоптанной дороге. Метель давно утихла и уже не укладывала новый слой снега на большак. Чтобы не потеряться, чародейка все время смотрела на солнце, которое поднималось слева от нее – добраться до Амарилиза можно было, только если непременно скакать на юг. Ребенок у северянки на руках за всю дорогу не издал ни звука, и Эстарада то и дело сбавляла ход, чтобы откинуть одеяльце с лица девочки и проверить, дышит ли она. Дочка дышала.

Без сомнения, после холодной ночи, в которую ей пришлось двигаться практически на авось, свет и теплые лучи светила вселяли надежду и наполняли ее грудь великолепным ощущением лёгкости и свободы.

Конечно, всю дорогу Эстарада старательно избегала мыслей о судьбе мужа и тем более его возможной гибели. Только сейчас, остановившись у небольшого водопада, стекающего маленьким ручьем с горы, чтобы напоить лошадь и напиться самой, она вдруг вспомнила о терзающих ее голову размышлениях, все время бродивших где-то недалеко и только сейчас ворвавшихся на постамент для самых важных.

– Ты о чем-то печалишься, матушка? – вдруг проговорила девочка медленно, тщательно подбирая каждое слово, будто бы вспоминая их по одному.

Чародейка грустно улыбнулась в ответ.

– Нет, дитя. Тебе показалось. – Она украдкой смахнула слезу со щеки и поднесла флягу с водой ко рту дочери. – Пей.

Девочка схватила сосуд маленькими ручками и принялась аккуратно отхлебывать содержимое. Затем Эстарада вытерла ей лицо платком, усадила на лошадь, села позади нее и тронула поводья.

Еще некоторое время они скакали рысцой, пока не достигли тропы, ведущей к Амарилизу и усыпанной снегом прошлым вечером – теперь она снова прослеживалась, по-видимому, уже неоднократно пустив путников к городу.

Конь шел медленно, высоко поднимая ноги и размахивая своим черным хвостом. На холме уже виднелись стены города с выпячивающимися из-за них крышами, а у подножья, словно яблоки, рассыпанные вокруг яблони, располагались тысячи воинов, разбитые на группы и ожидающие приказа.

Сотни костров застилали дымкой безоблачное небо.

Эстарада въехала в лагерь, тут же примеченная заскучавшими северянами и пустившая по отрядам перешептывание.

– Конунг не с тобой, Эстарада? – Крупный с несколькими шрамами на лице воин преградил дорогу коню, взял поводья, перекинул их через голову лошади и повел за собой.

– Он отстал. Ненадолго. Скоро нагонит, – спокойно, но насторожившись, произнесла она.

– Это хорошо, – проговорил северянин себе под нос, но достаточно громко, чтобы Эстарада услышала.

– Что ты имеешь в виду, Йарок? – встревоженно отозвалась она.

Но Йарок не отвечал. Он продолжал вести лошадь за собой.

Только сейчас Эстарада стала замечать детали, на которые не обращала внимания прежде. Вороны кружили в разных сторонах над лагерем, как кружатся на поле боя после жестоких сражений. В воздухе пахло вовсе не горящими поленьями, а запахом, что она уже не раз слышала. Смердело смертью. Когда после битвы всех мертвых сгребают в одну яму и поджигают. Именно тогда становится невозможно дышать так, как сейчас.

– Йарок. Пожалуйста. Ответь мне, что произошло? Ты лучший друг моего мужа, ты клялся Громом быть ему верным.

Седой воин вздохнул:

– Прости, Эстарада. Мне приходится принимать трудные решения, которых не может принять твой муж.

– Какие решения? Будь честен со мной.

Йарок покачал головой и сбавил ход.

– Вчера в Амарилиз прибыла Инквизиция.

Эстарада медленно опустила веки, будто бы поняла все, крепче обняла ребенка, открыла глаза и попросила продолжать.

– Они сказали, что нападут на город и не оставят в живых никого. Но предложили отдать виновницу всех бед севера взамен на свободу и жизнь северян... – Он помедлил. – Тебя. У меня не было выбора, Эстарада. Прости.

– Я понимаю Йарок... – Слезы побежали из глаз чародейки.

– Если бы я... – Воин крепко сжал кожаные поводья, так, что они захрустели в его кулаке. – Если бы я не вмешался в это безумие, воины Амарилиза сперва убили бы твоего мужа и все равно их длинные руки добрались бы до тебя. Понимаешь? Ночью мы схватились с армией твоего отца и одержали победу. Те, кто остался в живых, бежали... Теперь тебя некому защитить.

Северяне скапливались по обе стороны от лошади, ведущей наездницу в условленном заранее направлении. Сначала кто-то один начал стучать топором о свой щит, затем еще десяток подобных стуков присоединился к нему, пока отступивать не стали все северяне, преграждающие любые пути

отхода и замыкая коридор, как только лошадь Эстарады проходила вперед.

– Ты ведешь меня на смерть, верно? – спросила жена конунга, гордо выпрямившись на коне и прижимая к себе одной рукой напуганную девочку.

Старый воин сжал губы, на мгновение зажмурил глаза, но промолчал и не обернулся.

– Пожалуйста, Йарок. Окажи мне последнюю услугу.

– Ты же знаешь, здесь нет моей власти. Не заставляй мое старое сердце еще сильнее обливаться кровью.

– Спрячь Ноэми.

– Что? – Йарок удивленно обернулся, но не остановил коня.

– Защитники просили моей смерти, верно? Ты приведешь им меня, но прошу тебя – спрячь девочку.

– Хорошо, – неуверенно согласился Йарок. – Дай ее сюда.

Эстарада приоткрыла одеяльце, еще раз посмотрела на ребенка, и слезы еще сильнее побежали по ее щекам. Она крепко обняла дочь, приглаживая ее длинные черные волосы. Старый воин остановил лошадь.

– Я люблю тебя, Ноэ. – Чародейка обнимала дочь, казалось, пытаясь отдать всю свою любовь каждому участку ее маленького тельца.

Лицо Ноэми перекосилось – гримаса ужаса и безграничной печали напозла на него. Большие мокрые глаза вопрошающе глядели на мать, а маленькие ручки сильно, насколько

ко это было возможно, вцепились за ее шею.

– Я не хочу. Не хочу. Не хочу. Не хочу, – запричитала девочка и замотала головой.

– Чего ты не хочешь, глупенькая? – Эстарада нежно улыбнулась и стерла слезы сначала со своих щек, а затем с ее. – Я скоро вернусь. Посмотри на дядю Йарока. Ты же помнишь его?

Девочка кивнула.

– Тебе же всегда нравилось играть с дядей Йароком, правда?

Девочка вновь согласилась, скорее из-за доверия, а не из-за того, что действительно помнила о времени, проведенном с седым воином.

– Сейчас ты пойдешь с ним и будешь во всем его слушаться, пока я или папа не придем за тобой. Поняла?

Уже не так энергично, но Ноэми вновь покивала матери, до сих пор глядя испуганными глазами по сторонам.

Воин аккуратно принял ребенка, подозвал кого-то из идущих следом и приказал спрятать ее.

Эстарада тихо всхлипнула и произнесла:

– Поклянись, что будешь защищать ее до самой смерти, Йарок. Поклянись!

– Она в безопасности, Эстарада, – ответил старый воин и вновь опустил голову.

Ноэми очнулась в маленькой комнатухе, весь пол в которой был залит водой, с потолка падали огромные капли, а посиневшие бездыханные тела рыцарей в красивых серебристых доспехах лежали, прибитые к стенам чем-то неведомым. Девочка провела по ним испуганным взглядом и вновь забилась в угол.

Так прошло некоторое время. Ноэми сидела, обхватив собственные колени, до тех пор, пока страх сам собой не растворился в воздухе и не покинул помещения за неимением подогревающих его событий. Девочка медленно поднялась, отлепила сырой подол платья от ножек и на цыпочках зашагала к выходу.

Она старалась ставить свои босые ноги в места, где не было сыро, и тем более избегала пространств, где вода была перемешана с ярко-красной жижей. Несколько времени назад еще можно было разглядеть упавшие со стен чучела животных, убитые тела рыцарей, лужи, перемешанные с кровью, и оружие, выпавшее из рук мертвых, но сейчас, с наступлением темноты, все это еле проглядывалось, поэтому Ноэми приходилось ступать еще более осторожно, чтобы случайно не замараться, а тем более не разбудить кого-нибудь из тех, кто спал в этот самый момент, по ее мнению, недостаточно крепким сном и, скорее всего, желал ей чего-то плохого.

Как только она попала в следующую комнату, стало светлее. Тут совсем не было сыро и надоевший звук падающих капель пропал, словно освободив ее разум от оков. Она медленно, боясь спугнуть кого-то или что-то, повела взглядом из одного угла комнаты в другой. Казалось, она могла бы осмотреть всю комнату за мгновение, но страх, почувствовавший беспокойство девочки, вновь вернулся и не позволял делать движения хотя бы чуточку резче.

Скомканная медвежья шкура. Факел. Раскиданная деревянная посуда. Дядюшка Йарок.

– Дядюшка Йарок! – вскрикнула Ноэми и подбежала к старому воину, забыв об осторожности.

Она схватила его за руку и что есть мочи принялась дергать, пытаясь пробудить пожилого мужчину.

Северянин долгое время лежал неподвижно, но затем откашлялся и схватил ее за руку.

– Ти... – он попытался что-то сказать, но стал задыхаться и умолк.

Ноэми смотрела на дядю несколько минут испуганными глазами, не в силах сообразить, чем ему можно помочь, и лишь заплакала от невыносимой тоски по прежнему дяде Йароку.

– Тише, девочка, – наконец получилось выговорить у него. – В тебе есть та сила, что была... в твоей матери. Я умираю. После таких ран, что нанесли мне защитники, не живут. Тебе нужно бежать с севера. Беги в Творс. Слышишь?

Там о тебе позаботятся.

– Я не хочу в Т... Т...

– Творс. Запомни! Творс!

Старый воин вновь зашелся кашлем. С каждой секундой он дышал все глубже и кашлял все сильнее, разбрызгивая кровь по комнате, попадая на лицо маленькой девочке, пока в конце концов вдруг не перестал двигаться.

Очень осторожно и со слезами, стоящими у нее в глазах, Ноэми подергала руку северянина, с которым жила все последнее время, затем обняла его и рыдала до тех пор, пока не заснула.

С того утра, когда мама пообещала вернуться за ней, миновало уже несколько дней ее рождения. Дядюшка Йарок заботился о девочке, рассказывал на ночь разные истории, учил обращаться с луком, заставлял работать в огороде, ругался, когда она капризничала и отказывалась что-либо делать, но всегда был ласков и после любой ссоры приходил к ней и дарил вновь выстроганную куклу, увидев которую Ноэми прощала все обиды и несколько дней слушалась дядю беспрекословно.

Поначалу она докучала старому северянину вопросами про мать и отца, расстраиваясь из-за того, что они бросили ее, ставила вопросы ребром, на которые у седого воина не было ответов, пока в конце концов не услышала:

– Послушай, Ноэми. Я поклялся Грому, что расскажу тебе все только тогда, когда ты станешь мудрой девочкой. А

быть мудрой – значит набраться терпения и научиться считать. Как только ты досчитаешь до пятисот дней, прошедших с этого дня, когда ты в последний раз задала мне вопрос о родителях, я тебе все расскажу.

– Но я не умею считать до... этой циферки.

– Вот и научишься. Каждый день ты будешь подходить ко мне, а я буду сообщать тебе ту цифру, которая следует за прошлой, и, как только я скажу пятьсот, тогда-то ты и станешь мудрой девочкой и потребуешь обещанного ответа.

С тех самых пор, когда Ноэми хотелось задать вопрос о родителях, она подходила к старому воину и спрашивала, какой сегодня по счету день с того самого разговора, и дядя Йарок, сначала спросив, какой была предыдущая цифра, сообщал следующую. Когда в плохом настроении Ноэми не выдерживала и, разгневавшись, спрашивала о том, почему родители не приходят за ней, счет начинался с начала.

И вот сегодня был четыреста семьдесят восьмой день с тех пор, как она последний раз спрашивала старого дядю о родителях.

Ноэми проснулась, когда солнечные лучи уже проникали сквозь закрытые ставни и просвечивали клубы так и не осевшей за все это время пыли. Тело Йарока было совсем холодным и как будто больше не похожим на самого себя так, что Ноэми вскрикнула от страха и одернулась. На ее щеке отпечатался перстень с руки дядюшки, на которой она проспала всю ночь.

Девочка встала на ноги, сняла с гвоздя, вбитого в стену на уровне ее роста, маленький черный, сшитый по ее размерам плащ, надела его и выглянула на улицу.

Снаружи был все тот же родной двор. Недостроенный сарай, колодец, поленница, сложенная высоко до самого навеса. У крыльца топтались кони, на которых, по-видимому, приехали рыцари, убившие ее дядю, а сама опушка со всех сторон густо заросла деревьями, и даже солнечному теплу было сложно добраться до травы, очень редко пробивающейся из-под земли под копытами лошадей.

Ноэми не замечала, как постоянно шмыгала носом, то ли от печали по старому воину, то ли оттого, что еще не вылечилась от простуды, схватившей ее незадолго до нападения.

Она зачерпнула ковшом воды из бочки, стоящей у двери, и с особым усердием принялась тереть лицо, припоминая, как мириады капелек крови упали на нее в момент смерти дядюшки.

Затем Ноэми провела рукавом по глазам, чтобы смахнуть оставшиеся на бровях и ресницах капли, отвязала лошадей и пошла на задний двор. Лошади разбрелись перед домом, цепляя редкую траву из-под своих копыт.

Позади хижины был небольшой загон, чуть дальше, за невысокими зарослями, бурлила маленькая речушка, а за ней простиралось бескрайнее золотое поле.

В загоне стояли конь, которого Йарок звал Братком, коза и осел. Они с дядюшкой часто каким-нибудь ранним утром

седлали коня и осла, чтобы перейти реку вброд и поскакать по нетронутым человеком полям, и возвращались поздним вечером, насытившись по дороге жареной куропаткой или кроликом, которых седой воин подстреливал из лука. Ноэми всегда нравились такие прогулки, потому что в эти редкие моменты она могла покинуть наскучивший ей дом и таила маленькую надежду никогда сюда не вернуться.

Она до сих пор была слишком мала для того, чтобы забраться на коня самостоятельно и тем более управиться с ним, поэтому она запрягла осла так, как учил ее дядя. Собрала моркови, сухарей, воды, луковиц, капусты и яблок в дорожный мешок, взгромоздила его на осла и, потянув животное за поводья, повела через речушку.

Маленькие башмачки насквозь промокли в ледяной воде, пока она пыталась справиться с ишаком, который упрямо не хотел переходить на другой берег. Такое случалось и раньше, но тогда Йарок доставал палку и хлестал осла по бедру. То же попыталась сделать и Ноэми, но в ответ он лишь резко дергал головой и в одном из таких движений повалил девочку в воду.

В конце концов промокшая, грязная и дрожащая от холода Ноэми справилась с животным и переправилась через реку, потянув осла за собой вдоль нее по течению, оставляя позади родной дом и воспоминания, связанные с ним.

Сколько лет она прожила со старым воином Йароком? Ноэми и сама не могла припомнить, когда в последний раз про-

сыпалась вне стен охотничьей хижины, которая сейчас сливалась с лесом и исчезала за ее спиной в густой листве деревьев. Однако она хорошо помнила свою мать, бросившую ее так подло. Неужели я настолько плохая, думала девочка, сжимая тонкие губки от злости.

Чем дальше Ноэми отдалялась от знакомых мест, тем грустнее ей становилось. Возбуждение, которое помогло выбраться из дома и покинуть родные края, теперь исчезло, а на его место пришла печаль и принималась сковывать ее сердце.

– Никого. Никого в целом мире нет, кому я была бы нужна сейчас, – печально проговорила она и не сразу заметила, что произнесла это вслух. – Ну и пусть, что вслух! Кто меня слышит? Жеребец? Он и так знает, что у меня на уме. Правда, Жеребец? – она всхлипнула и погладила осла по жесткой гриве. – Куда мы придем, ты знаешь? Я тоже нет.

И они поплелись дальше.

Несколько дней осел шел за девочкой или нес ее на себе. Они останавливались крайне редко на водопой или если Ноэми замечала знакомые кусты, с которых еще с дядей научилась собирать ягоды, и теперь обедала ими. Она не слезала с Жеребца даже для ночлега, потому что чаще всего плакала до той поры, пока не засыпала, крепко вцепившись в его черную гриву.

Берег, что весь кишел зарослями, преграждавшими им путь, давно остался позади. Осел брел в никуда, самостоя-

тельно выбирая путь, и теперь они выходили из очередной густой чащи под открытое голубое небо.

– Там большая дорога, Жеребец. Дядюшка говорил, что это какой-то тракт. И больше всего там опасностей подстерегает. Ни за что не веди меня туда. Слышишь?

Ослик поплелся дальше. Через несколько дней они настигли горы, которая неожиданно выросла прямо из-за высоких деревьев и преградила путникам дальнейший путь.

– Вот и догадайся теперь, с какой стороны ее обойти, – разочарованно произнесла Ноэми, закинув голову назад и пытаясь разглядеть высоту утеса. – Туда мы точненько не заберемся. Дождемся утра здесь, чтобы получше рассмотреть гору.

Ноэми накрутила поводья осла вокруг удобно торчащего из скалы камня, скинула с него дорожный мешок и, обхватив его обеими руками, закрыла глаза и уснула.

Ночь была спокойная – темная, потому что луна осталось где-то с другой стороны горы, и тихая, потому что сам густой лес кончился незадолго до опушки и весь оркестр лесных звуков не докучал Ноэми.

Когда солнце дотянулось до спящей Ноэми, она проснулась, протерла глаза и осмотрелась. Сейчас растения вокруг бучи покрыты утренней росой и переливались различными цветами – пурпурными, фиолетовыми, ярко-желтыми, зелеными, красными и другими. Осел стоял на своем месте и лениво пережевывал тщательно отобранный пучок травы.

Стоя на коленях, Ноэми схватила большой лопух и, наклонившись до самой земли, выпила росу. Затем нашла глазами еще один большой листок и выпила все до последней капли. Все это время ей слышался странный звук, которого она не заметила ночью, хотя спала очень чутко и просыпалась несчитанное количество раз, вслушиваясь в тишину и сопение осла.

Наконец охота за водой ее утомила, и она с любопытством огляделась. Странный звук доносился с той стороны горы, где почти не было зарослей, зато лежали крупные валуны, видимо, когда-то отколовшиеся от скалы. Ноэми ждала маленькие кулачки, шепотом пообещала Жеребцу напоить его при первой возможности и, ступая на цыпочках, пошла в сторону исполинских камней.

Здесь звук становился громче за счет оголенной каменной стены, и теперь девочка смогла разобрать, что это был храп. Дядя Йарок часто будил подобным шумом ее посреди ночи, и поэтому Ноэми хорошо знала этот звук и слегка раздражалась, когда слышала его. Храп так гулко разносился по долине, что она невольно начала представлять большого зверя, обладающего огромной мордой и такими же устрашающими зубами в его пасти. Но вся эта бурная фантазия не останавливала ее, а, наоборот, только будоражила любопытство еще сильнее, и ей непременно захотелось взглянуть на грозное существо хотя бы одним глазком.

Осторожно подойдя к самому большому валуну и загля-

нув за него, она с удивлением обнаружила там... муравейник. Озадачившись отсутствием огромного зверя из ее воображения, она огляделась и заметила еще один камень, на этот раз меньший по размерам, но все еще способный уместить за собой большое храпящее чудовище.

Не увидев и там никого, Ноэми надула губы, словно обижаясь на невидимое существо, и в задумчивости сложила руки на груди. Храп на какое-то время прекратился, а потом разнесся с новой силой, на несколько вдохов сделавшись быстрее.

– Должно быть, это невидимый зверь, Жеребец, – сказала она, воротившись к ослу и закидывая на него мешок. – Ну и пусть остается тут один-одинешенек. Мне-то что!

Ноэми нахмурила брови и помедлила, как будто сомневаясь, хочет ли она уехать немедленно или все же желает остаться. Затем она решительно бросила мешок на землю, так и не сумев с первой попытки взгромоздить его на ишака, и твердой походкой направилась к уже знакомому валуну, на этот раз с намерением нащупать невидимого зверя.

С каждым шагом напористости в ней становилось все меньше, а когда она подошла к камню, решительность и вообще улетучилась. Однако девочка не сдалась и, сильно зажмурив глаза, вытянув руки перед собой, словно играла в жмурки, принялась с опаской ощупывать пространство за камнем.

Внезапно она дотронулась до чего-то холодного и твердого, а ее опущенные веки сжались еще крепче. Поводя рука-

ми по неизвестной массе достаточно долго, чтобы набраться смелости, она наконец приоткрыла один из глаз. Ее удивлению не было предела, когда, открыв оба васильковых глаза, она обнаружила, что все это время трогала самый обычный камень, который по ее личным ощущениям должен был лежать куда дальше.

Вновь рассердившись на неизвестно кого, Ноэми пошла проделывать тот же трюк с другим камнем – все это время навязчивый храп так и гудел в ушах, словно дразня девочку, отчего ей по-детски становилось еще обиднее и она еще решительнее ощупывала пространство за вторым валуном. Не обнаружив и там ничего, кроме пустоты, Ноэми даже с какой-то наивной злостью принялась рыскать за каждым камнем, которые были разбросаны по долине, смекнув, что невидимый зверь может и не прятаться вовсе, а использовать камень вместо подушки, как она использовала свой мешок.

Совсем позабыв об осторожности, Ноэми твердым шагом обходила долину, уверенно прикладывая ладони к пространству перед собой. Чтобы окончательно утоптать все диковинные растения на поляне, ей понадобилось бы больше времени, однако уже сейчас свежесть разноцветного покрывала была потеряна.

Со временем Ноэми и вовсе позабыла, за какими камнями ощупывала все, а за какими еще нет, и по этой причине к нескольким валунам возвращалась неоднократно, а когда понимала это, грозно шурилась и бубнила какое-нибудь ру-

гательство себе под нос, которым при любом удобном случае раньше пользовался дядюшка Йарок.

Потеряв всякие надежды на разоблачение источника навязчивого звука, она отошла совсем далеко от осла, все еще поглядывая по сторонам и принимаясь размахивать руками, едва вспомнив, что непременно ладошками должна нащупать зверя. И вот, заглянув за один пригорок, разросшийся ярко-красными растениями, она что-то увидела.

Это «что-то» было небольшого размера. Оно обросло шерстью и лежало на спине, погружившись в крепкий сон и издавая теперь почему-то кажущийся милым звук. Тут тот самый храп был вовсе не таким могучим, как ей казалось до того, пока она не увидела существо.

Ноэми с интересом приблизилась к морде животного, пытаясь понять, не мерещится ли ей приплюснутый черный нос. Но не успела она сделать и двух слабых выдохов, как существо открыло свои большие круглые глаза и вскочило на задние лапы.

– Эгей! – вскричал писклявым голосом зверь. – Стой на месте, человеческий ребенок!

Ноэми удивленно хлопнула глазами, даже не пытаясь что-то ответить, а затем медленно и вдумчиво произнесла:

– Ты говорящий? – Ее глаза широко раскрылись от собственного умозаключения.

– Ты тоже! – обиженно заметило существо и запрыгнуло в гущу растений, попытавшись спрятаться, но до сих пор вы-

ставляя любопытные черные зенки и уши из-за них.

– Не бойся. Я Ноэми. А как тебя зовут? – Девочка стояла неподвижно, чтобы не спугнуть нового знакомого.

Существо деловито откашлялось, видно было, как оно набиралось смелости, и, глубоко вдохнув, молвило:

– Я Харольд.

– Харольд, – повторила девочка, чтобы запомнить имя. – Очень приятно. А я наследница всего Холденфелла.

– О-о-о... – удивленно и даже восторженно вырвалось у зверя. – Королевна неужто? – Харольд наклонил голову набок, внимательно изучая ребенка.

– Только ты никому не говори, мне Йарок строго-настрого запретил это рассказывать. Тут как-то вырвалось... – Она виновато опустила голову, но все еще не отрывала глаз от интересного существа. – А ты гном, что ли, какой? Или бес?

– Бес? – возмутился Харольд. – Сколько зим живу, а так меня еще никто не оскорблял.

– Прости... Я опять... Это... Вырвалось.

– К вашему сведению, Ваше Величество, я представитель благородной расы снуффов.

– Снуффов?

– Их самых.

– А что ты здесь делаешь, Харольд? Ты заблудился?

– Ха! – усмехнулся снуфф, но не продолжил, потому как его взгляд устремился на поляну и застыл.

Ноэми тоже с любопытством посмотрела на поле, но, ни-

чего не приметив, обернулась обратно к Харольду, но тот словно остолбенел. Девочка еще раз огляделась и заметила, как все сильнее и сильнее и, словно по очереди, друг за другом колышутся растения, стряхивая с себя пыльцу и поднимая целые облака в воздух. Из гущи растений раздалось несколько громких «апчхи». Кто-то пробирался прямо к ним, но делал это на четвереньках, чтобы его не заметили раньше времени, однако не предусмотрел всего.

Еще через некоторое время на пригорок выбежала дюжина снуффов с разноцветными, под стать растениям, мордами, и они принялись тяжело дышать, высунув длинные языки наружу.

Едва отдышавшись, они пригнулись к земле и принялись рычать. Много угрожающих звуков Ноэми слышала, когда ходила с дядей на охоту, но ни один из них не был настолько дружелюбным, несмотря на рвение показаться заурядно грозным. А выпученные большие глаза снуффов с морщинами на лбу, собиравшимися в кучку, придавали им еще более жалобный вид.

Вопреки ожиданиям существ вместо того, чтобы испугаться и броситься наутек, Ноэми расхохоталась и даже попыталась потрепать шерсть на голове одного из них. Счастливец блаженно закрыл глаза и повалился на спину, подставляя свой пухлый живот и высунув длинный язык.

– Все в порядке, друзья. Девочка безобидна, а более того, она людская королева, непонятно пока, как тут оказавшаяся-

ся, – уверенно заявил Харольд своим друзьям, явно гордясь знакомством с королевской особой.

Один из снуффов встал на задние лапы и, выпрямив спину, задал вопрос:

– Почему ты говоришь с ребенком, Харольд? – У говорящего на шее был нацеплен золотистый ошейник с надписью на непонятном Ноэми языке.

– Прощения прошу, Ваша Милость. Я наблюдал за королевой, как и было велено, – отвечал Харольд. – Но перед рассветом в самый последний момент на мгновение закрыл глаза и уже не проснулся до самого обнаружения. Виноват.

Вожак еще сильнее наморщил сморщенный лоб и деловито заявил:

– Огласите цель вашего визита, человеческий детеныш. И если в наших силах будет оказать вам помощь, мы непременно ее окажем. Дело чести.

– Меня зовут Ноэми, и я честно-честно заблудилась. И, – девочка вся покраснела, – я не знаю, куда иду.

С этими словами губы Ноэми затряслись, а глаза стали наполняться слезами.

– Какой я невежа, что не представился сразу! – Снуфф раздосадованно вскинул лапы и опустил их. – Мое имя Урк, и я вожак стаи снуффов, среди которых и вы в данный момент находитесь. Мы предприняли некоторые меры предосторожности, когда заметили вас и ваше животное в наших владениях, поэтому не показались сразу. Однако сейчас

наш дорогой Харольд заявляет, что вы пришли с добрыми намерениями и не причините нам вреда. Так ли?

– Так ли, – ответила Ноэми, а ее глаза тут же повеселели от своеобразной манеры общения снуффов.

За спиной у вожака неведомые существа, прибывшие вместе с ним, уже занимались кто чем. Снуфф с зеленой мордой на четырех лапах гонялся за бабочкой, другой тщательно вылизывал лапу, видимо, от приставшего к ней репья, а некоторые из существ просто стояли и, прищурив свои глаза, наслаждались свежим воздухом и теплом, глубоко вдыхая утренний воздух.

– Это наши владения, а живем мы чуть поодаль в лесу. Вы окажете нам честь, если согласитесь разделить с нами травезу.

– Разделить с вами трапезу – вы, верно, хотели сказать, Ваша Милость? – отозвался один из снуффов из-за спины Урка.

– Именно, именно. А теперь берите ваше парнокопытное и следуйте за мной.

Ноэми отвязала осла и неторопливо пошла за вожаком. Остальных снуффов уже не было поблизости, и девочка тут же предположила, что они отправились домой.

Диковинные растения на поляне, доходившие ей до щиколотки, с каждым шагом становились все выше и выше. Они источали цветочный аромат, но не похожий ни на один, что прежде удавалось слышать Ноэми. Цветы были приятными

на ощупь, когда она прикасалась к ним, и ни один лист не пытался поранить или ужалить ее, как это делали прежде разные растения, которые дядя Йарок называл сорняками. Ей казалось, что если бы они росли еще чуть гуще, то она с удовольствием улеглась бы на них и проспала до самого вечера, окунувшись в объятия этих невиданных благоуханий.

– Наши предки веками жили в этой долине, – на ходу заговорил Урк, слегка подпрыгивая на своих четырех лапах. – Люди очень редко забредают к нам.

– А почему?

– Не знаю. Наверное, потому, что наше поселение находится слишком далеко от всего на свете. Но когда кто-нибудь все же забредает к нам, мы прячемся, чтобы нас не заметили.

– А почему прячетесь? Разве люди вас обижают?

– Нет. Нет, Ваше Величество. Просто... Просто все они такие большие и сильные. Это заставляет нас испытывать страх. По этой причине и мы сами никогда не выходим из этой долины.

– Но как же мир?

– А что мир?

– Ваши цветочки очень красивые, и я никогда бы не увидела их, если бы... – Ноэми осеклась. Урк сразу решил, что она подумала о чем-то грустном, и не стал ждать, пока она закончит.

– Не знаю, что нужно людям, но все, что необходимо нам, у нас есть. Еда, вода, стая и возможность продолжить род.

Ноэми пожала плечами.

– Наверное, я просто другая, – вздохнула она. – А как вы научились говорить?

– Что значит «научились говорить»? – несколько встревоженно и даже с обидой в голосе отозвался Урк. – Так же, как и люди, и маленькие люди, и смешные люди с острыми ушами. Мы ничем не хуже других.

– Но вы же больше похожи на зверьков, чем на людей. А зверьки разговаривать не умеют.

– Или не хотят?

Последний вопрос снуффа заставил Ноэми утонуть в собственных мыслях. Сначала она думала о том, что, быть может, все звери действительно говорящие и все время приговариваются в присутствии человека, потому что когда-то их предки поклялись Грому никогда не признаваться в этом, а затем незаметно для себя уже размышляла о том, что солнышко на небе так сильно греет, что ужасненько хочется снять плащ.

– А вот и наш дом, – внезапно произнес запыхавшийся снуфф.

Взойдя на холм, обросший густой зеленой, но невысокой травой Ноэми увидела поселение забавных зверюшек.

За пригорком простиралось множество маленьких домиков, построенных скорее от безделья, нежели чем от необходимости, потому что чуть дальше виднелось некоторое количество нор, больше похожих на лисьи и в которых, Но-

эми предположила, снуффам и так было удобно. Вокруг домишек стояли крохотные заборчики, призванные огородить палисадники из тех же чудных растений, в которых девочка недолго утопала на поляне, но в которые уже безумно влюбилась.

Снуффы сновали по поселению вальяжно, лениво и блаженным взглядом посматривали по сторонам и друг на друга. Одни из них на берегу небольшой речки с неизгладимым удовольствием выкапывали из песка что-то непременно ценное и нужное только им; другие учили плавать своих детенышей, предусмотрительно придерживая тех за крохотные животики и упитанные бока; третьи нашли или, быть может, запаслись заранее чем-то съедобным, но твердым и, улегшись в тени одного из множества деревьев на границе поселения, с каким-то особым возбуждением грызли это – кору дерева, ветку, давно сорвавшуюся со ствола и превращенную в сухую твердую палку; некоторые из забавных существ в неописуемом удовлетворении обсасывали стебли невиданных прежде маленькой королевой растений.

Ноэми и Урк спустились по тропинке, что вела с холма, и пошли между разноцветными, словно цветы на поляне или лица у снуффов, домами.

– Тут мы воспитываем защитников нашего поселения. – Урк указал на домик, у которого два снуффа, вцепившись друг в друга, лежали, подергивая конечностями в ленивой схватке, и, казалось, едва сдерживались, чтобы не уснуть.

– От кого вы защищаетесь? – поинтересовалась Ноэми.

– От лис и волков. В отличие от людей, они хорошо чувствуют нас и нападают, когда мы уходим далеко от Йеллебугга поодиночке.

– Йеллебугга?

– Йеллебугг, все верно. Так называется наш дом.

– Как интересно... – задумчиво произнесла девочка и поторопилась за вожаком, который ушел вперед, пока она осмысливала причудливое название деревеньки.

– Осла придется оставить тут, Ваше Величество, – сказал Урк, вставая на задние лапы и указывая на спутника королевы. – Дальше вглубь поселения слишком мало места для него. Харольд! Накорми и напои животное.

– Да, Ваша Милость! – Харольд выбежал откуда-то из-за дома, весь мокрый и покрытый сырым песком.

Самые большие домики были размером с Ноэми, и ей казалось, что она настоящая великанша, способная ненароком наступить не туда и сломать пару-тройку строений. Отчего девочка шагала осторожно, по пути пропуская зазевавшихся снуффов, которые не обращали на нее никакого внимания, больше сосредоточившись на собственных занятиях. Некоторые из забавных зверьков сваливались на бок прямо на ходу и принимались храпеть, внезапно поддавшись дневному сну.

– Мы уже пришли.

Урк и Ноэми встали у самого большого дома в поселении с

синей крышей и широким окном, выходящим в сторону гор.

– Тут ты можешь остаться на столько, сколько пожелаешь, – сказал Урк, уткнув лапы в бока. – Я велю приносить тебе пищу и свежую воду каждый день. За ослом твоим присмотрят, не беспокойся. Ты, верно, торопишься отбыть?

– Не совсем, – грустно ответила девочка, словно за мгновение перед ней пронеслось все то, почему она оказалась в пути. – Точнее сказать, я не помню, куда должна идти. Дядюшка говорил мне, но я забыла...

– В таком случае твое пребывание здесь не ограничено, а, как вспомнишь, мы тебя снарядим и отправим в добрый путь. А до того чувствуй себя как дома, королева.

Снуфф чуть подтолкнул девочку к дому, придавая той решительности, и дружелюбным взглядом наблюдал, как она входит внутрь. Удостоверившись, что она закрыла за собой дверь, он опустил передние лапы на землю и ушел.

Ноэми досчитала до четырестот семьдесят восьмого дня и перестала следить за количеством дней и ночей, проведенных в Йеллебургге – воистину волшебном поселении невиданных ей раньше существ.

Она целыми днями играла со снуффами, участвовала в ежедневных обрядах, устраиваемых Урком для всей деревни, собирала в долине лепестки разноцветных цветов и раскладывала их в своем доме. Когда они засыхали, она бежала на опушку, где провела последнюю ночь перед знакомством с волшебными зверьками, и нарывала новых. Иногда,

засмотревшись там на звездное небо, она пыталась вспомнить название того места, в которое отправил ее дядюшка Йарок перед смертью, но ничего не выходило, и она засыпала в обнимку с Харольдом, снуффом, с которым они стали неразлучными друзьями.

Так, первое время она еще таила надежду добраться до неведомой страны и выполнить последнюю волю дядюшки, но любовь к снуффам настолько захватила ее сердце, что она решила навсегда остаться среди них.

– Ноэми! – радостно завопил Харольд, распахивая дверь, в надежде испугать спящую девочку. – Пошли купаться! Сегодня очень тепло для того, чтобы проваляться у реки весь день!

Ноэми лениво открыла глаза.

– Я спать хочу. Давай позже.

– Я тоже хочу спать. Но позже будет не так тепло. – И он принялся зубами стаскивать с нее одеяло.

– Проклятье!

Королевна, как ее называли снуффы, впервые за долгое время вспомнила слово, которым выражался дядя Йарок, когда у него что-то не получалось или она будила его после долгой ночи, в которую он совсем не мог уснуть. Сейчас маленькой девочке это слово показалось наиболее уместным.

– Проклятье? – тут же подхватил возбужденный солнечным днем снуфф. – Проклятье! Проклятье!

– Перестань.

– Почему? Мне очень понравилось это слово. Проклятье! Проклятье!

– Его нельзя так употреблять. – На запрет Ноэми Харольд выпучил свои большие глаза. – Это плохое слово. Оно... Ну, его можно говорить, только когда ты чем-то расстроен.

– Значит... – снуфф опустил хвост. – Я тебя расстроил?

– Нет. То есть. Я сама до конца не знаю. Просто не говори его постоянно.

– Тогда пошли купаться, – Харольд широко улыбнулся. – Или я буду говорить это слово целый день у тебя под ухом. Проклятье! Проклятье!

– Хорошо. Хорошо. Пойдем, – сдалась Ноэми и натянула штаны, которые уже пестрели маленькими дырочками и стали совсем выцветшими.

Дойдя до речки и опустив в нее ладонь, Ноэми с радостью определила, что вода теплая и искупаться в ней будет самым настоящим приключением. Однако тот факт, что вода доставала ей едва выше пояса, всегда несколько разочаровывал, и вдруг ей пришла идея пойти дальше по течению и найти место, где она сможет нырять с головой.

– Эй, Харольд! – крикнула она весело плещущемуся неподалеку снуффу. – Пойдем туда! Я желаю найти место поглубже, чтобы понырять.

Харольд удивленно осмотрелся, а потом глаза его заблестели, и он радостно закивал.

– Я знаю, где большой водопад впадает в одно озеро вме-

сте с нашей рекой! – снуфф намеренно затягивал слова, чтобы произвести на девочку еще большее впечатление.

– Веди! – отозвалась она, схватив всю уже снятую с себя одежду, и побежала следом.

Они пробирались вдоль берега сквозь высокие заросли папоротника, играя в догонялки. Они прятались друг от друга, находя это веселым – напугать другого своим отсутствием. Когда у потерявшего своего друга уже чуть ли не начинали бежать слезы, второй показывался и, весело хохоча, увлекал за собой.

Так они добрались до долины, где с высокого склона падал исполинский водопад. Он разливался по небольшому озеру, в которое впадала та же речка, что бежала вдоль поселения снуфффов.

Ноэми бросила одежду и плюхнулась в воду. Харольд прыгнул следом. Теплые лучи солнца согревали лицо девочки, а прохладный ветерок тут же остужал его, придавая купанию какое-то особенное чувство.

Повсюду летали бабочки с яркой окраской на своих крыльях, на которых забавляющиеся могли разобрать морду медведя или взошедший на небо полумесяц; квакали лягушки, соблазняя поймать себя и возомнить великим охотником; щебетали птицы, мелодичного пения которых Ноэми не слышала никогда прежде.

Вскоре им наскучило плавать из стороны в сторону, окутаться и выпускать изо рта струйки набранной до этого во-

ды, и они принялись обрызгивать друг друга и укрываться от навязчивых капель. Смех Ноэми и Харольда трещал на всю долину, заглушая даже шум водопада.

– Все. Все. Хватит, – смеясь остановила снуффа Ноэми после очередного нападения на себя. – Я устала.

Харольд еще недолго улыбался, с трудом сдерживаясь от того, чтобы продолжить забаву, но в конце концов, послушав девочку, закрыл глаза и перевернулся на спину, чтобы отдохнуть. В этот же миг на него опустился целый фонтан брызг и он, задыхаясь от неожиданности, принялся разворачиваться, чтобы отомстить обидчице. Но Ноэми уже, звонко смеясь, плыла в сторону водопада. Снуфф поплыл следом, высунув от усталости язык и динамично размахивая в воде своими короткими лапами.

Ноэми подплыла к водопаду и оглянулась. Улыбающаяся морда Харольда стремительно приближалась и озиралась таким диким взглядом, что Ноэми стало не по себе и она сама не понимала, почему вдруг так испугалась, словно на нее плыл кровожадный крокодил, а не дружелюбный снуфф.

Девочка стала отплывать, превратившись из забавляющегося ребенка в испуганное дитя, и не замечала воды, что падала за ее спиной с высоты. Водная стена попыталась засосать Ноэми, но, приложив немного усилий, ей все-таки удалось выплыть, и от облегчения она, вновь звонко захохотав, погрузилась в воду в надежде незаметно улизнуть от снуффа.

В поисках своей подруги Харольд подплыл очень близко

к водопаду, и в этот самый момент течение, уходящее куда-то внутрь горы, подхватило его и потащило сквозь водяную стену.

Последнее, что успела увидеть Ноэми, когда выплыла из-под воды, были испуганные глаза снуффа, который в панике старался грести еще сильнее, задыхался, давился водой, навязчиво заползающей ему в рот, и вскоре исчез в бурлящем потоке. На озере воцарились прежние звуки, избавленные от детского хохота и присутствия разговорчивого снуффа.

Ноэми гребла на одном месте, испуганно глядя в сторону водопада, в надежде, что сейчас Харольд вынырнет из-под воды и опять громко засмеется. Но никто не выныривал. Прошло некоторое время, прежде чем девочка решилась и осторожно подплыла к месту, где в последний раз видела своего друга.

Ноэми вглядывалась в пространство за водопадом. Все внутри горы обдавалось разноцветным свечением так, что она смогла разглядеть глубокую бездну, в которую стекала почти вся вода.

Держась за ветку, торчащую из скалы, она поддалась течению и попыталась заглянуть как можно дальше. Ничего.

– Харольд! – громко закричала она в надежде услышать уже родной голос снуффа. – Харольд! Харольд! Харольд!

Но отвечало ей только собственное эхо, ускользящее куда-то вглубь горы вместе с ее голосом.

Она не сдавалась и продолжала звать друга. Слезы кати-

лись по ее щекам от страха и жалости к доброму существу, которого она считала самым близким на всем свете.

Когда Ноэми бросила все попытки докричаться до Харольда, уже стемнело. Она хотела бы звать его дальше, но теперь вода стала совсем холодная, отчего ее губы посинели, а зубы застучали, не позволяя произносить слова.

Не отрывая взгляда от места, где пропал снуфф, она вышла на берег. Слезы вновь потекли по ее щекам. Дрожащими руками она натянула на себя льняную рубаху, штаны, надела маленькие башмачки и укуталась в плащ.

Она медленно шла вдоль реки обратно к поселению снуффов, когда вдруг остановилась и села под деревом с широкой, оберегающей от начинающегося дождя кроной.

На долину опускался сумрак. Совы, которые помалкивали днем, заукали, дятлы застучали. Из-за спины Ноэми стало доноситься еще множество звуков, и весь лес будто ожил к вечеру, добавляя в симфонию бьющего водопада множество интересных, но пугающих одинокую девочку мелодий.

Ей было грустно. Вина за гибель Харольда тяжелым бременем ложилась на детские плечи. Её преследовало ощущение, что она совершила что-то настолько плохое, чего другие снуффы теперь ни за что не простят, а хуже того – накажут, изгонят, пристыдят, и жить после всего этого станет невыносимо. В собственные мучительные мысли зарывала себя Ноэми все глубже и глубже, пока не заснула.

Проснувшись наутро, ей на мгновение показалось, что все

это сон. Что ей приснился весь вчерашний день. Потом она стала убеждать себя в том, что сном является все, что случилось в Йеллебургге. И сам Йеллебургг не что иное, как ее фантазия, и королевство на букву Т – это единственное место, в которое ей нужно попасть и куда она уже так бесконечно долго бредет.

Ноэми осмотрела несколько деревьев в ближайшем лесу, определяя северную сторону, и двинулась на юг.

Солнце взбиралось на небо и пропадало с него день за днем, выслеживая девочку, идущую невесть куда и невесть зачем. Ноэми питалась ягодами, спала, укутавшись в плащ и обхватив колени руками, в каких-нибудь неприметных в лесу местах, пока в конце концов не вышла на большую дорогу, всю утоптанную и измученную колеями, о которой когда-то была предупреждена, но теперь совершенно позабыла об этом.

Она шла по большаку уже полдня, как вдруг услышала стук копыт за спиной.

– Ты потерялась, девочка? – произнес кто-то, определив со спины, что это именно девочка.

Ноэми вздрогнула. Ее сердце заколотилось, а слезы крупными горошинами посыпались из глаз. Она совсем отвыкла от любого общества и теперь не знала, испугалась она незнакомца или обрадовалась ему.

– Не бойся меня, маленькая госпожа, – продолжил догнавший ее человек успокаивающим голосом. – Я Йорд. Благо-

родный рыцарь. Дама моего сердца Уфинна Градская из Шаграда. Я славлю ее красоту по всей Неймерии, клянусь рыцарской честью и собственной жизнью. Сейчас держу путь в Туурин, чтобы восславлять ее красоту по всему восточному королевству. А как тебя зовут, маленькая госпожа?

Благородный рыцарь все время придерживал коня, чтобы не обогнать девочку.

– Ноэми, – ответила она, слегка повернувшись и показав свое чумазое лицо. – Вы сказали, что едете в Туурин?

– Именно туда и сказал. Касандрой клянусь. Почту за честь сопровождать вас, маленькая госпожа, если вы держите путь туда же, – рыцарь дружелюбно улыбнулся.

– Кажется... мне тоже надо туда.

Глава 9

– Господин Вастерас находится в заточении у короля Дордони. – Высокий эльф опустил голову и замолчал.

– Что произошло? – Синева забушевала в глазах чародейки.

– Рогар Вековечный обвинил его в предательстве.

– Бездна! – выругалась Ноэми. – Кто сейчас возглавляет вольных магов?

– Ответ вы найдете в этом письме. – Слуга поклонился, протягивая свернутый лист.

– Что за письмо? – спросила волшебница, забирая его из рук эльфа.

– Господин велел передать его вам, если с ним что-то случится. Я лишь исполняю приказание.

Чародейка развернула лист и начала читать:

«Ноэми. Дорогая моя. Верно, что я попал в беду, раз Искель передал тебе это письмо. Почему я не говорю о смерти? Вряд ли кто-то после стольких лет моей длинной жизни осмелится лишить меня ее. Но стать препятствием любимыми другими способами нашей великой миссии, представляется мне, у кого-то все же получилось. Мне так много нужно рассказать тебе. Прости, что я не набрался смелости сделать этого раньше. Но сейчас, клянусь, я напишу тебе все, что ты должна знать».

Чародейка убрала письмо.

– Я прочитаю позже, – неуверенно сказала она. – Не здесь.

– Конечно, госпожа. Есть еще кое-что, – неуверенно и с опаской произнес слуга.

– Говори.

– Господин приказал мне устроить сбор магов в тот же день, когда я получу любые печальные известия о его судьбе и передам вам послание. Вольные маги уже оповещены о том, что собрание состоится сегодня в полночь на том самом месте. По поручению древнего, вы должны на нем председательствовать.

– Проклятье! – Ноэми нахмурила брови. – Я воин, а не лидер, Искель. Поручи председательство кому-нибудь еще.

– Боюсь, это не в моих скромных силах, госпожа. Я лишь исполняю предписания моего господина. Он велел так.

Чародейка тяжело выдохнула:

– Ну, хорошо. Я буду на совете. Как понимаю, все указания я найду в этом письме.

Искель кивнул, поклонился и вышел за дверь. Ноэми подошла к окну.

Взгляд чародейки падал на Старгорд с высоты каменной башни. Чайки кружили над крышами домов. Чуть дальше от берега на якорях стояли разные морские суда и раскачивались на высоких волнах Вечных Вод, которые нес к столице королевства виднеющийся вдали шторм. Город простирался на много верст в глубь материка, и даже с башни было невоз-

можно увидеть его границ. Лишь россыпь жилых домов редела к горизонту, но все же не заканчивалась. День был в самом разгаре, и волны различных звуков трудового дня, перемешиваясь друг с другом, накатывали на Ноэми и сбивали ее мысли в кучу.

Чародейка должна была пойти на совет, но сейчас даже не знала, о чем будет говорить. Нужно будет принять решение, что теперь, после заточения Вастераса, нужно делать вольным магам. Приказать всем разбрестись по материку или сплотиться еще сильнее, чтобы противостоять королю Дордонии и Ордену Защитников? Или, быть может, наплевать на принципы и призвать присоединиться к армии творсийского императора? К чему она будет подталкивать магов сегодня, если в письме не будет точных указаний?

Все же сейчас волшебницу больше волновала судьба странника. Теперь, когда на ее плечи ложилась самая большая ответственность за всю жизнь, ей больше всего хотелось отречься от нее и броситься на помощь Сарвиллу. Возможно, и потому, что после его освобождения она сможет возложить на него то бремя, которое, скорее всего, этим самым письмом старый эльф возлагал на нее саму.

Чародейка зацепила брошью плащ на шее и спустилась вниз по узкой винтовой лестнице.

Снаружи дул прохладный ветер и не позволял улицам города заполниться дамами, по обыкновению, гуляющими по ним в жаркую погоду. Сейчас между домами бродили пре-

имущественно мужчины – плотники, чинившие расшатанную дверь одного здания и ремонтирующие забор вокруг него, снесенный неведь кем и почему; стражники с алебардами на плечах, патрулирующие улицы города и неспешно передвигающиеся по ним; купцы, предлагающие свой товар вне зависимости от погоды и количества людей улице; нищие, стоящие на коленях, уткнувшись головой в землю, тянули свои руки, моля о подаянии. Все остальные обязательно спешили и второпях ударялись друг о друга, наступали на руки бездомным, случайно врезались в руки торговцев, сующих товар каждому под нос, и ускользали в переулки.

Ноэми оказалась той, что выбила жестяной маленький чайник у господина, желающего на нем заработать, тут же извинилась, подняла предмет, сунула обратно в руки уже разразившемуся проклятиями купцу и нырнула к лестнице, ведущей на холмы в сторону, противоположную от Вечных Вод.

Лестница была сложена из сотен ступеней и на первый взгляд совсем не казалась серьезным испытанием для прохода в другую часть города. Однако, пройдя только четверть пути, у любого путника возникало непреодолимое желание вернуться и отложить путешествие на следующий день. Ноэми же, полностью погрузившись в собственные мысли и не замечая удивленных взглядов спускавшихся сверху, преодолела ступеньку за ступенькой, словно шагала по ровной поверхности.

На самом верху раскинулся сад, густо заросший деревьями и обставленный каменными скамьями. Недалеко бил родник, вода из которого узким ручейком стекала на другую сторону города, а птицы щебетали с веток деревьев, подлетая совсем близко к скамейкам, когда какой-нибудь прохожий или проводящий здесь неспешно время решался их покорить.

Даже с этой высочайшей точки Старгорда не было видно, где начинается дорога, уходящая к Змеиному Тракту, и ведет на свободу просторного материка из плотно застроенной столицы Туурина.

Ноэми пробиралась по лабиринту недавно остриженных кустов, не раздумывая над направлением, словно точно знала, где и когда повернуть, пока в конце концов не села на одну из скамеек.

Некоторое время она собиралась с мыслями, словно опасаясь узнать то, чего она знать совсем не хотела, затем достала письмо и принялась читать:

«...Раньше ты часто задавала мне один вопрос: как мы впервые встретились, дядюшка Вастерас? И каждый раз мне было больно отвечать на него, потому что только в эти моменты я был вынужден тебе лгать. Это единственный побочный эффект той магии, что я применил. И как радуется мое сердце сейчас, в тот момент, когда я готов открыть правду о твоём появлении. Читай и будь хладнокровна, чародейка, как ты всегда умела это делать.

Однажды ты прибыла в Туурин в обществе одного славного рыцаря. Его звали Йорд. К сожалению, у меня не было возможности узнать больше подробностей о его титуле или месте его рождения, потому что благородный на первый взгляд воин пал в бою на постоялом дворе на самой окраине Анаида, защищая честь дамы своего сердца. Я стал невольным свидетелем традиции, которая не имела никакого значения в этих краях, но все же унесла жизнь наивного молодого человека.

После своей победы паладин из Ордена Защитников, как и полагается, взял все имущество убитого, включая его оружие, доспехи и даже слуг. Он забрал бы и тебя, но смыслённые верные люди бедного Йорда, разглядевшие в тебе магические способности заблаговременно и предвидя скорбный для их хозяина исход поединка, спрятали тебя, чтобы уберечь от сожжения на костре, на который в те времена дети шли наравне со взрослыми. Так наутро, собираясь уезжать в Дордонию, я наткнулся в конюшне на продрогшую голодную и чумазую девочку.

Накормив и напоив тебя, я узнал историю твоей короткой жизни. Конечно, ты была ребенком и мало что помнила, к тому же пытаешься защитить себя разными фантазиями вроде невиданной говорящей породы собак, среди которых будто бы провела какое-то время, сбивала меня с толку. Однако тщательно сопоставив факты позже и вычеркнув из них результаты твоего одиночества в виде выдуманных подробно-

стей, мне удалось узнать следующее.

Ты наследница Холденфелла. Дочь конунга Искрада и Эстарады. Предки твоей матери владели всем севером до того, пока предки твоего отца не свергли прежних правителей. Но через несколько поколений последний конунг Холденфелла влюбился в девушку, в которой текла кровь древнего рода. Так любовь смогла найти компромисс и север перешел в руки законного наследника с непоколебимой поддержкой действующего.

Все оставалось бы так же безоблачно и до сей поры, если бы Орден Защитников не устроил охоту на магов. Так твоя мать, имея магические способности, вновь стала главным народным врагом, обрушившим на и так неплодородные земли Холденфелла новую напасть. Вскоре ее сожгли в Амарилизе, а твой отец, принеся эту жертву, сохранил свой трон...»

Ноэми поднесла ладонь ко рту и, переведя дыхание, продолжила читать:

«Меня до глубины души затронула твоя история, и я нашел тебе дом, в котором ты выросла и который хорошо помнишь.

Почему до этой поры тебе были не известны никакие подробности того, что я описал выше? Потому, что мое сердце было не способно выдержать историй о кошмарах, приходящих к тебе по ночам и заставляющих тебя просыпаться в слезах. Однажды я наложил на тебя чары забвения, и ты больше никогда не вспоминала про север.

Воспитав тебя по восточным традициям, ни у кого вокруг и мысли не могло возникнуть о том, что ты из Холденфелла. Я должен был защитить тебя от участи матери и сделал это. Надеюсь, твой гнев не будет столь силен, чтобы не понять моих мотивов и не одобрить их. Ведь Защитники очень долго искали пропавшую дочь Эстарады и не сдавались, пока им не пришлось поверить в слова твоего отца о том, что ты умерла по дороге в Амарилиз вместе с остальным насмерть замерзшим отрядом.

Теперь, когда ты знаешь, кто ты, я хочу, чтобы ты знала, зачем я открыл тебе правду.

Сарвилл Кхолд. Это не просто человек. Это идея, которая объединила всех вольных магов. Это надежда, которая позволяет им надеяться на будущее, где на них не будут вести охоту и угроза смерти больше не нависнет над невинными. Это тот лидер, который должен вести за собой магов и принимать те решения, что приведут к описанному мной счастливому будущему. Твоя задача, как и прежде, заключается в том, чтобы передать бразды правления дастгардскому медведю. Он и есть тот Спутник, о котором я когда-то рассказывал тебе. Именно с его помощью сила любого мага будет превосходить привычную ему в десятки и даже сотни раз.

Признаюсь тебе, мне никогда не приходили видения о том, что именно должен сделать странник с великой силой, данной ему, кроме того, что он уничтожит нечто, неподвластное пониманию человека и нелюдя. Но кто мы такие,

чтобы препятствовать провидению?

Дай Сарвиллу Кхолду власть. Сведи вольных магов и Спутника. Служи ему и спаси Неймерию. А до тех пор возглавляй вольных магов и показывай им путь, по которому они должны идти.

Твой отец будет хорошим союзником в борьбе с предназначением. Найди его и прими помощь, которую он окажет в нашем нелегком деле.

И еще одно. Что бы со мной ни случилось, забудь обо мне. Старый эльф сыграл свою роль. Теперь ты должна следовать за странником и беречь его до последнего издыхания. Он наше спасение».

Чуть ниже уже другими чернилами была приписка:

«Искель. Если по какой-то причине Ноэми не может получить это письмо, твоей важной миссией становится найти Сарвилла Кхолда и передать мои слова ему. Теперь ты слуга странника».

Ноэми с усилием опустила письмо, словно это был не лист, а тяжелый боевой топор.

Через несколько скамеек от нее все это время сидела старушка. Она довольно улыбалась дующему прямо в лицо прохладному ветерку и вглядывалась вдаль сквозь заволокший вершину холма туман.

Теперь она достала из мешка несколько кусков хлеба и, измельчая его в крошки, рассыпала по земле перед собой. Птица с красно-синим оперением тут же приземлилась непо-

далёку и, словно просто случайно прогуливаясь в этих краях, стала бросать косо́й взгляд на угощение. Подбираясь все ближе и ближе, она клюнула крошку и тут же отлетела обратно на безопасное расстояние. Поняв, что ее не преследуют, она вернулась и, клюнув еще раз, уже не отлетала далеко. Совсем осмелев, она принялась обедать, не замечая людей, сидящих совсем близко. Несколько птиц тут же сорвались с веток дерева и через несколько мгновений уже заполонили пространство перед старушкой.

– Я люблю птиц, – вдруг заговорила престарелая женщина. – Они вольны делать все что угодно. Улетать далеко. Через горы, моря, реки. Преодолевать огромные расстояния. Но где бы они ни были, где бы им ни было хорошо, они всегда возвращаются домой.

Довольная улыбка собрала еще больше морщин на щеках женщины.

Темное помещение было пронизано холодом и сыростью. Факелы, не в силах осветить каждый угол, коптели стены, на которых висели. Паутина целыми прядями свисала с потолка, а камень, выточенный специально для сидения ряд за рядом, высился к выходу. Крысы ползали по сырому полу и, почувствовав даже малейшую угрозу быть раздавленными, разбегались по сторонам и прятались в щели, через которые

утекала вода, заливавшаяся сюда снаружи.

Промокшие под ливнем снаружи горожане в плащах заходили внутрь, усаживаясь на свободные места. В воздухе смердело. Вонь разносилась далеко за пределы выхода, поэтому все, кто шел на тайный совет, заблаговременно намазывали шарфы вокруг нижней части своих лиц не только для того, чтобы хоть как-то защититься от запаха, но и для того, чтобы скрыть свою внешность даже после того, как снимут капюшоны.

Внутрь входили старики и дети, женщины и мужчины, люди и нелюди. Каждый, кто снимал капюшон, вызывал жалость – истощенные лица, шрамы от ожогов и стали, грязные спутавшиеся волосы, дрожащие руки и испуганные глаза. Они все как один ступали осторожно, плавно и как будто опасаясь какой-то смертельной ловушки, поставленной тут специально для них.

Ноэми вошла в подземелье, которое прежде служило, видимо, в качестве склада, но из-за повышенной сырости было брошено и забыто горожанами, – твердой и уверенной походкой вопреки остальным. Она знала, что опаздывает, но больше всего проклятий по дороге вырвалось из ее уст из-за того, что она легко могла оградить себя от ливня и не быть сейчас промокшей насквозь, но из-за охоты на магов вынуждена была вымокнуть, как остальные.

Все присутствующие обернулись на стук каблуков, бросив на нее испуганные и неуверенные взгляды. Воздух вокруг пе-

рестал быть напряженным после того, как чародейка сняла капюшон, а ее мокрые иссиня-черные локоны и васильковые глаза представились за нее.

Волшебница прошла в самый центр, скинула промокший плащ на свободное место, отбросила сырые волосы назад и заговорила.

– Вастерас в плену, – сказала она.

Бурное обсуждение пустилось по рядам, смешиваясь в один безобразный галдеж. Кто-то принялся сетовать сидящим рядом об окончании сопротивления, кто-то разразился проклятьями, кто-то начал стенать о разрушенных планах, а иные чуть тут же не встали и не покинули совет, поддаваясь собственному страху, но Ноэми перебила толпу, не позволяя спонтанным рассуждениям сбить магов с толку.

– Вастерас предупреждал нас о том, что в любой момент может умереть. Хоть он и не ушел из жизни, но мы все же теперь вынуждены обходиться без него. Мы с самого рождения обречены жить с мыслью о своей внезапной гибели или кончине наших близких. Это не наш выбор. Но выбор тех, кто желает истребить нас, словно каких-нибудь животных.

– Где Сарвилл Кхолд? – выкрикнул кто-то из толпы.

– Да, где странник?

– Вастерас обещал нам человека, который поведет нас к свободе? И теперь нет ни того ни другого!

– Вастерас тут! – оборвала выкрики Ноэми, поднимая письмо над головой. – Если вы думаете, что он оставил нас,

то вы ошибаетесь! Здесь есть все указания, следуя которым мы обречем свободу.

Маги замолчали в ожидании подробностей. Ноэми бросила взгляд на двух людей, сидящих перед ней. Лицо женщины было выпачкано золой и казалось бесконечно грустным, а мужчина, совсем исхудав, так, что плащ висел на его торчащих из плеч ключицах, глядел на нее измученными глазами. На руках у женщины был маленький ребенок – достаточно взрослый, чтобы не реветь по каждому малейшему поводу, но недостаточно зрелый, чтобы остаться одному за пределами совета.

Это была девочка. Она смотрела на Ноэми большими синими глазами, и в них едва начали виднеться цунами оттого, что чародейка задержалась своим суровым взглядом на ее лице. Девочка засовывала грязные пальцы в рот и пачкала собственное лицо, внимательно смотрев в ответ. На маленьких ножках не было башмачков, они легко дрожали, высушившись из-под одеяла.

– Кто-то из вас здесь год, кто-то пять лет, кого-то я вижу впервые, а некоторые с нами с самого рождения. – Ноэми еще раз посмотрела на девочку. – И никогда за все время, сколько я помню эти собрания, мы не были так близки к победе. Лишь только странник присоединится к нам, как будет положено начало новой истории.

– Что странник даст нам? – спокойно проговорил старец с длинной седой бородой, сидящий в первом ряду. – Вастерас

всегда говорил, что он должен возглавить магов, но никогда не упоминал о том, почему с помощью лишь одного человека мы должны сделаться непобедимыми. Если вы знаете ответ, госпожа, сейчас самое время поведать его всем присутствующим здесь. Ведь в этом письме он есть, верно?

Ноэми не хотела говорить много, но сейчас ее вынуждали.

– Хорошо. Сарвилл Кхолд – Спутник. Согласно написанному Вастерасом в письме, он тот человек, в присутствии которого сила мага увеличивается многократно.

– Простите меня, – вмешалась в полемику женщина с остриженными коротко седыми волосами. – Но многократно силу могут увеличить лишь годы упорных тренировок. А если вы говорите про источник неисчерпаемой энергии, то всем известно, что это может быть лишь одна из стихий, но никак не человек.

– Тогда я приведу пример, – спокойно ответила Ноэми. – Здесь присутствуют маги всех стихий. Вы знаете, на что способны даже самые сильные представители каждой стихии. Многие из вас также знают, на что способна я. У наших возможностей есть вполне четкие пределы. А теперь представьте, что в присутствии Сарвилла Кхолда где-то поблизости, даже не в одном помещении, я смогла подчинить своей воле море.

Ошарашенные известием маги охнули, и перешептывание побежало по внимательно внимающим прежде рядам.

– Не стоит даже говорить о том, что небольшая армия ма-

гов, возглавляемая странником, способна выиграть любую битву.

Кто-то из присутствующих начал хлопать, и вслед за ним понеслись громкие, но выдержанные аплодисменты. Люди с обреченными до этого лицами вдруг заулыбались. Но делали это так нелепо, словно никогда не улыбались прежде.

– У меня есть один вопрос, госпожа.

Громкий голос донесся с последних рядов, словно беспощадный гром разразил безоблачное небо.

– Где этот странник сейчас? Он направляется в Старгорд?

Ноэми растерянно посмотрела на всех магов, которые в этот самый миг смотрели на нее глазами, полными надежды, но чем дольше она не отвечала, тем меньше блеска оставалось в глазах у присутствующих.

– Нет. Он в Башне Стихий.

Ветер разочарования пронесся по сидящим перед Ноэми и вернулся обратно к раздосадованной чародейке.

– Это безнадежно! Мне надоели пустые надежды! Я желаю ехать в Творс! – вдруг донеслось с задних рядов. – Кто поедет со мной?

– Творс? – в недоумении произнесла Ноэми. – И что вы там будете делать? Все маги в Творсе приносят присягу императору. В конце концов, вы хотите воевать за себя или за Творс?

– По крайней мере, Творс реальная империя, где маги могут существовать, – не унимался мужчина, – а не пустая на-

дежда на светлое будущее. Хотите умереть в этом паршивом городе? Валяйте! А я ухожу.

Старец поднялся с места и пошел к выходу. Следом за ним, разочарованно мотая головами, последовало еще несколько магов.

В помещении повисла тишина. Сейчас Ноэми не могла заставить волшебников безоговорочно поверить в то, что странник обязательно придет, как это делал Вастерас. Быть может, старый эльф все видел своими глазами и поэтому мог убеждать бедных магов так хорошо, что ни у кого не оставалось сомнений. Но Ноэми... Ноэми и сама уже не верила, что все получится, и поэтому не могла нагло лгать оставившим в своих сердцах надежду магам, что они непременно освободятся. Сарвилл был в Башне Стихий и, возможно, не выжил. А маленькая синеглазая девочка, сидящая на руках у двух лишенных всех благ родителей, должна была поверить в то, что завтра не придут Защитники и не убьют ее семью.

– Знаете что? – вдруг начала Ноэми. – Идите! Все, кто хочет присоединиться к Творсу или убежать в леса, – бегите. Прячьтесь, пока вас не поймала стража и не начала пытаться до смерти в надежде узнать все наши тайные места встреч. Ведь под пытками вам придется умереть, потому что вы не выдадите остальных, – так же благородно, как другие маги, которые, лишаясь пальцев и других конечностей, попав в плен и умерев в муках, не выдали нас. Каждый из вас ходит на совет как в храм. Молиться и просить Касандру снизить и

позаботиться о загнанных в ловушку душах. А Касандра не появляется, ей нет дела. Но мы готовы ходить сюда каждый раз, как позовут, и молить о пощаде. Ступайте же! Уходите!

Чародейка замолкла. Маги сидели не шевелясь и даже не думали уходить прочь.

– Чего вы ждете? Сарвилл Кхолд сейчас находится в Башне Стихий, и, вполне возможно, что его, как и Вастераса, уже нет в живых. Мы проиграли. Понимаете? И, возможно, присоединиться к Творсу и умереть во имя интересов империи – сейчас действительно лучший выход, чем тот, что всех нас выловят по дороге на очередное собрание.

Все молчали и не двигались. Лишь крысы перебегали по полу. В одном углу уже накапало так, что теперь на том месте разрослась лужа и издавала звук падающих капель, которые теперь с легкостью можно было расслышать. Их никто не перебивал. Эти капли никто и не хотел перебивать. Возможно, просто не знал каким образом.

– Но если вы хотите знать, что буду делать я... Я буду стоять насмерть за свою свободу до тех пор, пока мне и моим близким... – Она еще раз посмотрела на маленькую девочку. – Или таким детям, как этот ребенок, не будут открыты все возможности этого мира, который принадлежит магам в такой же степени, как и любим другим людям и нелюдам на всей Неймерии. И я либо буду свободной. Либо умру.

Недолго после того, как Ноэми закончила свою речь, в помещении было тихо.

– Мы с Айриком можем отправиться в Башню Стихий за странником, – неожиданно заявил молодой человек из первого ряда с рыжими волосами, сползающими на глаза. – Если он там, то вызволим его.

Слова мальчишки воодушевили других магов, и те тут же принялись говорить вслух, перебивая друг друга и желая помочь.

– Я тоже хочу пойти с Тулом и Айриком! – выкрикнула молодая девушка, совсем еще юная для волшебницы.

– И я!

– Я тоже хочу пойти.

Наконец сердце собрания забилося и принялось гонять жизнь по застывшим до этого жилам.

Ноэми увидела волшебников совершенно с другой стороны. Конечно, и сейчас они были измученными, бледными, больными и голодными, но что-то в них поменялось. Огонь разгорелся в их глазах, и те, кто был готов уйти, теперь остались и влились в общую бурю разговоров и обсуждений.

Ноэми невольно улыбнулась, не веря тому, что у нее получилось.

– Я сама лично определю тех, кто отправится за странником, – заговорила она, а тишина, которая, казалось, уже испарилась насовсем, вернулась. – Тул, Айрик и Жельева. Вы втроем не привлечете внимания, но и сможете за себя постоять. Вы пойдете к Башне Стихий. Стойте. Прежде я хочу сказать всем кое-что. Обратного пути не будет, понимае-

те? Выйдя сейчас на улицу, мы начнем ту войну, о которой так часто говорил Вастерас. Война невозможна без смерти. Многие из нас умрут.

То, что разносилось из уст Ноэми под невысоким куполом, приглушало тот пыл, который изобиловал здесь прежде.

– И я уверена, что многие из вас понимали это. Возможно, чувствовать угрозу где-то далеко гораздо легче, чем осознать, что с этого момента твоей жизни угрожает еще большая опасность. Но... Только война за свободу и конечная победа в ней позволят нам и нашим детям спать спокойно. Вы же осознаете это? Вы понимаете, что у нас нет выбора? – Ноэми посмотрела на все ту же чумазую девочку, которая никак не могла оторвать взгляда от волшебницы. – Тул, Айрик и Жельева втроем отправятся в Башню Стихий и вызволят странника оттуда. Я не смогу быть с ними. Я уезжаю в Холденфелл за помощью. Если повезет, то на нашу сторону встанет север. Остальным магам нельзя оставаться в городе. Мы уже больше года прячемся в столице Туурина. Я прошу всех отправиться в дорогу и искать новое пристанище, где после освобождения Сарвилла Кхолда мы сможем укрываться от глаз Ордена Защитников. В Старгорде останется четыре вольных мага в качестве связующих. Это Искель, Доманиан и Лрада. Каждому из них отдельно я сообщу имя четвертого волшебника, с которым буду связываться лично и от которого буду получать информацию, переданную вами. Через него же я сообщу о новом пристанище для всех нас.

Ноэми молча окинула взглядом всех магов, с надеждой смотрящих на нее, и добавила:

– Выходить из города по одному. В крайнем случае семьями. Не объединяйтесь, прошу. Это может быть слишком опасно и необратимо. Прощайте. Мы скоро увидимся вновь. И берегите себя.

Змеиный Тракт – осточертевший многим странникам путь, испокон веков зовущий за собой и манящий с неведомой силой. Для большака было нормой, когда какой-нибудь странник, пересекший весь север материка и проклявший надоедливую дорогу, наконец оказывался дома в полной уверенности еще долго никуда не уезжать, подвластный какому-то непреодолимому внутреннему зову, уже через несколько дней седлал коня и вновь отправлялся в дорогу.

И никто из путников не понимал, что именно так манит его в том, чтобы постоянно ехать в горизонт. Конечно, кроме тех, кто зарабатывал на жизнь дальними путешествиями. Быть может, это неторопливость дел – ощущение, что возникает, когда ты оказываешься в дороге и наконец можешь наслаждаться миром, который в кои-то веки не бежит от тебя, а, наоборот, не может угнаться следом. Быть может, Змеиный Тракт прельщал своих путников байками, которы-

ми изобиловал каждый привал, беззаботностью, пьянством и весельем. Или ощущение свободы было то самое чувство, ради которого все, кто только оказывался дома, вновь спешили выйти на большак.

Ноэми ехала в самый разгар дня верхом на Женева – лошади, любезно подаренной ей гномами в их последнее расставание и названной ей так на площади в Дастгарде. Березы чуть сгибались под натиском частых порывов ветра, подгоняя чародейку на север.

Она ехала уже несколько дней, останавливаясь на привал там, где ночевали какие-нибудь шумные, но дружелюбные путники. Сперва узнав, откуда они родом и куда держат путь, она охотно рассказывала, что сама является бедной крестьянкой из Анаида и спешит на Расколотые Острова, чтобы сообщить родителям мужа о его преждевременной кончине, связанной с неизлечимой болезнью. В своем рассказе она не исключала и того, что сама, быть может, заражена тем же недугом и теперь едет просить у свекра денег, потому что все хозяйство продано, а выручка с продажи ушла на покрытие затрат на похороны и списание долгов, которые после смерти Дулара легли на ее хрупкие женские плечи. Путники сопереживали бедной девушке и даже с каким-то особым усердием несли караул, пока остальные в лагере, включая Ноэми, спали и набирались сил.

Но вот уже два дня Ноэми приходилось ночевать в одиночестве, потому как путников, идущих по Змеиному Тракту,

стало гораздо меньше.

Чародейка не знала, сколько еще дней пути ехать до Амарилиза, а показания попавшихся навстречу владельцев повозок и странствующих рыцарей все время разнились. Поэтому Ноэми взяла за привычку уточнять у прохожих только направление и по случаю угощаться обедом или ужином, чтобы протянуть собственные запасы как можно дольше, все еще не до конца решив, хватит ли у нее сил и мужества увидеться с человеком, который позволил ее матери умереть. Вдруг, думала она, не представится возможности пополнить запасы и в спешке придется ехать обратно.

Очередной день близился к концу. Дорогу уже было плохо видно в свете нависающей с неба луны. Ей жутко наскучило одиночество и хотелось перекинуться с кем-нибудь хотя бы парой фраз. Каждый раз откладывая привал еще ненадолго, чародейка в душе еще надеялась нагнать каких-нибудь запоздалых путников или тех, кто уехал из Холденфелла, чтобы вновь спросить их мнение насчет правящего конунга или услышать какую-нибудь занимательную историю, связанную с вождем на севере.

В конце концов ей померещился огонь. Она поспешила к костру, но чем ближе подъезжала, тем яснее становилось, что это всего лишь мираж – обман зрения, призванный сообщить о том, что пора отдыхать.

Ноэми разочарованно прислушалась к себе и остановила лошадь. Посомневалась еще некоторое время и прищпорила

Женеву со словами:

– Быть не может, чтобы я не успела доехать в самое ближайшее время до какого-нибудь постоянного двора!

Лошадь пустилась в галоп, отдавая последние силы на поиски ночлега для своей наездницы.

Не успели они проскакать и нескольких верст, как наткнулись на постоянный двор. Еще издали чародейка слышала смех, крики и другое великое множество звуков, присущих подобным заведениям. Подъехав к самому зданию, она оставила Женеву среди дюжины черных, как зола, мерин и вошла внутрь, миновав северян, которые предпочитали пировать на воздухе и привлекали наибольшее внимание ко двору своим недюжинным хохотом.

Внутри чародейку обдало теплом. Морозец, что всю дорогу щепал ее за щеки, вдруг с каким-то усердием стал делать это еще чаще, пока не пропал вовсе.

– Комнату, – холодно проговорила она владельцу и положила золото на прилавок.

Огромный мужчина с заплетенной в косу бородой усмехнулся и положил ржавый ключ перед ней.

– На втором этаже. Дверь вторая слева, – проговорил он и побрел относить несколько наполненных кубков к столам.

Ноэми легко отыскала комнату, разложила необходимые вещи и взглянула на кровать. Неприятный запах, что стоял здесь повсюду, исходил от перины и одеяла. Чародейка поморщилась и, с секунду поразмыслив, решила, что все же

шумная компания внизу гораздо лучше стоящей перед ней постели, в которой ей и так придется спать в одежде. Поэтому, задув все свечи, она спустилась вниз.

На удивление, в небольшом, но плотно набитом столами и стульями зале стало спокойно. Люди никуда не делись, просто всеобщее настроение утомилось и заснуло.

Чародейка сидела с кружкой в руке, смотря на огонь в центре зала, и время от времени отпивала содержимое из своей чаши.

Вслушиваясь в разговоры путников, она узнала о том, что на севере беспокойно и местные ярлы вновь затевают какую-то войну между собой; услышала, что кто-то в Тоддене закрыл восемь человек в доме и поджег хату, чтобы доказать кому-то, что пойдет на все, если его условия не будут выполнены; что корабль, прибывший из Южных Земель, вез на борту полсотни рабов, которые теперь освобождены и служат ярлу на Расколотых Островах; о том, что медведь так яростно бился за свою жизнь, что разорвал двух товарищей, прежде чем топор расколол его череп напополам. Но больше всего чародейку заинтересовал разговор за столом, что находился прямо за ее спиной.

– Говорю тебе, одного из них я оставил себе в качестве трофея, – говорил хриплый простуженный мужской голос.

– Зачем он тебе? Подхватишь еще какую-нибудь заразу и потом сдохнешь в подворотне от мучительной язвы, – приглушенно отвечал другой голос, более твердый и молодой.

– Если уж до сих пор не сдох, стало быть, не зараза. К тому же каждый из нас их в руках подержал.

– И что?

– А то, что все мы живы и здоровы.

– Может, те, которых вы держали, здоровые были, а этот один больной.

– А я к этому и не прикасаюсь.

– Расскажи все-таки, как дело было, дядь? Жутко интересно. А то вместо того, чтобы всю правду о приключении поведать, вы все трофеями хвастаетесь. Что сказать, этого у охотников не отнять, – посетовал молодой голос.

– Тут другое дело, Гошек. Если бы мы волка или зайца очередного схватили, я б сам тебе затылок подставил, чтоб ты мне затрещину залепил за такое хвастовство. Только в этом случае магией так и несет.

– Говори уже, чего медлишь? Как учитель ученику. Как положено. Со всеми подробностями на случай, если и мне придется с ними встретиться.

– Эх. Ну ладно, слушай. Хозяин, принеси нам еще меду! В горле пересохло! – загорланил первый, и Ноэми слегка вздрогнула от неожиданности.

Этот возглас тут же пустил за собой волну подобных жадных до выпивки голосов, в спокойном зале вновь стало шумно, и чародейке уже с большим трудом приходилось вслушиваться в историю, которую начал рассказывать охотник.

– Дело было так. Раз в год мы устраиваем что-то типа ры-

царского турнира среди охотников...

– Какого такого турнира? Стрелами в пятые точки друг другу целитесь? – прервал дядю Гошек и захихикал.

– Я те, Гошек, морду разобью, если перебивать будешь. Хочешь? Если нет, тогда слушай, а то сам просил или нет?

– Да ладно тебе, Ярыч, я только повеселиться хотел, а то ты как будто про конец света рассказывать принялся. Весь насупился и важный такой стал. Продолжай. Молчу, молчу.

Безмолвие какое-то время продолжалось, потом послышался всплеск воды и два незнакомца за спиной Ноэми разразились хохотом. Чародейка закатила глаза и отпила из своей кружки.

– Турнир наш заключается в том, – продолжил Ярыч, – чтобы в одно время собраться с другими охотниками в одном месте. Это место, конечно, должно быть в лесу, где разной дичи полно. На самом рассвете мы разбредаемся в разные стороны поохотиться. Поздней ночью возвращаемся на поляну, с которой вышли, и все добытые трофеи получает тот охотник, который принесет дичь крупнее, чем у остальных. Ясно, что на медведей мы не ходим в одиночку, да и притащить его потом без помощи не выйдет. Вон – в прошлом году Сулька из Яромоста вот такого олененка на собственном горбу притащил и всю нашу добычу на свою телегу взгромоздил и увез к себе в Яромост. Зимовал без хлопот, я тебе говорю. О, Гронар! Какими судьбами?

Внезапно история оборвалась, а сам Ярыч расплылся в

дружелюбных выражениях.

– Я тебя, Ярыч, столько лет не видел! – отвечал третий, несколько мгновений назад с широкой улыбкой прошагавший мимо чародейки. – В Тулью направляюсь! Если и ты туда, то нам по пути. Тысячу лет там не был, вот решил отчий дом проведать.

– Я в Тулью больше не езжу, Гронар. Мать моя недавно отошла на небеса к Грому. Землю я продал и в город уехал. Жена у меня есть на выселках Амарилиза и пять крепких парней растут. Ты садись. За столом места всем хватит. Это Гошек, мой родич дальний, я его охоте обучаю.

– Рад знакомству, Гошек. – Ноэми не видела, что происходило у нее за спиной, но по негромкому хлопку поняла, что те пожимали друг другу руки. – Стало быть, ты все охотничьим ремеслом живешь, Ярыч?

– А чем еще жить? Голод всегда всех за живот хватать будет, а я на этом заработать смогу, стало быть. И снег падать не перестанет, чтобы шкуры мои обесценить. Так и живу. Меду нам! Хозяин! – заорал Ярыч.

Хозяин по пути к охотникам обновил кубок чародейки.

– Слышал, ты в рыцари подался, Гронар? Все по южным обычаям живешь. Где же твои доспехи? Где оруженосец? – в голосе Ярыча слышалась усмешка.

– Рыцари в доспехах не путешествуют, друг мой, – как-то серьезно ответил только что прибывший Гронар. – Да и оруженосца у меня нет. При слугах странствую.

– Ладно тебе! Чего надулся! Я же с самого детства тебя укалываю, а ты все щеки надуваешь, как в первый раз, – Ярыч загоготал. Мед яснее ясного заканчивался очень быстро. – А ты очень даже вовремя приехал. Я тут как раз такую байку травлю, что уши в трубочку сворачиваются, понял?

– Правда? Я бы не прочь, чтобы и мои уши свернулись, если не возражаете. А то с тоски в этой дороге помираю. Да и родича твоего без продолжения истории оставить будет дурным тоном. Вспомним еще молодость. Ночь длинная. Трави байку свою.

– Ну. Слушайте оба, что расскажу. Так вот, поехали мы как-то на состязание охотников. Разбрелись, значит, по лесу и договорились как положено до наступления темноты вернуться с добычей. Иду я на цыпочках, чтобы дичь какую не спугнуть, и вижу зайца. Заяц тот был в половину меня ростом. Вернее, не заяц даже, а хрен пойми кто. Валяется на поляне животом кверху и пузо свое греет. Я глазам своим не поверил сперва, что это за чудо такое передо мной. Морды вроде и нет вовсе, а то ли просто кто-то как следует чем-то плоским размахнулся и впечатал ее по самые зенки. Я тогда тетиву натянул, прицелился и хотел было уже стрелу пустить, как зверь этот морду на меня поднял и пялиться принялся вот такими глазищами. А потом подскочил и дал дёру. Я за ним. Бежит он, значит, петлями виляет, думает от меня смотаться. Ну, я в этом деле не новичок, поэтому быстро сделал вид, что потерял его из виду, и уставился в другую

сторону. Тварь эта наивная совсем осторожность потеряла и поплелась дальше совершенно спокойно. Я следом побрел. Дай, думаю, узнаю, где этот зверь живет и чем дышит, может, к сокровищам каким приведет. Раз без магии тут точно дело не обошлось, значит, и золотом вполне может пахнуть.

– А я вот наоборот бы подумал, – вмешался Гошек, когда Ярыч приложился к кубку и никак не хотел отлить, пока не выпьет до дна. – Если бы что такое диковинное увидел, сам бы еще от этого удрал. Где магия и сокровища, там смерть для всех, кроме самых везунчиков. А мне до везунчиков – как отсюда до Дордонии. Переть и пердеть.

Голоса зашлись смехом, но среди них не было слышно голоса рыцаря.

– А ты что думаешь, Гронар? – заговорил Ярыч. – Пошел бы за чудом таким лесным? Или струсил бы?

Рыцарь какое-то время не отзывался, а потом ответил:

– Струсил? – По голосу было слышно, что прибывший последним путник возмутился. – Когда я покинул Тулью, каждый деревенщина готов был кинуть в меня камнем и парой обидных словечек. Я был толст, неподвижен, застенчив и невысок. Все мои земляки считали, что время остановилось и больше никогда не двинется. Но уже на следующий год я возмужал так, что вот этими одними руками задушил медведя. Еще через год вызвал на поединок Людвига из Зверолиста, потому что он оскорбил мою честь и уподобился тем людям, на которых я до сих пор таю злобу. Ты спрашиваешь,

Ярыч, струсил бы я? Или сколько ума надо, чтобы пойти за неизвестным зверем?

Молчание нависло над столом на несколько мгновений, а потом, видимо, набравший полный рот меда Ярыч выплеснул все обратно и заржал пуще прежнего.

– Двадцать лет прошло с тех пор, как ты унес свой зад из Тульи, – начал Ярыч, как только просмеялся. – А годы, как ты верно говоришь, словно и не шли. Как был ты занудой, так и остался. Брось! Это ж я. Твой лучший друг. Мы с тобой вместе изгоями были. Или ты забыл?

– Нет, – несколько смущенно ответил рыцарь. – Просто как про все это вспоминаю, так и хочется кого-нибудь на поединок вызвать до смерти или до вечного рабства. Честью клянусь!

– Ладно тебе, Гронар! Воды уже утекло столько с тех пор. Половина наших легла еще в битве под Амарилизом, а ты все своих обидчиков настигнуть хочешь, брат. Ой, боюсь, не скоро это случится. С твоей силищей на тот свет путь долгий.

– Ладно, Ярыч. Ты прости. Продолжай свою историю, пока у твоего родича зенки не выпали.

За спиной Ноэми снова расхохотались, теперь уже смех рыцаря сливался со смехом охотников.

– Иду я за эти чудовищем, значит, а оно плетётся медленней черепахи. Все деревья нюхать останавливается. То на четырех лапах бежит, то на две задние встает и, точно как гном какой, вальяжной походкой все старается под солнышком

идти, там, где тени меньше. Оборачивается еще так, словно подозревает что. Но мне дичь выслеживать не впервой. Я постоянно на безопасном расстоянии держался и близ толстого ствола какого-нибудь, чтобы за ним притаиться, если каким-нибудь звуком себя ненароком выдам. Так добрались мы до места, каких, я клянусь Громом, не видывал раньше. Вся поляна была усыпана невиданными цветами до самого горизонта.

У Ноэми перехватило дыхание. Она стала вспоминать те события, что Вастерас называл ее фантазией. Охотник за спиной пересказывал увиденные им детали, словно разгуливал по ее воображению и произносил вслух то, что прежде было только в ее памяти.

Давным-давно в Шааграде в один из вечеров, которые Ноэми любила проводить, играя с деревянными солдатиками у камина, она вспомнила существ, очень похожих на зверей – передвигались они на двух задних лапах, умели говорить, напоминали собак, а их морды походили на кошачьи.

Тогда она рассказала об этом воспоминании Диагерте – женщине, которая воспитывала ее. В ответ та, расплывшись в милой улыбке, сказала, что все это ее детские фантазии или сон, который не может быть правдой, потому как таких зверей не существует. Диагерта привела несколько неопровержимых фактов, которые и заставили Ноэми окончательно поверить в то, что она выдумала этих животных.

Но сейчас история охотника была настолько схожа с той,

которую когда-то рассказывала сама Ноэми, что ее сердце сильно застучало, осознавая, что вымышленный друг по имени Харольд мог быть жив и она все-таки явилась причиной его гибели.

– Ясное дело, я испугался и отстал от зверя, – продолжал охотник. – Да и скрываться в открытом поле можно было, лишь согнувшись в три погибели.

– Тебе в садовники надо было идти, дядь. Глядишь, еще удачнее бы жизнь сложилась, – съязвил Гошек, зная, что сейчас вновь рассердит дядьку, но почему-то это доставляло ему такое удовольствие, что даже разные угрозы из уст Ярыча не заставили молодого парнишку умолкнуть до конца истории.

Но на этот раз старый охотник даже не обратил внимания на язву родича. Он сейчас, казалось, погруженный в собственные мысли, не замечал и не слышал ничего вокруг.

– Я столько цветов не знаю, сколько их на той поляне было. То, что вы наблюдаете, когда над Призрачными Горами радуга растягивается, вообще ни в какое сравнение не идет с тем, сколько растений разных цветов там росло. Я названий, в отличие от жены, вообще никаких не знаю, кроме тюльпанов да роз каких-нибудь. Вот только таких цветов я не только раньше нигде не видел, да и, когда на самый юг ездил, ничего подобного мне на глаза не попадалось. А знаете ли, я по долгу службы вынужден в лесах жизнь жить. Вот меня и пробрало. Точно, думаю, магия! Не иначе! А с этой магией

наш край и так бед нахватался, а тут она прямо под боком. Цветет и пахнет, так сказать!

– Каких еще бед, бать? У нас в краях сроду магии не было. Рассказывай по делу и не приплетай байки выдуманные.

– Это при тебе магии не было, потому что у тебя, Гошек, еще материнское молоко с усов стекает. А в наши времена магии нами правили. Помнишь, Гронар, жену конунга Эстараду? Ее же эти защитники живьем на костре спалили. Перед битвой под Амарилизом с Гонуром Свирепым. Ох и орала она тогда. До последнего дышать не могла перестать, пока с нее кожа слазить не стала.

Если бы кто-то смотрел в сокрытое капюшоном лицо Ноэми, то тотчас увидел бы, как крупные слезы покатались из ее глаз. Она закрыла лицо рукой, но слезы просачивались по узким линиям согнутой ладони, не желая впитываться во влажную кожу, и скатывались на губы.

– Конунга, говорят, замело тогда по пути в город и не успел он за свою жену постоять, если, конечно, хотел. Но, как назло, приехал он ни позже и ни раньше того, как костер поджигать стали. И вроде еще жива была Эстарада, когда он к ней подбежал. Выл, как лютый волк, не в силах пламя успокоить, я тебе клянусь. Молва ходит, что не выиграли бы ту битву под Амарилизом, если бы в нем зверя тогда не пробудили. Он рвал врагов, как настоящий берсеркер, и никого к столбу с женой не подпускал.

– А сам он ее в руки Инквизиции отдал?

– А кто его знает. Одни говорят, что сам, другие – что против его воли. Одно знаю точно – по-другому быть не могло.

– Это почему еще? – поинтересовался Гошек.

– А потому, что если бы Искрад жену свою в жертву не принес, – вмешался в повествование рыцарь, – то Орден Защитников в союзе с ярлом Гонуром разбили бы нашу армию так, что мокрого места бы не осталось от всех десяти тысяч. А так защитники дело свое сделали и ускакали восвояси.

– Ну и хорошо, что так случилось. Магам место давно указать пора, – деловито заявил юный охотник. – Они все по праву рождения считают, что им какие-то привилегии положены, а, как по мне, пусть лучше, чем ручками своими размахивать по ветру, делом займутся. Хозяйство какое-нибудь заведут. Поля засадят.

– А ты откуда вдруг такой башковитый? – подметил Ярыч. – Уже о хозяйстве думаешь, еще и бабы не попробовав? Сходи на войну сначала, потом будешь рассуждать. Мне хоть и до магов дела нет, но как-то тогда за душу схватило.

– Магия – это дар, – вновь встрял в разговор рыцарь. – Я готов за нее сразиться на поединке. Нет ничего прекраснее, чем описывать в стихах то, что происходит после одного взмаха мага, повелевающего ветром.

– Ну и Гром с ней, с этой магией, – прервал собеседников Ярыч, чтобы не уйти далеко в лес зарождающегося спора. – Вам историю мою закончить или вы, как гномьи девки, сейчас сиськами меряться будете?

Гошек и Гронар промолчали.

– Тогда рассказываю. Ясно одно было, что цветы эти неспроста на том поле растут. Нечистая сила. Чудовища этого уже и след простыл, но на случай, если его нора не где-то поблизости находится, я поторопился, чтобы по еще свежему следу пройти. И чуть погода наткнулся на деревню. Волшебную, не иначе.

– Ну, тебя! – не выдержал Гошек, на этот раз искренне удивленный.

– Клянусь Громом. Небольшие такие домишки всюду стоят, куда не то, что взрослый мужик, а взрослая баба не поместится. Чудовищ этих полная долина была! И расхаживают они по ней как ни в чем не бывало, будто так и должно быть, понимаете? Будто существование их не против законов природы и кары Богов им бояться нечего. Трутся об деревья, словно волки какие, хоть и не волки вовсе. Играют друг с другом как щенята. В общем, радуются жизни, как любое другое существо, способное чувствовать тепло солнца или запах еды.

– Может, они Богами и созданы, Ярыч? – прозвучал голос рыцаря.

– Может, и созданы. Мне, в общем-то, уже не сильно интересно это стало после того, как я к их шкуркам присмотрелся. Шкуры добротные, я вам говорю. Получше песцовых будут. И шапок можно из них навязать и постель утеплить. Совсем замечтался я о том, сколько денег за них выру-

чу, что про турнир напрочь забыл. Ночь уже близилась, а я от условленного с другими охотниками места за несколько верст оставался. Надо стало решать: либо проигрывать турнир и возвращаться позже за своим призом в эту деревню волшебную, или рассказать все и добычу с остальными поделить. Зато если эти чудища хитрыми хищниками окажутся, то будет безопаснее их пострелять.

Ноэми закрыла рот рукой, чтобы от захлестывающих ее эмоций не издать ни звука. Воспоминания замелькали перед ее глазами столь явно, что она была поражена, как могла забыть все это. Как могла поверить, что снуффы, среди которых она жила долгое время, – выдумка. Ведь она помнила их настолько явно, как сейчас чувствовала запах жареного цыплёнка, только что вынесенного за соседний стол. Потом она начала давать самой себе обещание, что ей обязательно нужно найти Йеллебург. Сперва решив, что название поселения само ворвалось ей в голову, она только спустя несколько мгновений осознала, что продолжает слышать историю из-за своей спины, в которой и мелькнуло это слово.

– Я попал в него как положено, говорю вам. Грудная клетка была пробита насквозь, но он мало того, что не умер сразу, он еще и настоящим человеческим языком молил меня пощадить какой-то Йеллебург.

– Выходит, что ты... – голос рыцаря задрожал, но тут же исправился, договорив фразу уверенно и даже с какой-то злобой, – разумное существо убил?

– Я-то почему знал, Гронар? – Ярыч почувствовал напряжение старого товарища. – Вел он себя как настоящее животное, как лоси, зайцы или лисы ведут. Их же мы бьем, и никто нам ни слова не говорит. Да ты и сам чего обозлился? Будто бы людей на своих поединках живьем не резал. Мы северяне, война у нас в крови, и для жалости там нет места.

– Магическая тварь, не иначе, – восторженно запричитал Гошек, не позволяя рыцарю ответить. – Надо туда вернуться немедленно и остальных перебить, пока они права на север заявлять не начали. Кто говорить умеет, тот рано или поздно свою силу спешит показать.

– Да подожди ты, Гошек! История на том не заканчивается. С того момента, как я это чудище прибил, все только началось.

Если бы Ноэми обернулась и увидела лицо старого охотника, то, скорее всего, ни за что бы не позволила тому закончить рассказ. Но все же она понимала, что события, о которых ведаёт Ярыч, сейчас уже история, что не поддастся никаким поправкам, как бы ей этого ни хотелось.

– Жестокое у тебя сердце, Ярыч, – рыцарь все же выразил свое мнение, вопреки попытке юнца остановить спор.

– Знаю, Гронар. Но ты думаешь, другие живые существа, на которых я охочусь, иначе смерть переносят? Мир уже состоялся. Есть люди и нелюди, а есть все остальные. Просто в первом случае нам нужно оправдать свои поступки честью или любой другой великой миссией, а во втором никаких

оправданий не надо, так как выживает сильнейший. И это не мной придумано, а природой создано. Закон выживания. И если этот зверь и его шкура может меня самого от смерти в стужу спасти, то обсуждать я это со своей жертвой не собираюсь.

– Продолжай историю, Ярыч, – нетерпеливо попросил Гошек, когда рыцарь слишком долго собирался с мыслями. – Интересно уже узнать, перебил ты их все-таки или нет.

– Я быстро смекнул, раз они переговариваться могут, то и противостоять мне станут, а потому кинулся за подмогой. Отправился на поляну, где остальные охотники уже спали и, разбудив всех, я рассказал эту историю, прямо как вам сейчас. И вы представляете, они даже рассвета дожидаться не стали, а все как один заявили, что надо, мол, прямо сейчас на охоту выходить. Ты что так уставился, Гронар? Историю мою у себя в голове додумал и уже глаза мне выдавить хочешь?

Ярыч рассмеялся, но на этот раз его смех никто не поддержал, поэтому он быстро сошел на нет, и продолжил:

– Короче говоря. Возвращаемся мы в ту долину, а там, где я тушу этого чудовища оставил, уже нет никого. Лишь кровавое пятно осталось, которое не разглядеть было при свете факела, так что на язык пробовать пришлось. Ну, ладно, думаем. Выследили караул, который вокруг поселка охрану нес, и перестреляли тварей из луков с расстояния, что они и понять ничего не успели. Милосердно, с первого выстрела убивали, слышишь, рыцарь? Как полагается. Даже каче-

ством шкурок рискуя.

Но рыцарь не ответил.

– Потом подоставали мы, значит, кинжалы...

– Ой, дядь. Сказал, что короче будешь, а рассказываешь, как будто впервые поросенка прирезал.

– И закрепили мы за каждым из охотников по несколько домов. План был пролезть в хижину и поубивать спящих зверей, чтобы и самим проблем меньше было и чтобы товар не повредить. Залезаю я в первую хижину медленно, чтобы не разбудить и панику не поднять, озираюсь и, представляете, не нахожу никого. Ощупал каждый дюйм. Выбираюсь наружу, а там другие охотники стоят и тоже с непониманием зенками по сторонам глядят. А дело было вот так. Видимо, они нашли труп собрата своего и подняли тревогу. Только хитрые сволочи: не обороняться принялись, а в ловушку нас загнали. Так мы подумали, по крайней мере. Поэтому мигом все ринулись из поселения по холмам, оглядываясь и опасаясь, чтобы в какое-нибудь огненное кольцо не попасть. Никакого огня или, как некоторые предполагали, никакого града из отравленных стрел не случилось. Чудовища, оказывается, просто ушли, чтобы, так сказать, открытого с нами конфликта избежать.

– Неужто пощадили вы их?

– Мы – нет. Но несколько защитников нашлось, которые просили оставить чудищ в покое. Однако мы очень много времени потеряли, да и дело близко к зиме было, большин-

ство своих денег лишаться не хотело. Даже драка случилась, но, как вы понимаете, защитники этих существ потерпели поражение.

– Не качай головой, Гронар. Или ты забыл законы севера?

– Не забыл, Ярыч. Помню.

– Дак вот, – продолжал охотник. – Как заступники сознание потеряли и время какое-то прошло, мы обратно к поселению спустились.

– Боюсь я историю твою до конца слушать, Ярыч. Клянусь тебе честью, – грустно проговорил рыцарь.

– Это почему же?

– Потому, что понимаю, почему те, кого вы там побили, на сторону существ встали.

– Чудищ, Гронар. Чудищ! – с раздражением откликнулся Ярыч.

– А что из существа чудище делает, Ярыч? А? Скажи мне. Хвост? Морда уродливая? Волосы по всему телу? Или поступки? Ежели поступки, то чудища – это вы в этой всей истории.

– Ах, ты меня чудищем считаешь? – грозно спросил охотник. – Тогда слушай, что дальше было. Как бы я тебе истинным монстром не показался. – Ярость старого охотника забушевала в каждом следующем слове: – Эти чудища, да-да, именно чудища, решили скрыться от нас в пещере в нескольких верстах от своего поселения. Следы запутать решили, круги вокруг находили, только вот всех лучших охот-

ников, что собрались здесь состязаться в мастерстве, не запутаешь. Мы их быстро настигли в ловушке, что они сами себе подготовили, забравшись в неглубокую пещеру с одним лишь выходом. И жались у стены друг к дружке, пока мы всех их не перебили. Благо стрел в колчанах хватило. Чудовища мы, скажешь ты, после этого? Ну и пускай. Зато мед ты сейчас на золото, вырученное именно с этих шкур, пьешь. А перед тем как притронуться, вопросов не задавал!

– Остановись, Ярыч. Я тебя по-дружески уговариваю. Не кличь беду.

– Беду не кликать, говоришь? Это почему же? Потому, что ты меня на свой сраный поединок вызовешь? Тебе-то уж чудовищем точно долго не стать, пока ты настоящим делом займешься, как мужику подобает. Бабы, что забеременеют, через неделю и те еще родить успеют, пока у тебя в голове что-то появится. Херня все это – ваши рыцарские обычаи. А раз ты чудовищем меня считаешь, то пусть устоится это в твоей голове. Мы тех щенков, кто от стрел не умер, еще добивали тем, что под руку попало, потому как в драке со своими же кинжалы сбросали. И детеныши среди этих зверей были, которые хоть и не особо говорить умели, а, как пощадить просили, мы все хорошо разобрали.

Тут раздался сильный грохот. Ноэми, будучи начеку, ловко юркнула из-за стола в противоположную сторону от охотников и обернулась.

Рыцарь прижимал к себе обмякшее тело Ярыча, воткнув

тому кинжал в живот. Из раны сочилась кровь и алыми каплями ниспадала на пол. Глаза старого охотника закатились, и рыцарь опустил товарища в лужу крови.

Люди в зале тут же по вскакивали со своих мест и ринулись останавливать убийцу. Возбужденный Гошек закричал, совсем потеряв самообладание и тягу к легкомыслию. Рыцарь поднял руки в знак того, что желает сдаться, но несколько северян, увидев мертвое тело своего собрата, не выдержали и бросились на Гронара.

Началась драка. Кто-то оттаскивал взбешенных постояльцев от убийцы, рыцарь, в свою очередь, прилагая все силы, защищался от тех, кто, вместо того чтобы взять его в плен, нападал, размахивая кулаками. Один из желающих прекратить драку получил кружкой в челюсть и тут же охотно принял давать сдачи. Ко всему этому действию присоединились одни, вторые, третьи и все-все, кто решил заночевать сегодня на этом постоялом дворе. Кроме Ноэми.

Как только началась вся неразбериха, чародейка тут же бросилась к чулану за прилавком, откуда, захватив свой топор, уже выбегал хозяин злополучного заведения. Отшвырнув чародейку своим плечом к стене, он двинулся в гущу событий, но внезапно остолбенел, когда с головы до пят его окатило водой. С красными от ярости глазами он обернулся к Ноэми, и к его горлу тут же оказался приставлен кинжал.

– Бросай топор! Какая комната у охотников? – холодно спросила она, когда оружие ударилось о пол.

– Последняя по левую руку на втором этаже, – со злым блеском в глазах ответил тот, кто несколько минут назад с дружелюбным выражением лица наполнял кубки постояльцев.

– А теперь еще раз. Только правду. – Она добавила силы, и из пореза на шее хозяина засочилась кровь.

– Последняя слева. Клянусь Громом! – ухмыляясь твердой воле своей обидчицы, спокойно ответил северянин.

– Ключ?

– Под прилавком все запасные.

Когда он осторожно указал рукой на точное местонахождение, что-то похожее на руку, но состоящее из одной воды схватило седого владельца постоялого двора за голову и сильно ударило о стену, так что старик повалился на пол и потерял сознание.

Ноэми подбежала к прилавку и нащупала несколько ключей. Схватив их все, она поднялась вверх и, подобрав верный с третьей попытки, попала в комнату.

Внутри было тихо и спокойно. Комната была убрана и не имела ничего лишнего. Ей показалось, что охотники даже не оставили здесь своих вещей. Или старик все-таки обманул ее.

– Эй! – негромко выкрикнула она.

В ответ ничего не послышалось.

– Где ты? – заговорила чародейка чуть громче. – Не бойся, я не причиню тебе вреда. Слышишь? Если ты не отзовешься,

охотники вернутся за тобой и тогда...

Но пространство в комнате продолжало настойчиво от-малчиваться. Лишь шум непрекращающейся драки доно-сился снизу. Все гремело, билось, а получившие особо боль-ной удар в ярости кричали и замолкали, по-видимому, когда сцеплялись со своим обидчиком.

– Проклятье! – отчаянно выругалась она и отворила дверь, чтобы уйти.

– Ноэми? – послышалось из угла.

Подбежав к сундуку, укрытому накидкой и стоящему в самом темном месте в комнате, она стащила ткань и сквозь небольшие прутья решетки, которые были вместо одной из стенок, увидела до боли знакомую морду.

– Харольд?! – от удивления она раскрыла свои большие васильковые глаза, уподобляясь старому другу.

В сундуке охотника, который и ранее предназначался для содержания разного рода живности, сидел снуфф, которого когда-то она любила больше всех на свете. Он смотрел на нее темными круглыми глазами, вся его морда была покры-та сединой, но узнать Харольда Ноэми могла из сотни его сородичей. Несмотря на всю схожесть между собой, они все же отличались не только цветом морд, но и многими други-ми особенностями, такими как количество морщинок на лбу или толщина складок на спине, когда они ходили на задних лапах.

– Что ты здесь делаешь? – испуганно и торопливо произ-

нес снуфф.

– Спасая тебе жизнь. В этот раз мне подвернулась замечательная возможность исправиться.

Чародейка с силой потрясла навесной замок. Он намертво схватил две петли и не поддавался. Она принялась ощупывать весь сундук с надеждой найти другую возможность открыть его, но тщетно.

– Ты как? – спросила она, оглядевшись вокруг и словно задумав что-то. – Здоров? Невредим?

– Немного спать хочется, но в целом...

Снуфф не успел договорить фразу, как его вместе с сундуком подняло в воздух и понесло прямо в окно.

Выбив ставни, ларь вылетел наружу, а упав на землю, треснул, пустив по сторонам брызги из щепок.

– Никуда не уходи! – крикнула чародейка из окна и побежала вниз.

По пути Ноэми схватила вещи из своей комнаты. Спустившись по лестнице, она вдруг осознала, что шум почти прекратился, а скорее даже переменялся на многочисленные стоны, ругательства, сетования, жалобы и нравоучения.

Подбежав к выходу, она сделала то, что больше всего боялась делать весь этот вечер. Сама не зная почему, но она обернулась. Тут и там на полу, облокотившись кто на что мог, сидели северяне. Кто растирал свежий синяк, кто зажимал кровавую рану, кто держался за голову, а некоторые, еще не успев отдышаться, пробовали мед прямо из кувши-

нов, довольно улыбаясь состоявшейся драке и возможности выплеснуть эмоции. В стороне, у опрокинутого стола, где старый охотник рассказывал свою историю, лежали три тела. Застывшие глаза рыцаря смотрели прямо на Ноэми, а его лицо тонуло в луже собственной крови.

Выбежав наружу, чародейка схватилась за часть, отошедшую от сундука при ударе. Дерево сперва не поддавалось, но потом, захрустев, отошло. Вынув испуганного снуффа наружу, она оседлала Женеву и, пришпорив с отчаянной силой, ускакала прочь.

Амарилиз. Юго-восточная столица и оплот Холденфелла. Город, основанный еще во времена правления Первых Людей, прибывших на Неймерию, был важной стратегической точкой, защищавшей север от когда-то воинственно настроенных гномов с Призрачных Гор и находящийся на берегу Рваного моря. Издавна северяне пускались на поиски новых земель именно из Амарилиза и привозили вести сюда же, чтобы разрастить и прославить собственную страну.

Столица Холденфелла не один раз принимала на себя удары, когда и люди начинали войну между собой. Но никто ни разу не брал стены города, а с каждым нападением только делал их крепче. Каменные стены Амарилиза поднимались все выше, рвы копались все глубже, а количество стратеги-

ческих и тактических соображений при осаде города увеличивалось с каждым новым нападением.

Минули времена, когда ярлы раздробленного Холденфелла непрерывно воевали между собой за власть. Прежде в этих войнах непременно побеждал тот, кто занимал нынешнюю столицу, и теперь весь Холденфелл подчинялся единому конунгу, и больше никто не имел права носить этот титул на самых северных землях Неймерии. На вооружении у Искрада, прозванного Терпеливым, было множество хитрых приемов, чтобы во времена восстания кого-нибудь из ярлов не выходить к стенам и не вступать в открытый бой, как это было принято ранее.

Город был плотно застроен множеством лачуг, имел огромный по меркам всей Неймерии рынок, величественный, построенный исключительно из дерева замок на вершине Горбатого Холма и пестрил тысячами северян, которым было уже тесно в стенах этого защищенного, но небольшого города.

Ноэми верхом на лошади не спеша приближалась к настолько высоким стенам, что этим утром за несколько саженей от города тень этих заграждений не позволяла солнцу согреть путников. Рядом на четырех лапах легким бегом передвигался спасенный снуфф.

– Поверить не могу, что ты остался жив. – Чародейка посмотрела на бегущего рядом Харольда.

– Когда ты выбросила меня в окно? – снуфф усмехнулся.

– Тогда, на озере. Почему ты не ответил мне?

– Я не мог. Вернее, не слышал, Ноэми. Там, куда меня унесло, был выход. Но там было еще кое-что...

– Помни, что отныне, пока мы не уедем из Амарилиза, ты – пес. Ясно? – перебила Ноэми, заметив, что стражники у ворот уже преследуют ее своим взглядом.

– Но...

– Не спорь, Харольд. Люди никогда не примут тебя. По крайней мере, на большей части материка. Чуда второй раз не произойдет.

Снуфф недовольно поджал брыла и замолчал.

– Стоять! – завопил один из воинов, стоящих на страже ворот. – У нас собакам на цепи принято ходит. К тому же, если они размером с ребенка, которому уже меч в руки можно брать.

– И к тому же, если они такие уродливые, – поморщился второй.

– Он безобиден, – ответила Ноэми. – Удостоверьтесь сами.

Северянин подошел к снуффу и назойливо потрепал того сперва по голове, за ухом, залез в пасть и ослабил.

– И правда. Что за пес такой, что размерами для охоты создан, а нутром – словно заяц?

– Старый он уже, – холодно произнесла чародейка. – Не видите седину?

– И вправду.

– Так пустите или нет?

– Проходите, – ответил второй, лениво навалившись на стену за собой, и, казалось, перебил первого, который еще желал продолжить разговор.

Рука северянина еще пару раз добродушно хлопнула снуффа по морде, а следующим жестом он согласился с товарищем и отошел с дороги.

– Ну. Что дальше? – вдруг произнес Харольд как бы невзначай.

Ноэми выдохнула.

– А дальше мы идем знакомиться с моим отцом. А теперь молчи.

За стеной дорога продолжала уходить со склона к самому городу, а путь к замку ответвлялся, не достигая даже первой лачуги.

Без желания оставаться на самом севере дольше, чем от нее требуется, Ноэми спешила взойти на вершину Горбатого Холма. Внутри у нее не было желания скорее увидеть своего отца, потому что она почти не помнила его, а все воспоминания, что вернулись к ней, выставляли конунга подлецом, не способным защитить собственную жену и ребенка, обрекая тех на верную гибель и бродяжничество. Она сомневалась, но все же пообещала себе решить, хочет ли она видеть отца, уже тогда, когда будет стоять перед воротами его дома.

Тропа подняла путников на самый верх к длинному навесному мосту, что вел с одного холма над заливом к дру-

тому, на котором было построено здание. Вода внизу бушевала, волны разбивались о голые скалы, пена неторопливо сползала с оголенного камня обратно в море.

Когда наездница в сопровождении собаки приблизилась к замку, то без колебаний въехала в открытые ворота.

– Где мне найти конунга? – твердо спросила чародейка, остановившись возле конюха во внутреннем дворе.

Старый мужчина ничего не ответил, но указал на одну из башен. Соскочив с лошади, Ноэми вручила слуге поводья и, поманив пальцами снуффа, пошла к указанному слугой месту. Пес двинулся следом.

Зал с очагом в центре и длинным столом вдоль всего помещения ярко освещался огнем. На троне на небольшой возвышенности в конце стола, опустив голову на свою грудь, дремал седой мужчина в белой расшнурованной рубахе и с широкой короной на голове, которая больше походила на венок, сделанный из железных цветов.

– Кто бы ты ни был, – произнес мужчина, поднимая голову, но не открывая глаз, – входя в обеденный зал конунга, принято представляться. Ты либо подчиняешься законам севера, либо север подчиняет твою волю силой. Выбирай.

– Ноэми, – смело проговорила чародейка.

Мужчина открыл глаза и замер в исступлении. Ноэми не была уверена, но ей показалось, что конунг задрожал всем телом. Он не шевелился. Лицо его побледнело, а во взгляде заплескалась нежность, которой старый воин не проявлял с

тех самых пор, когда в последний раз смотрел на Эстараду.

Он вскочил с трона так, что сидалище опрокинулось назад. Но, не простояв и нескольких мгновений, рухнул вперед, скатившись с пьедестала и распластавшись по полу.

Чародейка подбежала, чтобы помочь ему подняться, а он, вместо того чтобы взять Ноэми за руку, схватил ее за шею.

– Дочь.

Он смотрел в васильковые глаза, стараясь сдержать слезы, но его лицо все равно корчило от конвульсий. Конунг ослабил объятия, понимая, что волшебница не пытается бежать, и принялся разглядывать каждую черту ее лица.

– Ты так похожа на свою мать, – наконец смог произнести он.

– Которой ты позволил умереть ради того, чтобы сейчас сидеть в этом замке, – холодно произнесла чародейка, давая отцу понять, что пришла за объяснениями.

Конунг наваливался на спинку своего трона во главе обеденного стола, Ноэми сидела недалеко, отрывая куски мяса от жареного поросенка и бросая их своему псу.

– Мне так много нужно тебе рассказать, – проговорил Искрад, не отводя взгляда от дочери. – Слава Грому, что ты вернулась в родной дом. Теперь трон Холденфелла в надежных руках.

– Нет, – категорично заявила волшебница. – Я здесь не за тем. Это не моя судьба.

– Не горячись, Ноэми. Спустия столько лет я вовсе не собираюсь быть тебе тем отцом, что обычно бывают у маленьких девочек. Ты взрослая женщина, и я знаю, что опоздал. Позволь лишь стать твоей поддержкой и человеком, который может рассказать твоё прошлое и прошлое твоей семьи.

– Прошлого не вернуть. К чему устраивать пышные похороны тому, кто в них не нуждается?

– Я вижу, как ты смотришь на меня, – конунг раздосадованно покачал головой. – Знаешь, раньше я думал, что «все-му свое время» – фраза для неудачников и трусов. Что человек сам кузнец своей судьбы и волен писать историю так, как ему заблагорассудится. Но мой последний бой закончился тем, что мне сломали позвоночник и теперь я не могу встать с этого треклятого трона. Боги смеются надо мной за то, что я не смог вовремя остановиться, желая укрепить свою власть. Но сейчас я отдал бы этот чертов трон, замок и все, что у меня есть, ради возможности вновь сесть на коня и проскакать по берегу. Поэтому благодари Грома за нашу встречу, ведь плюнуть ему в лицо причину можно найти всегда. Просто побудь моей гостьей.

В зале наступила тишина, изредка перебиваемая стуком молота о наковальню с внутреннего двора. Иногда ржали кони, кто-то кому-то выкрикивал какие-то указания, но в целом было тихо.

От некоторой неловкости, в которой чародейка сама себе не признавалась, а от этого казалась еще более грубой, взгляд Ноэми постоянно бегал по помещению, оглядывая чучела голов животных на стенах, увешенных еще и огромными медвежьими шкурами, резные сундуки, мерцающие на солнце золотыми узорами, и потом снова возвращался на стол перед собой в надежде разглядеть там что-то новое, но был вынужден вновь перескакивать на очаг.

– Я хотел найти тебя...

– Почему ты позволил матери умереть? – жестоким тоном перебила конунга Ноэми, не сдержав цунами, бушующего у нее в глазах. – Да, я считаю, что ты виноват в ее гибели. Я не для того проделала этот долгий путь, чтобы шадить тебя теперь своими вопросами.

Конунг понимающе кивнул.

– Ты имеешь право задавать любые вопросы тому, кто дал тебе жизнь, Ноэми. Ты думаешь, что я не спас Эстараду? Напрасно. Если бы у меня была хотя бы малейшая возможность отдать свою жизнь за нее, я бы сделал это не раздумывая. Но дело в том, что и твоя мать была готова отдать свою жизнь за нас с тобой. Просто в день ее смерти Грому было угодно отпустить в иной мир мою жену, а не меня.

И Искрад рассказал дочери все подробности того несчастного вечера, когда она лишилась семьи, начав рассказ с того момента, как они бежали с Эстарадой в Амарилиз. Конунг не притронулся к еде ни разу за весь вечер. А пил лишь

тогда, когда совсем не мог говорить от сухости, что брала за горло.

– Я загнал свою лошадь, чтобы не допустить этого исхода, но все равно опоздал, – заканчивал свой рассказ конунг. – Да, я мог погибнуть вместе с Эстарадой, но тогда бы и память о ней навсегда исчезла. А пока я жив, жива и твоя мать.

Ноэми задумалась и спустя некоторое время спросила:

– А я? Не подумай, что мне действительно есть дело до отцовской любви, но все же мне интересно, почему отец может оставить родную дочь?

– Так было безопасно. Защитники из Инквизиции искали дитя конунга и чародейки, и ты была их последней целью на севере до того, как в Холденфелле будет покончено с магией раз и навсегда. Я долго прятал тебя, поручив своему верному другу охранять наследницу своего рода. Но и там палadini отыскивали бедную девочку. Когда я узнал, что Йарок мертв и что тебя не нашли в хижине, я решил, что руки защитников все-таки добились своей цели. Ты была мертва для меня до сегодняшнего дня, Ноэми. Я не мог гоняться за призраком.

Ноэми подошла к окну. С высоты башни открывался великолепный вид на город, за его пределы и на внутренний двор.

– На том столбе сожгли мать?

– Это он.

– Тогда мне не нужно объяснять, какая участь ждет и меня в конце.

– Я не допущу этого, – изменившимся тоном настоящего северного воина отрезал конунг.

Ноэми не ответила, она глядела, как волны Рваного Моря облизывают берег суши.

– Так что же привело тебя на север, если не наследство? – вдруг вернулся в разговор Искрад, отпустив печальные мысли об Эстараде.

– Мне поведал всю правду тот, кто нашел меня совсем маленькой в Туурине. Но когда я отправлялась сюда, то я еще не решила, хочу ли увидеть тебя. Меня торопили другие дела, не спрашивая моего личного мнения. Чтобы рассказать всю историю, понадобится больше времени, чем я располагаю, однако сразу к сути. Тебе известно, с какой жестокостью травят магов по всей Неймерии?

– Перед тобой самый главный свидетель этой травли. Если ты ищешь союзника в борьбе против Инквизиции, то ты не найдешь никого лучше того, кто из-за Ордена Защитников потерял всю свою семью. Что ты задумала?

– Дать отпор Дордонии и Ордену Защитников раз и навсегда... – Она обернулась к нему, и солнце ярко осветило ее лицо. – Или умереть.

Лицо конунга, покрытое седыми бровями и бородой, неприятно скривилось.

– Ты хочешь войны?

– Нет. Я уже на ней.

– Наследуй Холденфелл, и вся армия севера будет твоей.

– Я не командующий. Но я прошу тебя быть союзником в той войне, в которой я участвую в качестве воина. Я прошу дать людей, способных биться, но не идти на открытый конфликт с югом.

– Защитники и вся армия Дордонии – сильные противники, – задумался Искрад Терпеливый. – Оставшимся на Неймерии магам не выстоять против них даже с моей помощью.

– Мы попробуем. А если нет, то, по крайней мере, я не умру, как моя мать. – Ее взгляд вновь упал на почерневший столб.

Конунг в задумчивости потер подбородок в гуще седых волос.

– Холденфелл встанет за магов, – решительно произнес он. – Они отняли у меня жену, я не позволю им отнять дочь.

Глава 10

Дом Войны. Место, в котором уже многие века собирался Совет Тринадцати и решал важнейшие вопросы, связанные с будущим страны. Не важно, мела метель, запорошившая все дороги к нему снаружи, или стояла жара, которая заставляла старейшин, изнемогая в душном зале, совместно, единым голосованием идти по тому, а не иному политическому пути.

Совет Тринадцати создал Ирион Лакхорт – первый король самопровозглашенного королевства Дордония, поднявший восстание и свергнувший издавна правящих на этой земле вассалов Творса Холдов. Ирион Лакхорт всегда считал систему управления единым королем субъективной и неспособной на принятие множества верных решений, а более того, главной преградой на пути к развитию государства. Именно поэтому, создав тайное сообщество на улицах Дастгарда, в котором уже тогда он назначил представителей каждого квартала своими советниками, и добившись поддержки простого народа, он взял Шаарвиль бок о бок с обычными крестьянами, бедняками и некоторыми затаившими какую-нибудь обиду на короля господами. Восставшие подданные прежнего правителя перерезали всю королевскую семью, за исключением тех ее членов, которые сумели укрыться от глаз узурпатора и не претендовали на возвращение трона.

Взойдя на престол, Лакхорт сдержал свое обещание и посадил рядом с собой еще двенадцать бедных, но неглупых представителей кварталов, которые помогли ему короноваться, и назвал их старейшинами и хранителями, что, по сути, означало одно и то же – задачей представителей каждого из кварталов было отстаивать интересы своей касты на совете, будь то каста купцов, медведей или ремесленников.

Подписав особый документ, который для всех дордонийцев отныне являлся священным, он навсегда застолбил правление южным королевством именно таким образом и жестоко карал тех, кто смел усомниться в правильности избранного пути, чтобы отбить у остальных желание не доверять чутью действующего короля. Согласно этому указу, правитель Дордонии был ограничен во власти принимать государственно важные решения самостоятельно, за исключением некоторых пунктов, указанных в этом же документе.

До правления Ириона Лакхорта Дордония славилась своими ленивыми подданными и плодородной землей, способной прокормить каждого лентяя, однако после прихода нового короля она стала расцветать и развиваться с такой силой, что не только догнала остальные королевства в развитии, но и в некотором плане обогнала их. Правители Холденфелла, Туурина и Творса видели прогресс, но не желали терять своей власти, поэтому, лишь отдаленно уподобляясь дордонийскому правителю, обзавелись парочкой советников, чтобы удостовериться свой народ в том, что и они ведут

свои страны по пути развития и прогресса.

Совет Тринадцати истинно правил в Дордони. Так было всегда с тех пор, несмотря на спесивость, наглость и самодостаточность потомков Лакхорта. Священный указ, висевший на стене Дома Войны, развеивал любые сомнения и закрывал рот несогласным.

Лоринг Светоносный, хранитель Церемониального квартала, и сейчас вглядывался в пергамент, молясь Великой Касандре за светлое будущее Дордони, и вспоминал всю изученную им когда-то историю становления Совета Тринадцати. От воспоминаний у него перехватывало дыхание, а перед глазами мелькали картинки из прошлого, словно он сам переживал это становление.

– Господин Тиин. Как обстоят дела в Купеческом квартале? – оборачиваясь к остальным хранителям, вдруг заговорил он. – Касандра милостива к вам и вашим братьям?

Господин Тиин от неожиданного вопроса покрылся пунцовой краской, чем ввел всех остальных членов совета в замешательство.

– Все хорошо, Ваша Милость. Мы блюдем закон и земной, и божий. – Господин Тиин схватил кувшин и дрожащими руками принялся наливать в свой бокал воду.

– Нам предстоит принимать решения после вестей не самых добрых, но Касандра хранит короля и его разум. По этому поводу вы можете не беспокоиться, – ответил старейшина Церемониального квартала, заметив, что и остальные при-

сутствующие испытывают некоторое волнение.

– Напротив, – заговорил хранитель Дармин, – считаю, нам в первую очередь стоит беспокоиться. Последний раз после таких вестей Медвежий квартал почти сравнялся с землей. А отец господина Орегха был бесславно казнен собственным сыном.

– Не смейте повторять таких вещей при мальчике, господин Дармин. Санли Орегх хоть справедливый и честный юноша, но, боюсь, вспыльчивый в силу своего же возраста. – Лоринг Светоносный сел на свое привычное место и сцепил руки, положив их на стол перед собой.

– Он не вернется из Творса, – немногословный обычно монах заговорил. – Король думает, что Санли Орегх верен ему, но Санли Орегх верен только закону. А закон сейчас в Дордонии такой, который если еще и жив, то уже не показывается на глаза. Наша миссия как одного из древнейших советов в мире помочь Его Величеству принять верные решения, не позволив стране продолжать падение в бездну.

– Наша миссия – надрать одно место творсийскому императору и покарать предателей, которые пошли против короля. – Хранитель Легионов смотрел твердым и грозным взглядом на остальных. – Наша армия сейчас самая могучая во всем мире. Когда король убеждал вас отнять остальные земли, вы поджимали хвосты. Смотрите теперь на тех, кого мы пощадили. Они рвутся в бой, чтобы вырвать наши сердца!

– Господа, я прошу вас не давать волю эмоциям... – Ста-

рейшина Купеческого квартала закрыл ладонями свое болезненное на вид лицо. – Если какие-то наши решения теперь и могут показаться неправильными, мы с вами в силах лишь попытаться исправить положение, но не повлиять на то, что уже случилось.

– Правильно ли я понимаю, Хранитель Легионов, что вы считаете приемлемым жить в мире, в котором правит сила, а не разум? В котором люди делают все из страха, а не от стремления к чему-либо?

– Именно так я и считаю. Даже самый обычный пес понимает только язык силы и дерется за хозяина, который показал ему свою власть. Сейчас вы скажете, что дордонийцы не псы. А я вам скажу, что если подданные короля перестанут бояться власти, то скоро отнимут ее. За власть всегда сражались и будут сражаться. Ведь силу можно измерить, а разум – нет! Что вы теперь на это скажете, Хранитель Ситемов? Или вы считаете, что никто во всем Даггарде не справится с вашим делом лучше, чем вы? С моим делом лучше, чем я и так далее. Каждый из нас допустил как минимум одну ошибку – взял себе подмастерье.

– Я просто хочу сказать, что путь силы – это путь варваров, который призван бороться лишь за выживание, а не за жизнь. Чего хотите вы? Остаться в летописях на века? Прославиться в великих битвах? Оставить потомков, которые продолжат ваше дело? И к чему мы придем? Я вам скажу. Вернемся в первобытное общество, когда человек и двух

слов связать не мог. Я всего лишь призываю думать о будущем. О том, каким может стать мир, если мы увлечемся алхимией вместо войн, медициной вместо дележки земель. В конце концов – магией вместо ее истребления.

До сих пор спорившие о чем-то своем другие члена совета внезапно замолчали и раскрыли глаза, словно их застали в разгар совершаемого преступления.

– Я знаю. Знаю, – поторопился успокоить Хранитель Ситемов остальных советников. – Магия мерзопакостна и неприемлема в нашей стране. Но скажите мне, что никто из вас никогда не задумывался о том, что с помощью магии, а не истребив ее, общество могло бы познать великие тайны бытия. Сейчас же мы слепо следуем за идеей, навеянной нам правителем, который рано или поздно поднимет против себя бунт не только старейшин в этом совете, но и всего дордонийского народа.

Старейшина Садов Знаний, терпеливо молчавший все прошедшее время, вдруг поднялся на ноги.

– Я четко вижу, что после выхода некоторых членов из совета наша каста разбилась надвое. Одни из нас напуганы королевской властью и трепещут в преддверии его появления, другие всецело поддерживают правителя, как им и подобает. Раскол совета на одних и других не приведет к счастливому концу. Мы несем на плечах бремя единства. И все мы здесь за тем, чтобы находить консенсус и закрывать глаза на собственные интересы во благо будущего нашей страны. Все во-

просы, что вы подняли сейчас, несомненно, требуют обсуждения, но не в рамках спора, а в рамках мудрого всеобщего совета. Как жаль, что...

Старейшина не стал продолжать, услышав стук шагов в коридоре. Железный грохот доспехов королевских палатников сотрясал висящий на стене пергамент.

– Сарвилл Кхолд бежал из Башни Стихий. – Рогар Вековечный, удивив всех за столом своим спокойствием, утонул в объятьях своего седалища. – Санли Орегх вместе с моей женой сбежал к моему врагу. Шпионы с запада сообщили, что армия императора готовится к отплытию и через некоторое время нас ожидает изнуряющая осада. И да, Башня Стихий сожжена.

Все члены совета осторожно поглядывали на владыку.

– Однако есть и хорошая новость, Магистр Стихий до своей преждевременной кончины успел поделиться со мной великими открытиями. Как итог – все наши совместные решения привели к этим последствиям.

– Касандра не оставит тех, кто в ней нуждается. – Хранитель Церемониального квартала облизнул свои сухие губы. – Значит, испытания нам по силам, Ваше Величество.

– Касандра... – король, не разжимая зубов, произнес, кажется, обращаясь к Богине.

– Из-за участвовавших штормов торговые суда не отходили из порта уже неделю, Ваше Величество, – набрался храбрости господин Тиин и увел разговор в сторону бытовых во-

просов. – Теперь мы не получим в срок партию руды из Холденфелла и ежемесячный набор товаров из Аарда. Я предлагаю направить в город сухопутный торговый конвой. Последние поставки зерна с мельниц должны прийти со дня на день, и город будет готов к зиме. Цены на пшеницу, как и в прошлом году, останутся на уровне летних, чтобы не морить людей голодом в преддверии войны. Однако каждой семье будет положено определенное количество пшеницы, ячменя, овса и гречки.

– Вы распорядились, господин Тиин? – делая вид, что увлекся предложенным направлением, спросил владыка.

– Да, Ваше Величество.

– Тогда этот вопрос меня больше не интересует. – Король наклонился вперед. – Вы все здесь делаете очень много для нашей страны. Я каждый день выслушиваю ваши доклады – и, знаете, о чем думаю? О том, как правители других королевств справляются со всем этим самостоятельно. Ведь здесь и армия, и наука, и торговля, и религия и так далее и так далее, отчего у меня глаза сбиваются в кучу, как только я подумаю обо всем этом. Вы же мои советники. Поведаете мне?

– Ни одно королевство ныне не может существовать без придворных советников, Ваше Величество. – Хранитель Небесного квартала растянул свои худые длинные пальцы по столу. – Великие страны, обладающие большой территорией, не могут жить по-другому. Пусть ярлы на севере продолжают владеть крохотными участками и сражаться за право

быть свободными от остального королевства, правя без советников в своих маленьких городках, но Дордония и Творс давно пережили эти варварские времена.

– Творс... – задумчиво произнес монарх и замолчал.

Старейшины сидели некоторое время в ожидании королевского распоряжения продолжать, но совет не продолжался, и тогда Лоринг Светоносный заговорил:

– Нам нужно как можно скорее восстановить Совет Тринадцати в том количестве, в котором ему требуется пребывать, а значит, необходимо выбрать нового Хранителя Порядка и нового Хранителя Квартала Нелюдей. Имя того, кто был подмастерьем у Вастераса, у меня имеется, с выбором на место Хранителя Порядка будет сложнее. Санли Орегх еще не начал обучать своего преемника прежде, чем покинул нашу страну.

– Если вы хотите, чтобы человек, занявший место во главе порядка, имел такие же способности, то можете рассмотреть любого студента из Высшей школы. Хотя бы с третьего курса. Главное, чтобы он успел выучить и сдать зачет по знаниям законов, – опередил остальных Хранитель Садов Знаний.

– Старейшина, – Лоринг Светоносный не дал никому ответить. – Этим колким замечанием вы в первую очередь ставите под сомнение выбор нашего короля.

– Выбор, который был сделан без участия Совета Тринадцати и без голосования, – абсолютно спокойным тоном ответил Хранитель Садов Знаний.

Король поднялся с места и подошел к пергаменту, висящему на стене. Он с интересом разглядывал руны на нем, а как добежал взглядом до самого конца, сорвал указ своего предка и с пергаментом в руках обернулся к своим советникам.

– В свое время мой предок посчитал создание Совета Тринадцати своеобразным толчком к процветанию и развитию королевства. Это действительно дало свои плоды, и я был бы глуп, если бы не унаследовал пытливый ум успешного правителя. К тому же все вы имеете свои таланты, которые помогают нам предотвращать нежелательные события и создавать последствия, делающие королю честь и славу. Мы жили в мире во времена моего правления, а те, кто решался нам противостоять, проигрывали рано или поздно. С тех пор как появился Сарвилл Кхолд, беды не прекращают преследовать нас. Я был готов поклясться, что все это проклятье, которое нужно снять во что бы то ни стало, иначе поражения не избежать. Я стал бросаться на людей, словно зверь. Сначала на Кхолда, который лишь ускользал от правосудия и тем самым смеялся над несостоятельностью системы закона в Дордони. Потом я отыскал проклятье в своей дочери. Будучи магом, она уничтожила мою любовь к себе с первым дуновением ветра. Затем я посчитал проклятьем императора Творса, который хоть еще и не напал на нас, но обязательно делает это. Затем же я просто остановился и поразмышлял.

Рогар Вековечный смотрел, как огонь в камине жадно об-

лизывает обуглившиеся поленья, и глубоко дышал. Затем еще раз повернул пергамент лицевой стороной к себе и бросил его в огонь.

– А потом я понял, – вдруг заговорил король, – что мое проклятье – это Совет Тринадцати.

Никто не успел произнести и слова. В окна запрыгивали неизвестные в масках, облаченные во все черное. Они почти бесшумно возникали за спинами хранителей и, приставив кинжалы к шеям советников, пускали из них кровь. Головы падали на стол, вокруг которого сидели старейшины и окрашивали в алый цвет карту Неймерии. Изумленное лицо господина Тиина застыло, придавив свои пухлые щеки к карте, а король продолжал говорить, словно его до сих пор слушали:

– Всего, что произошло за последнее время, можно было избежать. Но вы же со своим милосердием и мнимой дальновидностью вместо того, чтобы уберечь королевство, взявшись за лопаты, рыли ему могилу. Я не могу позволить этому беспределу продолжать рушить будущее нашего королевства.

Наступила тишина. Король продолжал стоять спиной к советникам и рассматривать пламя, пожирающее древний документ. За спиной один из хранителей кряхтел, пытаясь что-то сказать, но вскоре умолк вслед за остальными.

– Ваше Величество, – донеслось из тишины за спиной. – Все в этой комнате, кроме вас и меня, мертвы.

Король поднял руку, приказывая замолчать.

Владыка простоял у камина, пока за окном не стало совсем темно, а пламя не ослабело от тоски по дереву. И когда темнота полностью завладела залом мертвецов, заговорил:

– Как думаешь, твои люди уже покинули Дастгард?

– Непременно. Я рассчитался с ними заранее.

– Жаль.

– Почему?

– Сейчас нам понадобятся сильные союзники... – Король помедлил, размышляя над одной из своих мыслей. – Если бы я спросил тебя, мой друг, сможем ли мы нанять армию Вольных Городов, что бы ты ответил?

– Что купить можно все что угодно. Это лишь вопрос цены.

– Тогда ступай. Найми такую армию, какую только можешь, и, как только войско императора покинет Палатонес, займите столицу Творса. У узурпатора не должно быть отходного пути. А когда он вернется побитый как пес, сожгите и потопите все его оставшиеся корабли в Солнечном Море. Я щедро вознагражу всех вольных, которые останутся в живых. После того как императора не станет, возвращайтесь в Дастгард за наградой.

– Но... если император победит здесь. В Дордонии?

– Ты хочешь, чтобы я заплатил сразу. – Глаза короля злым блеском отразились в темноте. – Я дам тебе половину сейчас, за остальным возвращайся после смерти Драго Уйлетана.

– Будет сделано.

Вольный дождался, когда король вложит ему в ладонь кошель, и, довольно улыбнувшись, покинул Дом Войны.

Сотни гонцов накануне вечером получили свитки с королевской печатью и погнали своих лошадей в разные направления от Дастгарда с целью доставить важные вести в каждый уголок королевства. Колокол Войны, не будоражащий жителей уже много лет до последних событий, этой ночью вновь зазвонил, пробуждая ото сна даже самых заядлых сонь.

С раннего утра герольды, перебивая неутомимый звон, зачитывали на каждом углу в городе и за его пределами те новости, которые король приказал сообщить своим подданным по всей стране. Один из таких глашатаев вошел в ворота Портового квартала, который был последней точкой в Дастгарде, где еще не знали о случившемся.

Портовый квартал кишел народом. В лавках стояли продрогшие на утреннем холоде купцы рыбой, медом, вином, снастями для рыбалки и различными слесарными инструментами. Они торговали здесь тем, что было у них в изобилии, и тем, что непременно пользовалось спросом у моряков. Из таверны у самого берега выходили капитаны, отряхивая свои треугольные шляпы, вышагивали моряки, держа-

щие хихикающих девиц за талии, а следом лениво плелся трактирщик, выплескивающий из ведра тщательно намытое внутри. Несколько бродячих псов, свернувшись в клубок в надежде защититься от холода, мешали портовым работникам дойти до своих рабочих мест – они то и дело спотыкались о собак и, проклиная наступивший день, шли дальше.

В один из складов коренастые и все до одного загорелые грузчики разгружали барку, прибывшую накануне, подтрунивая друг над другом, чтобы таскать мешки было веселее. Недалеко плотники всюду стучали молотками по корпусу строящегося корабля, а какой-то портовый вельможа кричал на них, если ему казалось, что они не там забивают гвоздь.

Среди всего разбуженного звоном колокола порта, ступая в подмерзшую землю, королевский глашатай подбирался к самому видному, по его мнению, месту, с которого и будет произносить столь важные известия.

Забравшись на громоздкий ящик и отвернувшись спиной к морю, он уже начал привлекать к себе толпу, идущую на длинное гусиное перо, торчащее из его шляпы, как на петуха, отпущенного в одноименный праздник и значащего для простолюдинов очень много.

– Именем короля! Именем короля! – заблеял он звонким голосом. – Именем короля! Господа и госпожи Дастварда! Подданные Дордонии. Я – ваш король Рогар Вековечный, хоть сейчас и говорю не своими устами!

Первые крики герольда привлекли рабочих и моряков,

разгуливающих по берегу. Кто-то даже выбежал из-за таверны, в суматохе поправляя штаны и заправляя в них рубаху.

– Для Дордонии настали смутные времена! Члены королевской семьи гибнут и предают родную страну! Западная империя, именуемая Творсом, собирается напасть на наш славный город, а затем отбить другие поселения родного нам королевства, чтобы воплотить на земле нашей хаос и установить свой порядок, в котором люди Дордонии будут обязаны отдавать свои жизни за жизни магов.

Герольд бросил взгляд на толпу, в которой уже не было места для того, чтобы протиснуться даже самому худому гному.

– Накануне случилась беда. Беда, которая больше остальных несчастий ударила по королевскому сердцу! Я прошу прощения у вас! Прошу прощения у каждого, кто разбирает эти слова, и у тех, кто еще не научился говорить. У тех, кто уже не слышит, но до сих пор верит в свою страну! Я виноват! Я виноват перед каждым жителем Дордонии и за это прошу меня простить. Я не умертвил странника из Медвежьего квартала, и теперь он бежал из Башни Стихий! Я простил ему грехи, поддаваясь своему природному великодушию и являя пример милосердия всей Неймерии, и это позволило преступнику бежать. Теперь Сарвилл Кхолд вернулся. Накануне вечером он ворвался в Дом Войны в самый разгар Совета Тринадцати и мерзопакостной магией живьем сжег всех старейшин!

Толпа охнула настолько синхронно, как будто поразился новостью лишь один человек, а не сотни.

Герольд выждал время, пока последний человек перед ним перестанет вздыхать и обратит свое внимание обратно на него.

– Волей Великой Касандры я не смог явиться на совет вовремя и остался в живых! Воистину наша Богиня Плодородия своим провидением спасла мне жизнь, задержав в монастыре на еще одну молитву! Монахи, служившие в храме, в это время являются свидетелями настоящего чуда, сотворённого нашей Богиней! Теперь все жители Дордонии волей Великой Касандры призваны служить только мне – своему королю Рогару Вековечному! В единстве наша сила! В полдень в Шаарвиле я произнесу великую клятву верности нашей Богине, нашей стране и своим подданным, чтобы набраться сил мстить врагам государства и его недоброжелателям!

Герольд свернул свиток и загорланил уже свои собственные слова:

– Вы как хотите, народ Дордонии, а я прямо сейчас направляюсь к замку слушать клятву короля!

Толпа замерла, затем всколыхнулась, взорвалась и кинулась из порта.

Герольд, впечатлённый такой бурной и мгновенной реакцией, даже несколько растерялся, но вмиг пришел в себя и быстрым шагом, опережая торопливых горожан, понесся из

порта.

Ступая в покрытые тонким слоем льда лужи и расплескивая капли по сторонам, он пробирался сквозь толпу, вытекающую из порта, которая тут же соединялась с желающими посмотреть на короля жителями Купеческого квартала и, став единой массой людей, идущих в одном направлении по узким улицам Дастварда, вяло текла к замку.

Люди в негодовании восклицали, бранились, охали, всхлипывали и по-настоящему рыдали. Наполненные разными эмоциями даствардцы, так уверенно начавшие свой путь из собственного квартала, продвигались все медленнее и медленнее, пока длинные шаги вовсе не превратились в шорох подошв по мощёному камню.

Герольд, резво протискивающийся сквозь зевак, внезапно уперся в широкую спину высокого мужчины. Попытавшись пройти между ним и пожилой женщиной, он вдруг напоролся на отчаянное сопротивление как будто не их самих, а всей толчеи. Словно не человеческие плечи, спины и локти сейчас мешали ему проскользнуть, а настоящий камень.

Пользуясь сложившимся положением и не слишком высокой плотностью сзади, он пошел вдоль спин, возвышавшихся перед ним частоколом и преграждавших путь, выискивая слабое место.

Так сперва, увидев узкий проем слева от располневшего мужчины с лысеющим затылком, он скользнул в него, отталкивая дряхлого старика с узкой седой бородой. Попад, куда

хотел, словно нож в треснутую скорлупу, он преодолел еще несколько саженей вперед, вроде даже особенно и не побеспокоив никого. Потом он юркнул между ног у высокого эльфа, извинился, наградил того улыбкой и сиганул под телегу, заставленную различными вазами и коврами. Подтолкнув мальчишку, чтобы выбраться из-под нее, он выпрямился посреди Церемониального квартала. Отсюда до Шаарвиля было еще далеко, а здесь становилось все теснее и теснее, словно кто-то сдавливал толпу исполинскими тисками.

Бросив взгляд на небольшой храм в нескольких саженях левее, он уже с гораздо более явным напором принялся протискиваться к нему. Словив пару пожеланий провалиться в бездну и получив несколько ударов по различным частям тела, герольд все-таки оказался у стен храма.

Зацепившись одной рукой за уступ, он попробовал оттолкнуться от земли, но плотность людей засасывала, словно болото. Он попробовал подтянуться на руках, но толпа не отпускала. Тогда, просчитав все на несколько движений вперед, глашатай, бесцеремонно наступая на ноги, бедра, ягодицы, лопатки и плечи горожан, взобрался наверх. Кто-то обиженно кинул в него тем, что разбилось о стену храма и, осыпавшись вниз, подняло еще одну волну ругательств. Не обращая больше никакого внимания на то, что творилось внизу, герольд забрался на крышу храма.

Пестрое море из голов горожан волновалось. Волна за волной оно перекатывалось по Солнечной аллее вдоль рва, в

который заливалось море, окружавшее Шаарвиль. Люди из последних сил держались за ограждения, но то и дело падали с обрыва, перевалившись за ограждения. Кто-то потерявший своего близкого мог вскрикнуть и зарыдать чуть громче остальных стенающих, но через несколько минут эти вопли сливались со всеобщим горем и негодованием.

Преодолев Церемониальный квартал, перепрыгнув с крыши храма на крышу склепа, затем на крышу часовни и монастыря, герольд добрался до ворот, ведущих к Солнечной аллее. Попав на стену, огораживающую квартал, он соскользнул по воротам вниз, сделав там еще теснее. Случайно бросив взгляд рядом с собой, он увидел девочку небольшого роста, которая, смотря на него испуганными глазами, задышалась и не могла сказать ни слова. Быстро отвернувшись, чтобы не смотреть, как она может задохнуться, он принялся проталкиваться дальше.

Мост, что вел к Шаарвилю, был поднят. Люди, стоявшие ближе к обрыву, кричали в надежде остановить толпу, выдавливающую их сзади, но крик таял в наваливающейся из других кварталов массе горожан, спешивших к исключительному событию в Дордонии. Лишь спустя некоторое время суতোлка сзади перестала так наседать и люди больше не падали в ров, разбиваясь там о скалы.

Наконец, ознаменовав начало события скрипом поворачивающейся шестеренки, мост стал опускаться. Люди принялись громоздиться на него еще до того, как он полностью

соединился с землей, на которой неистовствовал народ, мешая тем самым мосту полностью опуститься. Кого-то придавило, но он даже не успел произнести и звука, как вся толпа ринулась в замок, не замечая под ногами бьющегося в агонии тела.

Герольда подхватило словно течением высокогорной быстрой реки и понесло вдоль Солнечной аллеи, где он периодически запинался о тела, попадающиеся под ноги. Течение проводило его по опустившемуся мосту прямо во внутренний двор замка, где теперь стало свободнее. За знаменитым Красным Садам раскидывалась обширная площадь, которая, конечно, не шла ни в какое сравнение со Штурмплац, но тем не менее могла уместить не одну тысячу жителей и воинов еще во времена великих осад.

Встав прямо перед замком, жители устремляли свои взгляды на высокий балкон, на котором и должен был появиться король всей Дордонии Рогар Вековечный. Однако вместо правителя пока что с балкона свисал десяток обгоревших тел, привязанных за ноги и болтающихся книзу головами. Дастгардцы немедленно догадывались, что это и есть старейшины кварталов, и тут же начинали еще активнее кидаться проклятиями и всеми возможными способами страдать – рыдать, вскидывать руки к небу, закрывать лица и утирать слезы. На обгоревшей коже каждого небрежно подвешенного на балконе была прицеплена та самая брошь в виде головы дракона, которую хранители из Совета Тринадцати

носили на своих золотых плащах при жизни.

С каждой минутой духота, преследующая любого побывавшего в настоящем аду за воротами, настигала и теперь – у самого Шаарвиля. Королевские паладины, встав в боевую стойку и просунув копыя сквозь щиты, не позволяли народу приблизиться. Вокруг на стенах стояли арбалетчики с взведенными болтами, наведенными в самое скопище народа, готовые начать стрелять по команде.

Лучники с обратной стороны замка, целящиеся в сторону моста, приказали людям внизу остановиться, когда всем желающим уместиться на внутреннем дворе больше не было возможности. Наконец взятая под контроль и под властью страха толпа стала успокаиваться и впредь только вздыхала, ахала и охала, не несясь вперед бесконтрольным пламенем, сжигающим все на своем пути.

На балконе появился Рогар Вековечный. Корона блестела на его голове, отражая лучи солнца, появившегося среди пасмурного неба, и бросала их в дастгардцев, то и дело ослепляя какого-нибудь не заслонившего рукой глаза зеваку. Через несколько минут солнце зашло за тучу, позволив всем беспрепятственно лицезреть своего владыку.

– Народ Дордонии! – властным тоном заговорил Рогар Вековечный, а его голос отскакивал от каменных стен и доносился до каждого угла во внутреннем дворе. – Узрите! Это старейшины, сожженные заживо Сарвиллом Кхолдом, странником из Медвежьего квартала! Те, кто хранил ваш по-

кой на протяжении многих лет! Благодаря которым вы спокойно могли вести хозяйство, растить детей и быть счастливыми! Теперь их умертвили самым позорным для Дордонию образом! Тем, борьбе с которым мы вместе с вами день за днем отдаем свои жизни!

Не разбиравшие речи короля дастгардцы с нетерпением теребили стоящих впереди и переспрашивали, а затем передавали суть сказанных королем слов дальше, и так все жители не столько наверняка, сколько приблизительно понимали, о чем ведет речь владыка королевства.

– Были среди вас те, кто стоял на стороне медведя и желал ему добра? Смотрите же, какой монетой он нам оплатил! Нравится? А что будет, когда он придет жечь весь Дастгард и всю Дордонию вместе с ее жителями? Хотите вы оказаться на месте этих несчастных старейшин? Нет? И я не хочу!

Владыка поднял руку перед собой и повел ее над толпой, словно прикасался к челу каждого из горожан.

– Сегодня я прошу у каждого из вас прощения за то, что не поверил своей советнице! А она предупреждала меня! Она говорила, что Сарвилл Кхолд соберет великую армию магов и превратит Дастгард в пепел! Мне нужны были доказательства! Вот они! Я их получил! Но какой ценой! Ценой смерти невинных! Я опоздал всего лишь на минуту, но этого времени медведю хватило на то, чтобы жестоко расправиться с дастгардцами! Сколько времени ему понадобится, чтобы убить тысячу? Десять тысяч? Он истребит нас всех за один

день!

Толпа внимала своему правителю, раскрыв рот в едином порыве.

– Нет! – завопил король так, как будто издавал предсмертный крик. – Если после всего, что вы узнали, вы не захотите убить любого, кто разного цвета глазами посмотрит на вас, то вы не дордонийцы! Вы слабаки и трусы! Предатели собственной родины и собственного рода! Черви, не достойные жизни! Я ненавижу любого, кто готов простить странника за этот поступок! Поднимитесь ко мне, и я собственными зубами выгрызу ваши жестокие сердца!

Толпа захлебнулась тишиной. Лицо короля багровело от показной ярости. Знамя, на котором лев вцеплялся в глотку дракона, висящее позади трупов, трепалось от ветра, несущегося со стороны моря.

– Но если вдруг ваша рука потянется к оружию с неистовым желанием убить тварь, которая совершила это злодеяние... – Он показал рукой на обгоревшие трупы и на несколько секунд замолчал, слившись с тишиной. – То нет границ силе Дордонии! – он заорал так, что его голос должен был сорваться. Однако если бы так случилось, то этого никто бы не заметил, потому что толпа в ответ разразилась дикими воплями. – Нет врагов нашей родине! Потому что мы прогоним каждого, кто покусится на наш дух! На нашу землю! На нашу волю! – Король бил себя кулаком в грудь и разбрызгивал слюну по широкому балкону. – На наше наследие!

Толпа ревела, словно зверь в предсмертной агонии.

– И если мы не сможем дать отпор недоброжелателям... – он заговорил тише, заставив всех подданных погрузиться в тишину, и снял с головы корону. – То никакой я не король! Не сын своего отца! И эта корона пусть катится в бездну!

И он выбросил корону в толпу, провожая ее взглядом, полным ярости, и наслаждался, как люди начинают драться за драгоценность.

– Я долго жил по правилам, которые были придуманы кем-то, кто существовал в другом мире! В других условиях! В другом времени! Именно поэтому дордонийцы до сих пор не властители мира! Хватит! Верьте мне или идите к дьяволу! Выполняйте каждый мой указ, который сделает наш народ великим, или идите к дьяволу! Бейтесь за свою страну или будьте прокляты!

Глаза каждого человека в толпе налились кровью, и они орала что есть мочи в ответ.

– А я клянусь вам! Клянусь покорить Творс! Убить Сарвилла Кхолда! Покорить всю Неймерию!

Король закрыл глаза и прислушался к реву подданных. Словно звери, они извергали проклятия в сторону его врага, возносили молитвы, прося у Великой Кассандры здоровья своему владыке, желали драться с любым врагом Дордонии здесь и сейчас. Рогар еще раз окинул внутренний двор взглядом, развернулся и скрылся за стенами Шаарвиля.

– Да! Да! Пусть будут прокляты наши враги! – орал ге-

рольд вслед королю, окончательно слившись с толпой.

Король вошел в тронный зал и твердой походкой направился к пепельноволосой чародейке, которая стояла подле трона. Подойдя к ней ближе, он схватил ее за тонкую шею и впился губами в ее губы. Она ответила страстью, схватила правителя за волосы. Развернув Люцию к одной из колонн, что удерживали потолок, Рогар разорвал черное платье и овладел ей.

– О чем я думаю? – спросил король, лежа в постели и обнимая чародейку.

Она приподняла голову и заглянула в его глаза.

– О смерти... – Она опустилась обратно на его плечо.

– И все?

– Это все, что требует моего внимания, – равнодушно произнесла Люция.

В углу комнаты стояли королевские доспехи и отражали лучи выглянувшего солнца. Шум толпы снаружи утих. Лишь некоторые выкрики слышались из Красного Сада до сих пор и с каждым новым словом удалялись все дальше и дальше.

– А о чем думаешь ты? – Рогар глядел сквозь окно на небо. Она молчала.

– Ведь я не могу забраться в твою голову и вытряхнуть из нее все мысли, которые мне интересны.

– Вам и не нужно, мой король. Я скажу Вашему Величеству все что угодно и без применения магических способностей. К тому же вы хотите слышать мысли, которые важны вам. Мне хватит и языка в таком случае. Остальное в моей голове – это не более, чем женская ерунда, касающаяся только самой женщины.

Крупная птица с черным оперением, превышающая размером самых крупных воронов, приземлилась на карниз и тут же, взмахнув огромными крыльями, унеслась вдаль.

– Ты читала мысли вольного. Его намерения действительно сходятся с тем, что у него на уме?

– Да. Его интересуют лишь деньги. Даже власть для него – пустой звук. Он сделает все что угодно, пока ситемы из королевской казны пополняют его кошель.

Король задумался.

– Я видел в деле вольных и прежде. Это великие бойцы. Несмотря на их репутацию, дисциплине воинов из Вольных Городов может позавидовать любая армия севера. Если им действительно удастся тайно пробраться в замок в Палатонесе, а затем захватить его... Творс будет наш, как только мы отразим атаку моего шурина.

– Вы понимаете, что ваша супруга может погибнуть во

времена всех этих перипетий?

– Сознаю. Антина мудрая женщина, но она больше не несет пользу своему королевству.

– А как же ребенок?

Камин топил комнату всем жаром от коптящихся внутри поленьев, но воздух тем не менее становился все холоднее. Король поднялся с постели, бросил взгляд на внутренний двор, который теперь был усыпан различным мусором, и закрыл ставни.

– Это больше не тот ребенок, который мне нужен. А спустя время здесь не должно появиться никого, кто будет претендовать на трон и иметь при этом в своих жилах кровь эльфов. Магия исчезнет вскоре раз и навсегда.

– А как же Лиана?

– Лиана не моя дочь. Забудь о ней. Как только люди узнают правду о ее рождении, то на земле Дордонии ей больше не будет места.

– Тогда зачем вы спасли ей жизнь? – Люция смотрела в глаза короля и читала страшную тайну.

– Не может быть! – наконец произнесла она и уронила голову обратно на подушку. – Тогда кто будет наследником престола?

Рогар подошел к столу и залпом выпил стакан воды, а затем стал отрывать от виноградной лозы ягоду за ягодой, заменяя то, от чего прежде не отказывался никогда.

– Я знаю, что ты уже прочитала мои мысли, – сказал ко-

роль, не смотря на чародейку. – Да. Ты не будешь матерью наследников Дордонии. Видишь, мне не нужен дар, чтобы прочитать по твоему лицу, что это тебя расстраивает.

Он пристально посмотрел на Люцию. Губы чародейки скривились. Она не говорила.

– Но ты будешь любовницей короля всего объединенного севера. Скажи, разве этого недостаточно?

Женщина неохотно улыбнулась.

– Когда все маги на Неймерии умрут, я сохраню тебе жизнь и вместе со мной ты будешь инкогнито править великой империей. Тебе не привыкать. Но надвигающиеся войны предоставь мне и ни при каких обстоятельствах не вмешивайся в военные дела.

– Да, Ваше Величество.

– А теперь оставь меня. Я хочу побыть один.

Глава 11

Антина Уйлетан, облаченная в длинное черное платье, сидела у окна и рассматривала, как тысячи магов прощаются со своими близкими и поднимаются на палубы кораблей, стоящих на якорях в порту. Улицы, изобилующие прохожими, пустели на глазах – у лавки со сладостями больше не толпилась очередь, которая в прежние дни, по своему обыкновению, тянулась на несколько сажений, в саду больше никто не практиковал магию, то и дело расшвыривая городское имущество по сторонам. Дети, которые еще вместе с ней много лет назад забирались на исполинское дерево в центре города, теперь зрелыми мужчинами в стройных многотысячных рядах армии императора исчезали за вуалью корабельных кают.

Рыжие волосы королевы были распущены, а лицо побледнело, равно как и ее губы. Она держала на руках ребенка и кормила его грудью.

– Как чувствует себя дитя? – из-за спины Антины послышался голос императора. Она вздрогнула.

– Мальчик здоров. Постоянно просит есть. Лиана не была такой.

– Лиана никогда не желала быть наследницей, а потому и аппетит у нее соответствующий.

Драго Уйлетан встал позади сестры и сложил ей руки на плечи, устремив свой взгляд вслед за ее на свою могучую

армию.

– Ты наверняка решил?

– Без сомнений.

– Но правильно было бы дождаться Расцветания. Вы будете в Дордонию в самую стужу. – Она положила ладонь на свое плечо, сжав руку брата, и наконец взглянула на него.

Его рыжие волосы блестели в лучах солнца, а золотые доспехи были неподвижны, как и он сам. На его груди нанесенный на панцирь черный дракон извергал из пасти поток пламени.

– Правильно было бы не допустить раздробленности нашего прежде единого королевства. Остальное – лишь последствия. Лишнее время даст фору нашему противнику, мы не будем так рисковать.

– Драго, брат, пообещай мне, что сперва будешь говорить с Рогаром о том, чтобы он добровольно сдал Дастгард.

– Рогар не дипломат, сестра. Он скорее повесит меня в порту для устрашения моих же войск, чем бросится выслушивать. Ты же знаешь.

Ребенок у королевы на руках закапризничал и принялся махать ручками и ножками.

– Я могу пообещать, что не убью его. Если не будет он стоять до смерти.

– Он будет.

– Тогда прости. Клянусь тебе, мне нужен только трон. Не больше. Всем, кто умрет в этой войне, не было нужды стоять

до последнего издыхания.

Они оба уставились на отряд рыцарей, подошедший к следующему подплывшему кораблю. Это было большое судно с тремя главными парусами и множеством маленьких. На носу красовалась исполинская морда дракона, сделанная из золота, а сам корабль был выкрашен в черный, как и все остальные, что сейчас дрейфовали в гавани.

– Антина, я пришел с новостями. Говорят, никого из членов Совета Тринадцати в Даггарде не осталось в живых, кроме короля.

Рыжеволосый повелитель Творса почувствовал, как плечи королевы Дордонии напряглись, а ее дыхание стало еле уловимым.

– Сочувствую тебе. Я знаю, ты хорошо знала каждого из них.

Император некоторое время ожидал ответа, но его не последовало.

– Говорят, что это дело рук странника. Он сбежал из Башни Стихий и вернулся мстить за смерть принцессы. Если это правда, нам понадобятся дополнительные усилия, чтобы взять его живым. Не исключаю, что Сарвилл Кхолд лишился рассудка в свете последних событий. Но ничто не мешает мне узнать тайну Последнего Элемента.

– Я не уверена, что это медведь.

– Ты полагаешь, что сам король мог это сделать?

– Возможно.

– Признаюсь, меня тоже посещали подобные мысли. В любом случае сейчас не приходится надеяться на помощь и благоразумие Совета Тринадцати в переговорах.

Попугаи затрепыхались в клетке и принялись выкрикивать не похожие ни на один язык слова.

– Я назначаю тебя регентом государства на время всего моего отсутствия, – сказал Драго Уйлетан спустя некоторое время. – Нужные письма, подтверждающие мой указ, я уже разослал во все поселения в Творсе. Каждый наместник знает, кто ты, и будет служить императрице. Это Туамон. Помнишь его?

Королева сначала не отреагировала, а потом, словно испугавшись чего-то, резко обернулась. У двери стоял пожилой человек в широкой серой рясе, большим кулоном с головой дракона, висящим на шее и как будто еще больше тянущим и так сутулого старика к земле. Его темно-серая борода вилась до самого пояса, а сам он опирался на посох, который был покрыт корой березового дерева.

Старик стоял в комнате с самого начала их разговора, но был настолько бесшумен, что даже сейчас, завидев его, Антина посчитала гостя привидением.

– Госпожа, – протянул советник и преклонил голову.

– Он ухаживал за нами с самого детства, пока тебя не забрали в Дастгард, – продолжал Драго Уйлетан. – Со мной он до сих пор. Верный друг и мудрый советник. Он поможет тебе не изменить своим принципам под бременем власти во

время моего отсутствия.

– Я помню вас, господин Туамон. – Королева поклонилась пожилому мужчине. – Кажется, вы вырастили не только нас с братом, но и нашего отца.

– И его отца я тоже застал в самой юности, госпожа. Я служу нашей великой империи с тех самых пор, как себя помню... – Он еще раз сделал попытку поклониться, но сейчас это было вовсе незаметно из-за его слишком скорого возвращения в исходную позу.

– Я рада, что вы составите мне компанию после отбытия брата. Хотя я и действительно плохо помню вас. Однако мне достаточно слова императора, чтобы начать доверять вам, господин Туамон.

– Благодарю, Ваше Величество. В таком случае я сейчас же перестану мешать семейной сцене изобиловать всеми прелестями и печальми расставания. А завтра ранним утром надеюсь застать вас в таком расположении духа, которое позволит нам приступить к решению насущных вопросов, включающих отлагательство.

Старик медленно развернулся и, преодолевая ступеньку за ступенькой, короткими шагами покинул башню.

– Он поможет тебе править, – сказал император. – Его тело оставило все здоровье его уму. Не заботься о верности решений моего советника. Пусть империей правили на глазах Туамона разные люди, но за их распоряжениями так или иначе всегда стоял он.

Драго Уйлетан положил свою руку на голову уснувшего младенца.

– Он похож на тебя, сестра.

Королева устало улыбнулась в ответ.

– Когда он вырастет, мы отдадим ему трон Дастварда, а может, и всей Дордонии. Пора прощаться, – произнес император, затем поцеловал сестру в лоб, прикоснулся губами к ребенку, взял со стола шлем и прикрыл за собой дверь.

Палатонес не опустел, отправив тысячи магов и рыцарей на войну с Дордонией. Однако женщин, стариков и детей на улицах стало превосходящее множество. Теперь толпы горожан собирались вечером на берегу и взглядами убегали по волнам вслед за своими отцами, мужьями, братьями и сыновьями.

Кто-то, стараясь быть бесшумным, горевал, всхлипывая в платок; кто-то гордо смотрел вдаль и ждал возвращения своего близкого, но уже прославленного великой битвой героя; другие и раньше ходили размышлять на берег, но теперь становились частью этой толпы, обреченной делить шум морского прибоя с кем-то еще.

Купцы, никогда не упускающие возможности воспользоваться большим столпотворением людей, эльфов и гномов, в кои-то веки не приставали к прохожим в порту. Они не тре-

вожили тех, чьи сердца сейчас были беспокойны. Они становились ближе к воротам в город и молча ждали, когда их товары смогут быть полезными.

Каждый в городе понимал, что началась величайшая война, несущая в мир хаос, но и непременно осознавал, что находится на сильнейшей стороне, заведомо победившей всех своих врагов и несущей не менее великую славу империи. Кроме детей. Дети, не вникающие в происходящее, продолжали играть друг с другом на берегу, запинаться, падать, корчить физиономии, смеяться и кричать, тем самым вызывая улыбки на лицах своих матерей, бабушек и дедушек и просто прохожих.

Миновало несколько дней с тех пор, как корабли уплыли из гавани, и все эти дни Антина со своим ребенком совершенно одна, укутанная в плащ, спускалась к морю и становилась частью тех, кто неустанно смотрел в накатывающие на берег волны.

Ей нравилось в родном городе. Вернувшись домой, она словно вновь обрела себя. Тяжелые королевские решения давались легко и беспристрастно, живущие здесь расы были дружелюбны и пребывали в мире друг с другом, а за Могучей Стеной Палатонеса она чувствовала свой народ и себя в безопасности. Даже вкус у фруктов, которыми она, по обыкновению, заменяла свой ужин в Творсе, был совсем другим – насыщенным и приятным, а не черствым, которым она привыкла довольствоваться в Дастгарде.

Советник Туамон знал толк в правлении и в том, что значит быть советником. Антина не успевала еще и подумать о том, как она хочет поступить, как старец являл свою версию, которая чаще всего принималась королевой. Он умело распоряжался стражей, казной, добычей информации, принимал жалующихся горожан – одним словом, делал все, чтобы Антина могла проводить время со своим ребенком, не отвлекаясь на детали.

В очередной день она сидела на небольшом холмике, полностью заросшем короткой травой, уложив младенца рядом на покрывало и размышляя обо всем, что случилось с ней с самого дня отплытия из Дордонии.

– Ваше Величество, – вдруг из-за ее спины возник мужской голос, а вслед за ним мелькнуло лицо Санли Орегха. – Позвольте составить вам компанию?

– Присаживайтесь, хранитель.

Санли Орегх кивнул в знак благодарности и сел на траву с другой стороны от спящего младенца.

– Спасибо, что позволили уехать с вами. Сегодня я уже мог быть среди мертвых.

– Оставшись в Дастгарде, Хранитель Порядка мог бы предотвратить беду, постигшую Совет Тринадцати.

– Вы же знаете, что я больше не был тем, кем вы меня назвали.

– Я верю в то, что вы именно тот Хранитель Порядка, которого ждала изможденная Дордония многие годы.

В нескольких саженях от берега в воде что-то булькнуло и разводы крохотными волнами разошлись по сторонам.

– Вы верите в то, что это мог быть странник? – спросил паладин, оставив заключение королевы без внимания.

– Не знаю. Я думала на короля, но, мой муж хоть и слышет тираном, против власти он никогда не смел идти. Очень много последствий невозможно предвидеть, переворачивая привычный уклад с ног на голову.

– Возможно, это сделал кто-то, кого мы не подозреваем. Я разговаривал с Кхолдом по пути в Башню Стихий. Он не был человеком, способным на такое. Хотя у магов ум за разум... Простите. Я не то имел в виду.

– Не извиняйтесь. Вы скоро станете другим. Сколько мы в Творсе? А вы смотрите, как особенности говора схватили.

– И правда, – рыцарь улыбнулся.

– Никто не знает ваше имя и кто на самом деле вы?

– Нет, Ваше Величество. Я осторожен и предупрежден о том, как все защитники кончают в Творсе. Сейчас и имя я использую другое.

– Какое же?

– Рихард.

– Я где-то слышала его...

– Мой дед. Так звали деда.

– Хм. И верно. Это было так давно. Мало кто вспомнит сейчас имя человека, возглавлявшего первый поход Инквизиции. Однако я бы предостерегалась. Скажите, многие сей-

час уже знают ваше новое имя?

– Достаточно. Мы уже долго здесь, и каждый спрашивал меня. От корчмаря до кузнеца.

– Тогда поделаться ничего нельзя. Рихард. Что ж.

Королева впала в раздумья. Прежний Хранитель Порядка всей Дордонии не смел отвлечь ее.

Пара детишек играла у самой воды. Зарыв колени в песок, они старательно выковыривали из невысокой сырой кучи небольшие отверстия и срезали лишнее с ее краев так, что их строение стало походить на дворец, возвышавшийся за спинами всех смотрящих вдаль на берегу. Сильная волна вдруг окатила детей сзади, повалив их на собственный песочный дворец, который тут же слился с остальным песком на берегу. Мальчик капризно скривил лицо и принялся ругать девочку, обвиняя ее, а не стихию в настигшей их творение неудаче. Тут же к разразившему тишину ребенку подбежала женщина, шлепнула его и, схватив за руку, увела за собой. Обвиненная в несчастье девочка осталась на песке, вся мокрая и чумазая.

Королева заговорила ровно тогда, как все это произошло, видимо, тоже молчавшая до тех пор, пока не увидит кульминацию детской забавы.

– Завтра в полдень поднимись в мои покои, я представлю тебя магистру Туамону. Это советник моего брата. Не думаю, что могут случиться какие-то трудности, поэтому скажу тебе сейчас. Я хочу, чтобы ты встал на службу творсий-

ской империи. Как защитник. Но не тот, каким привык быть ты. А как защитник государства, который будет стоять плечом к плечу с магами, а не против них. Согласен?

– Я... – Санли Орегх не знал, что ответить.

– Брось, паладин. Где гарантия, что Совет Тринадцати, в котором мог быть ты до сих пор, не стал жертвой обычной человеческой жестокости, а не магии. Борьба с проявлениями стихий тебя учили там, где сейчас жаждут убить. Пришло время подстроиться под новые реалии и попробовать найти себя в том, что ненавидишь больше всего.

– Но как же клятва и закон?

– Клятва и закон написаны людьми, которых ты никогда не знал. Если тебе важно быть принципиальным, придумай свою клятву и свой закон. В этом случае, по крайней мере, предавать ты будешь себя, а не тех, кто пытается тобой манипулировать.

– Вы говорите такие вещи, моя королева... Если в них поверят обычные люди, то будет нарушен весь порядок, веками укладывавшийся в Неймерии.

– Эти слова не предназначены для ушей других людей.

Разговор прервался, давая собеседникам время на размышления под звуки бушующих волн.

– Почту за честь, Ваше Величество, – наконец сказал Санли Орегх и хотел встать, чтобы ударить себя кулаком в грудь, но, не закончив движение, вдруг остановился и лишь склонил голову.

– Это правильное решение, Санли.

Антина поднялась, преждевременно дав понять паладину, что ей не нужна помощь. Взяла младенца и оставила прежнего Хранителя Порядка в одиночестве.

Идя по Палатонесу, королева невольно обратила внимание на то, что столица Творса отличалась от столицы Дордо-нии, как леса отличаются от полей, а водопады – от горных рек.

Вокруг не было нищих, просящих подаяние во имя Богини Плодородия, не было больных собак и кошек, которых в Дастгарде пинали, убирая прочь с дороги, а с тех пор, как корабли уплыли из гавани, не осталось даже такого количества прохожих, по своему обыкновению, идущих вечером по улицам в направлении каких-то своих очень важных дел. Здесь даже стражники не гремели латами на всю округу, потому что были облачены в кожаные доспехи, а некоторые из них и вовсе не носили оружия, будучи наготове в любой момент использовать магию.

Королева вошла на территорию дворца. По саду, раскинувшемуся перед входом, бегали слуги и, лишь увидев свою госпожу, останавливались и преклоняли головы. Анти-на остановилась рядом с одной из служанок и с ее позволения взяла из ее рук розу нежно-розового цвета, только что сорванную с куста. Она приблизила ее к носу и вдохнула приятный аромат. Затем, заткнув стебель за ленточку на одеяльце ребенка, вошла во дворец и с трудом поднялась в свою

комнату в одной из высоких башен.

– Как мы тебя назовем, а? – спросила у своего ребенка Антина, укладывая того в кроватку.

В ответ младенец лишь слегка повертел своим розовым личиком.

– Когда-то ты займешь трон Дордонии и сделаешь те улицы такими же безопасными, как эти. Ты будешь великим правителем. Величайшим воином в истории Неймерии. И тем, кто наконец прекратит бесконечные распри на землях севера. Как же будут звать этого героя, а?

Она не удержалась и вновь взяла сына на руки. Он тут же закапризничал и потребовал уложить его обратно. Королева повиновалась.

– Не любишь, когда что-то не по-твоему, да? – Казалось, она уже хотела произнести какое-то имя, но упавший за спиной предмет не позволил ей сделать этого.

Она не обернулась. Не сделала ни одного резкого движения, потому что уже знала, что за спиной кто-то стоит. Кто-то, кто не желал ей добра и пришел убить. Иначе кому может понадобиться бесшумно проникать в императорские покои и прятаться в тени, дожидаясь свою жертву? Любое неправильное движение, любое неправильно сказанное вслух слово оборвет жизнь ей и, скорее всего, ее ребенку.

Королева очень медленно выпрямилась над детской колыбелькой и замерла, словно статуя.

– Стой, – произнесла она шепотом, все еще не обраща-

ваясь.

Тень, которая падала слева и облизывала край колыбели, пошевелилась, так и не издав ни единого звука, но все еще занимая прежнее положение. По крайней мере, теперь для Антины ее смерть не станет неожиданностью, если тень незнакомца вдруг встрепенется и сольется с ее силуэтом.

Было хорошим знаком намерение незваного гостя позволить себе выслушать ее. Значит, убийца пришел не по своей воле. Не в твердых намерениях. Не с одной единственной целью – чтобы убить свою жертву. Значит, он сомневается.

– Тебе платят за мою смерть, – так же тихо и спокойно заключила несчастная мать. – Я дам тебе вдвое больше золота и даже не попрошу позволения обернуться.

Тень не пошевелилась. Она оставалась в том же положении. Однако ледяное лезвие кинжала вдруг упало королеве на шею. Антина в ужасе набрала воздуха в грудь.

Этого она не предполагала. Все, что казалось ей логичным, в один момент вдруг обрушилось, словно дворец из песка, построенный детьми, и выбило из нее застывшее спокойствие. Последняя попытка. Преступник медлит. Если и сейчас она скажет что-то не так – смерть. Лоб покрылся холодным потом. Ей показалось, что она молчит уже вечность.

– Я умираю, – вдруг сказала она. Лезвие хоть и орошало ледяным дыханием, но больше не касалось кожи.

То, что нужно. Теперь если она будет искренней до конца, то не умрет. Сегодня.

– Уже несколько месяцев я недомогаю. Все, что давали мне лекари и алхимики... Все эти эликсиры. Они не помогли. И лекарства, и магия – бессильны. Я вскоре все равно умру. Зачем в таком случае незнакомцу убивать меня, когда я могу заплатить столько золота, сколько он пожелает, и его цель в итоге все равно будет достигнута?

Убийца не пошевелился.

– Откуда тебе знать, что я говорю правду? Просто взгляни на этот платок. – И королева медленно подняла левую руку, в которой висел белоснежный, украшенный золотыми узорами и обрамленный серебряной каймой платок.

Антина повернула его в руке так, чтобы взгляду незнакомца открылось кровавое пятно, размазанное в самом центре белоснежной ткани. Убийца отпрянул, но острым клинком все еще упирался королеве в поясницу, видимо, раздумывая над вновь вскрывшимися фактами.

Вдруг послышалось какое-то слабо осязаемое дуновение, как будто легкий ветерок просочился сквозь щель в ставнях, а сразу за ним последовал глухой стук. Кинжал больше не касался королевы, а за ее спиной что-то тяжело рухнуло на пол.

– Ваше Величество... – Она узнала голос Санли Орегха, и на этот раз испуганно и резко обернулась.

Облаченный в черное, на полу лежал человек. Недалеко от его правой руки томился тот самый кинжал, который она чувствовала у себя на шее мгновениями ранее. Рядом ле-

жала голова. Напротив королевы стоял Хранитель Порядка, упавший на одно колено и вонзивший перед собой меч, которым убил незнакомца. Антина выдохнула.

– Спасибо, Санли, – произнесла она, едва переведя дыхание, и не обдуманно, а следуя материнскому инстинкту, нагнулась к ребенку и принялась осматривать, все ли с ним в порядке, спрятав кровавый платок под подушку в колыбельке.

Немного успокоившись и убедившись, что сын продолжает спать крепким сном с тех самых пор, как она вернулась в покои, Антина вновь повернулась к защитнику.

– Вы спасли мне жизнь. Еще раз я выражаю свою признательность и буду благодарна вам до самой смерти.

– Моя собственная клятва служить моей королеве бессмертна.

Антина медленно моргнула в знак одобрения и повернулась обратно к детской кроватке.

– Но как вы догадались, что в моих покоях поджидает убийца?

– Незнакомца я заметил еще на пристани. Был не уверен, что он наблюдает именно за вами, но, едва я к вам подошел, этот человек исчез. Я сразу догадался, что он может поджидать вас на пути во дворец.

– Но почему вы не сказали мне? – немного раздражившись, спросила королева.

– Простите, – защитник склонил голову. – Я не был уве-

рен до конца, Ваше Величество. И не хотел вас попусту тревожить.

Антина сняла перчатки и положила их на комод, слегка помедлив, словно переводила дух.

– И вы меня простите. Кто это?

Санли Орегх принялся осматривать тело.

– Кинжал абсолютно обычный. Без рун, узоров и тому подобных украшений. Выточен на скорую руку и, скорее всего, для одного единственного раза. – Паладин помолчал. – Его облачение не предназначено для сражений и даже лютых холодов. Зато оно легкое и удобное. Это он обвязывал вокруг лица, чтобы скрыть его.

Защитник убрал ткань с головы убитого. На него смотрели два будто бы удивленных глаза, а рот был скривлен. Он стал ощупывать тело в надежде найти что-то, по чему сможет установить личность неизвестного.

– Ничего, – разочарованно заключил Санли Орегх. – Нужно искать того, кто мог желать вам смерти. По телу покойника нам не определить правды. Это профессионал, который смог проникнуть в ваши покои, преодолев не обычный путь, который открыт вам, мне или другим гостям императора. Он пролез через окно. Я бы предположил, что это вольный. А кто его нанял, другой вопрос.

Королева нащупала стул и упала на него.

Свечей в комнате горела едва половина, и в этом тусклом свете можно было рассмотреть недоумение на лице рыжево-

лосой женщины.

– Подозреваемых недоброжелателей в эти темные времена слишком много, чтобы, тыча пальцем в небо, установить единственно верного... – Королева задумалась. – Это может быть послание из Шаарвиля или любой творсиец, не желающий терпеть моей власти в отсутствие императора. Было бы опрометчиво быть определенно уверенной в одном из выводов, исключая второй без каких-либо на то причин. Хотя, если вы спросите меня, я бы поставила на моего мужа.

Санли Орегх опустил голову.

– Король отдал приказ убить моего отца, своего близкого друга. Я понимаю, почему вы подозреваете Рогара Вековечного. Что прикажете делать? Искать истинного убийцу?

– Нет, – как-то очень резко отрезала королева. Паладину показалось, что она не хочет знать правды. – На полу лежит призрак. Человек без имени, без семьи, без прошлого и будущего. Если мы пойдем по следам, которые он оставил, то не придем никуда. Важнее сейчас сосредоточиться на моей защите. Убийцы придут вновь, как только выяснится, что я жива. Планы меняются, господин Орегх. Я прошу вас стать на моей страже немедленно.

– Это великая честь, Ваше Величество, – отозвался паладин.

– Завтра мы сообщим об этом старейшине Туамону. Сегодня я заночую в другой комнате, проводите меня.

Королева взяла ребенка, крепко прижала к груди и пошла

вперед, аккуратно обступив истекающее кровью тело преступника.

Они вышли на винтовую лестницу, королева попросила защитника взять факел и пошла следом за ним, указывая путь.

– Сюда.

Они вышли к длинному открытому коридору, ведущему с одного конца дворца к другому. С моря дул ветер, небрежно стряхивая с головы наследницы Уйлетанов капюшон. Пламя на конце факела трепалось, словно знамя из тончайшей ткани при легком бризе. Защитник шел рядом с королевой, поглядывая с высоты на кроны деревьев, скупо покрытых желтой листвой.

– Я стоял за спиной убийцы почти с тех самых пор, как он дал вам о себе знать, – начал Санли Орегх как бы невзначай. – Но рубить было опасно, я мог вам навредить.

Королева заглянула под одеяльце, чтобы удостовериться, что малыш еще спит.

– Ведь я жива. Выходит, ваш поступок оказался верен, – ответила она холодно, властно и смотря перед собой.

Санли Орегх больше не пытался затеять этот разговор.

– Господин Туамон, не удивляйтесь. Этот человек будет теперь всюду ходить за мной по пятам. Вчера он спас меня от

неминуемой гибели. – Королева вошла уверенной походкой и села во главе высокого дубового квадратного стола.

– Мое имя Рихард, господин. Я приехал вместе с королевой.

– Как угодно. Как угодно, – запричитал старик, проходя мимо гостей кабинета и усаживаясь на свое место.

Он поерзал еще некоторое время, прежде чем твердо уселся и вцепился худыми длинными пальцами в увесистую книгу.

– Я осведомлен о досадном событии. Мне принесли весть о покушении на Ваше Величество засветло. Не теряя ни минуты, я взял на себя ответственность отдать приказ не сжигать тело убийцы, а осмотреть его самолично. – Магистр облизал свои сухие бледные губы. – Интересный факт. Интересный факт обнаружился при вскрытии.

Старик суматошно и в то же время уверенно листал страницы в книге.

– Где же это?.. Где же?..

Королева уже долго наблюдала за императорским советником, бросая взгляд то на защитника, то на Туамона.

– Пока вы не отыскиали то, что ищете... я хотела обсудить с вами кандидатуру господина Рихарда на место командующего обороной города.

– Конечно... Конечно... Где-то здесь... – Туамон, казалось, совсем не слушал королеву. – Вот! Вот оно и есть. При убийце не было ничего, что могло бы подтвердить его лич-

ность, – начал он, распластав пятерню по одной из страниц, чтобы больше не потерять ее. – Я уверен, и вы это выяснили сразу после инцидента. Тогда я осмотрел все тело на наличие татуировок, шрамов и других опознавательных особенностей. Ничего примечательного. Это и стало для меня загадкой. Судя по всему, убийца проник через окно, взобравшись по стене. Пришел убить, а значит, что, скорее всего, делал это не впервые. У таких людей и нелюдей всегда бывают шрамы. Даже самая осторожная кошка хотя бы раз в жизни не опускается на лапы...

Он остановился в размышлениях и скрупулёзно забегал глазами по странице, не замечая, как пальцами правой руки касается своих губ.

– Где же этот абзац? Вот. Вот и он. Сиадалы, – прочел магистр Туамон первое слово в предложении. – Это преступный синдикат, существовавший еще до времен возникновения Вольных Городов. Древнейшая каста убийц, скрывающаяся от всего мира... Так-так. Вот здесь. Сиадалы обладали уникальной особенностью. Процессы, происходящие в организме сиадала, обладают способностью регенерации всего организма...

– Это значит... – не выдержал Санли Орегх, перебив возбужденным голосом старейшину.

– Нет-нет. Единственным способом убить сиадала является отсечение головы. В этом случае особенность организма заживлять собственные раны не работает. После убийства

данной особи тело необходимо предать огню, а останки распылить в разных концах света.

Старейшина с удовлетворением поднял голову от книги и с нетерпением упрятал замерзшие руки в рукава своей мантии.

– Значит, убийцу подослал кто-то, кто имеет связь с этими... сиадалами.

– И это, как вы понимаете, не случайность, Ваше Величество. Сиадал просто так не выйдет из укрытия. Если мы оглянемся на их историю, то четко уловим одну-единственную суть – эта раса на грани истребления. Господин Рихард, прошу вас, подайте мне те рукописи, что лежат позади вас. Осторожно, прошу. Они живут множество веков и очень ветхи. Благодарю.

Советник взял свиток в руку, но не развернул его.

– Все утро я провел в императорской библиотеке, где собраны вековые записи и все книги от начала времен существования человечества на Неймерии. Мне удалось найти древнейшие записки Силарда Йонгрофа. Это один из первых ученых на континенте. В них говорится, что сиадалы прежде были людьми, однако в былые времена желание познать магию любой ценой побеждало разум. Поэтому некий Сиадал Зубачес однажды убил эльфийского мага и испробовал его крови. Так. Сейчас. Сейчас.

Руки старейшины дрожали пуще обычного, когда он развернул пергамент и принялся читать.

– Испробовав магической эльфийской крови, Сиадал Зубачес потерял сознание и покинул свое тело на целый сезон Затухания, оставив сердцебиение и дыхание вместо собственной души. Очнувшись через девяносто дней весь в поту и пораженный жаром, он потребовал еды и питья. Сколько бы продовольствия ему ни приносили во благо эксперимента и будущего Неймерии, ничего не могло утолить его измученное нутро. Тогда один из моих учеников, Тофаро Слими, поделился идеей дать убийце еще эльфийской крови. Добровольца мы нашли в лице супруги убитого эльфа, пообещав той взамен ее жертвы выдать Сиадала Зубачеса в ее личное распоряжение под строжайшим запретом пыток и мучительной смерти. К нашему величайшему удивлению, кровь эльфийки придала Зубачесу сил. Но утолив жажду из этого доселе неведомого источника, Сиадал сумел разорвать железные цепи и вырвался на свободу... Так. Так. Вот здесь. Угу. Угу. Преступника отыскать мы не сумели, потому как он выпрыгнул прямо в окно с губельной для любого живого существа высоты, но быстро вскочил на ноги и умчался прочь. Однако укушенный Зубачесом при побеге мой ученик Тофаро Слими, по иронии судьбы и предложивший средство, дающее подопытному нечеловеческих сил, тоже впал в беспмятство, но теперь уже на девяносто один день, и очнулся также чудовищем во плоти.

Затем старейшина аккуратно развернул следующий свиток.

– Мы ставили различные эксперименты, узнав из них о необычайной силе и ловкости сиадалов, названных так в честь первого потерпевшего от эльфийской крови. Узнав о сверхспособностях потерпевших, наш величайший владыка Генор Уйлетан, пусть славится имя его в веках, отдал приказ истребить всех существ подобного рода с лица Неймерии и назначил высочайшую награду за голову каждой подобной особи, удостоверившись при этом, что отсечение головы непременно навсегда лишит жизни окаянных. – Старейшина откашлялся и затянул свои собственные слова. – Как вы понимаете, Ваше Величество, гонение нелюдей по всему северу Неймерии и травля вновь открывшегося вида заставила сиадалов уйти в неизвестном направлении. Но есть у меня подозрение, что Зубачес умер собственной смертью, потому как его головы так никто и не принес.

– Господин Туамон. Из всей этой истории я поняла, что идей, после частичного установления личности убийцы, о том, кто истинный заказчик у вас, как и у нас так и не появилось, верно?

– Верно, Ваше Величество. Все верно. Однако я взял на себя ответственность продолжить эксперименты, описанные в древних манускриптах.

Санли Орегх подхватил удивленный взгляд королевы.

– И позволил себе соединить плоть сиадала с его головой в надежде установить, способен ли и в этом случае организм существа регенерировать, – погруженный в собствен-

ные слова изъяснялся магистр Туамон.

– И что?

– Мне удалось оживить убийцу, и сейчас он находится в заточении... – Старейшина склонил голову. – Теперь является возможным устроить существу допрос и выяснить имя того, кто желает вам смерти.

Сердце королевы забилося, а руки покрылись холодным потом. Она не понимала, порадовало ли ее известие о воскрешении убийцы или напугало.

– Пойдемте, – твердо сказала она в конце концов.

– А господин Орегх пойдет с нами? – как бы невзначай спросил старый Туамон.

Королева глянула огромными от удивления синими глазами.

– О, не беспокойтесь, Ваше Величество. Я только охраняю вашу безопасность. И что касается последствий, я также предусмотрителен. Полагаю, что господин Рихард, – он сделал одобрительное движение головой, – будет надежным стражником, – старик дружелюбно улыбнулся и пошел в сторону выхода, шаркая ногами по каменному полу.

Лаборатория занимала весь первый этаж небольшого двухэтажного здания на территории дворца. Она имела широкий каменный круг в самом центре зала, у стен была за-

ставлена шкафами, что были забиты книгами, вместе с которыми тот или иной написанный в них труд едва удерживался на самом краю полки, имея недостаточно места, чтобы расположиться с комфортом и навсегда. Склянки, пробирки, большие шарообразные сосуды, редкие из которых не были покрыты пылью, располагались на письменных столах. Иные из них брали свое начало на самом полу и благодаря сложному строению заканчивались на высоте роста среднего эльфа и имели один вход для жидкости, которая и должна была пройти через все этапы обработки внутри этого сложного механизма и вытечь снизу в большое деревянное ведро.

Повсюду подвешенные на цепях к потолку болтались большие и маленькие клетки, внутри которых уже совсем сгнили останки каких-то существ. Сами цепи, мебель и большая часть представленных здесь мензурок и пробирок давно покрылись многовековой паутиной, и ни у кого не было ни желания, ни надобности эту паутину убирать и тревожить спокойствие обосновавшихся в здании пауков.

Но путь к одной из клеток лежал через вполне обжитые предметы. Старый деревянный стул, большой операционный деревянный стол, залитый свежей кровью, с множеством медицинских инструментов на нем, очаг, в котором сильно полыхало пламя, письменный стол с раскрытым дневником для заметок, последняя страница в котором не была заполнена до конца. В самом дальнем от входа углу узкая, но высокая клетка болталась под потолком, а из нее свисали две грязные

босые ноги.

Магистр Туамон подошел к стене и, нажав на рычаг, запустил механизм, который, гроыхая старыми цепями на всю лабораторию, стал опускать клетку ниже. Старик отпустил рычаг, и маленькая тюрьма сотряслась, сильно дернув человека, спавшего внутри.

– Опять ты, старик, – пробормотал узник, прикрывая лицо рукой от света, который рассеивался по помещению от очага в центре.

Санли Орегх встал перед огнем, обрушивая свою большую тень на заточенного, что тут же позволило тому убрать руку и схватиться за прутья.

– Если сиадал долгое время будет находиться без доступа к крови, – советник императора говорил, будто бы узника нет в зале, – а кровь ему нужна эльфийская, чтобы поддерживать жизнь, то вскоре он будет слабее самого юного младенца.

Королева улавливала не все слова Туамона, изучая преступника, который накануне чуть не убил ее саму и ее сына.

– Кто тебя нанял? – спросила Антина холодно и грозно.

– Тот, кто нанял, сильно пожалеет об этом, если я проболтаюсь, ведь так? А мы с ним об этом не договаривались. – Сиадал обнажил свои белые клыки в сдержанной, но вызывающей улыбке.

Королева даже не моргала. Она пристально смотрела в глаза узнику и пыталась найти в них зачатки здорового рас-

судка.

– Рубите голову и жгите! – вдруг кинула Антина, развернувшись и пошла к выходу.

Магистр Туамон поплелся за ней, едва поспевая и тут же бросая аргументами не в пользу этого решения. Санли Орегх, звонко лязгнув сталью, обнажил меч.

– Скажу! – крикнул сиадал, сдавшись, но ни капли страха не проснулось в нем.

Он так же спокойно продолжал сидеть, просунув руки сквозь решетку и сцепив их уже на недосягаемой для него самой свободе.

– Мне ничего доказывать не надо.

Королева остановилась, но, еще не обернувшись, продолжала слушать убийцу.

– Ее зовут Люция. Больше не знаю. Я лишь исполнитель и человек, которому вы должны быть благодарны за то, что при возможности не лишил вас жизни.

– Ты не человек, – тщательно отчеканивая каждое слово, произнес Санли Орегх.

– Как скажешь, тот, кто уже убивал меня. Играть со смертью вторую партию в игру, в которой мне уже однажды не повезло, я не собираюсь. – Он осмотрел клетку будто бы в поиске слабого места, чуть поднажав на которое можно было бы высвободиться из плена. – Я вляпался стать тем, кем я стал, а этого опыта предостаточно, чтобы не повторять прошлых ошибок.

Паладин просунул лезвие своего клинка меж прутьев, коснувшись сталью шеи сиадала.

– Ваш рыцарь не убьет меня, Ваше Величество? – спросил ухмыляясь сиадал.

– Еще как убью! – Паладин замахнулся, чтобы со всей силой пустить клинок в голову пленника.

– Стойте, – отрезала Антина и подошла к заключенному в клетке. – Значит, расскажешь все, что знаешь?

Сиадал кивнул с довольным выражением лица.

– Приступай.

– Но вы же не думаете, что информации будет настолько мало, что вы успеете за этот день выведать ее всю и хладнокровно лишить меня жизни под вечер? Не торопитесь. Займитесь более важными делами, в конце концов. А на досуге приходите отдохнувшими и сэкономившими сил.

– Ваше Величество, если вы позволите, я могу казнить мерзавца прямо сейчас и позаботиться о теле, чтобы не допустить грубой ошибки повторно. – Санли Орегху не терпелось помочь умолкнуть наглецу.

– Моими же словами про ошибки меня же бьет. Кто тут мерзавец после этого, еще предстоит выяснить, – продолжал паясничать сиадал.

Выражение лица королевы стало грубым и покрылось пунцовой краской.

– Я понял. К делу. Мне хорошо известна грань, Ваше Величество. Я мог бы встать, чтобы затем упасть вам в ноги,

но как видите... – вдруг он посерьезнел. – Что вы хотите узнать?

– Зачем Люция моя смерть?

– Не думаю, Ваше Величество, что исполнитель может это знать, – с задумчивым видом произнес старейшина Туамон.

– Она хочет стать королевой Дордонии, – протараторил сиадал, обозначая свою осведомленность.

Королева и паладин переглянулись.

– Теперь ясно. Касандра не позволит второму браку случиться при живой жене.

– Дело не в браке.

– Что? – отозвались, казалось, одновременно Антина, магистр Туамон и Санли Орегх.

– Что слышали. Мне было велено убить вас еще в Дордонии, но подготовка заняла чуть больше времени, чем я планировал, и поэтому мне пришлось добираться до самого Творса, чтобы отыскать вас. А тут меня постигла такая неудача. Бездна! Если бы сейчас не было так сложно отыскать какого-нибудь беззащитного эльфа.

– Выходит, Люция... – Паладин посмотрел на королеву встревоженным взглядом.

– Хочет узурпировать престол Дордонии, – закончила королева, как будто знала эту новость задолго до наступившего дня. – Встретимся во дворце. Убейте его.

– Убьете и не спасете брата, – поторопился прервать свою казнь узник. – Драго Уйлетана. Да, я неприятный тип, от ко-

торого никогда не будешь знать, чего ожидать, – махнул рукой Сиадал. – Но я могу с лихвой компенсировать это пользой, которую несусь обществу, что со мной заодно.

– Рассказывай, что знаешь об императоре, – недовольно прошипела Антина, понимая, что вынуждена идти у собственного убийцы на поводу.

– Как думаете, капитан корабля, что мчится сейчас во главе имперской армии, может быть заодно с чародейкой из Дастгарда? – Сиадал поднял одну из бровей. – Может, он той же чистейшей крови, что и я, а? Не может ли он завести корабли в какой-нибудь шторм, который потопит великую творсийскую армию? Ах нет. Там же маги воды. Они все решат. Слава Богам, что император предусмотрителен во всех смыслах! А что... А что, если на самого императора устроят покушение прямо в открытом море? Да быть не может! Тьфу. Что за предположения! Надеюсь, никто не отравит запасы пресной воды на кораблях и армия Его Величества в добром здравии доберется до берегов Дордонии.

– Я поняла, – королева судорожно проговорила одними губами. – Как тебя зовут?

– О, не утруждайтесь, госпожа. Сиадал вполне подойдет, ведь второго такого в Палатонесе вы вряд ли встретите. – Его лицо вновь расплылось в блаженной ухмылке.

– Чего ты хочешь?

– Во-первых, понимания того, что я вам нужен.

– А во-вторых?

– М-м. Мне хватит. Одно это желание и так даст мне множество привилегий.

– Ну, хорошо. Что дальше?

– А дальше соберите бал и множество на нем народу. Тьфу. Этот говор здесь, в Палатонесе, цепляешь, будто бы какую-то заразу, – сиадал поморщился в свои ладони. – Я буду одним из приглашенных на этот бал. В самый разгар я сообщу вам истинные цели заговорщиков, после чего затеряюсь среди множества охмелевших персон из высшего общества, да так, что вы не сможете меня найти. Вы получите свой ход в войне против Дордонии, а я верну назад свою свободу. Честно!

– А если ты обманешь?

– Что вы теряете, Ваше Величество? Меня? На кой я сдался вам? Вы вон убить меня хотели. Вот опять. Тьфу-тьфу. Ну, пропаду я пропадом? Ну, обману! Какая разница?! Лучше варианта у вас все равно сейчас нет.

– Или есть... – Молчавший до этого старейшина Туамон отвернулся к столу, что-то бубня себе под нос, а затем повернулся к Санли Орегху. – Господин Рихард, будьте так любезны, намажьте этим маслом свой клинок и приставьте его к горлу нашего пленника еще раз.

Пока королева с интересом наблюдала, что произойдет дальше, в глаза сиадала успел закрасться страх. Пленник вскочил на ноги и спиной прижался к прутьям позади.

– Ты что задумал, старик? – Сиадал пытался удержаться

на ногах в расшатывающейся клетке.

– Я изучил структуру тела и с интересом взялся за изучение особенностей вашего организма, господин сиадал. Конечно, мало времени было. Крайне мало. Но ночь отдал я чтению записок. Дак вот. Ваш дар, и в том же случае проклятье, получено благодаря эльфийской крови магов, а значит, слабость ваша та же. Это масло... Вернее, не масло даже... Над названием еще не думал я. Но... Это сделано из трита. Я растопил. Выходит, всем, что будет ею смазано, мы сможем вас пытаться.

В этот момент Санли Орегх коснулся облитым маслом лезвием меча руки сиадала – тот поморщился от боли.

– Действует. Отлично. Теперь вы наконец испытываете боль. Ваше тело, по сути, наделено магией, а что блокирует магию, все мы знаем. Более того, уверен, эта разгадка появилась вскоре после объявления охоты на ваш род, но до записок не добралась. Вернее, добралась, но кто-то скрыл эту страницу истории. Я, с вашего позволения, госпожа, этот пробел восполню. Позвольте?

– Пытайте, – решительно приказала королева.

– О Боги! Хорошо! Я расскажу, что знаю. Отвык выносить боль, знаете ли... – Сиадал выдохнул, как будто это он добился своего, а не те, что взяли его в плен.

Глава 12

– Почему мы не могли и на эту ночь остаться у той замечательной женщины? – Юная девочка водила палкой по мерзлой земле, пытаясь вычертить на ней какой-то рисунок, но та не поддавалась.

– Какая ты дурочка, Жельева. Потому что мы сперли у нее все золото из тайника под полом. Если она обнаружит пропажу, то тут же донесет на нас старосте, – ответил Айрик, хотя вопрос был адресован скорее не ему, а Тулу.

Тул покивал головой, подтверждая слова приятеля.

– Но теперь вместо того, чтобы переночевать в тепле, мы все промерзли в этом лесу, хотя даже отсюда виден тот дом, в котором тепло и в котором бы нас сытно накормили перед дорогой. Пока мы ждем завтрака у этого костра, замёрзнем насмерть и никогда не доберемся до Башни Стихий и не спасем странника, – не унималась девочка.

– Если бы мы не взяли у той дурочки все добро, то вообще бы не знали, где эта Башня Стихий. На какие деньги мы, потвоему, купили эту карту? – Айрик повертел в руке сложенный вчетверо листок.

Жельева надула губы и замолчала.

– Не будь кретином, Айрик. – Тул выхватил у товарища из рук карту и принялся ее рассматривать. – Так. Вот эта деревня. Если мы пойдем вдоль Петли Гнома, а здесь свернем

влево, то скоро доберемся до Горы Ревности. А там поднимемся на вершину и освободим странника.

– Вот! На протяжении всего нашего путешествия меня волновал как раз этот вопрос. Как мы отобьем странника, если в Башне Стихий сидят одни из самых могущественных магов в Неймерии? Они сотрут нас в порошок первым же брошенным огненным шаром. – Айрик несколькими ударами сапога выбил из земли камушек, который тут же подхватил и кинул в старшего товарища, изображая ртом звуки врезавшегося в него пламени.

Тул посмотрел суровым взглядом, даже не обращая внимания на то, что камень до сих пор соскакивал по его одежде обратно к земле.

– Вы все слышали, что сказала Ноэми. Наши силы рядом со Спутником станут безграничными. Мы отобьем странника силой.

– Ну и что с того? – Айрик поковырялся внутри своего заостренного уха и, вынув палец, поморщился от вида серой массы, нагроможденной на отросшем ногте. – Как будто маги из башни не сделаются сильнее в присутствии Спутника. Если, конечно, все это правда.

– А что дальше говорила чародейка, ты не услышал, Айрик? – Тул нахмурил брови.

– Что-то там про войну и так далее и так далее и так далее.

– В этих «и так далее» было очень много смысла, друг. Один из которых заключался в том, что ты должен попро-

щаться с заботой о собственной шкуре и принять свою судьбу, если она укажет тебе умереть во имя великой цели.

Эльф выпучил глаза.

– Ты хочешь сказать, что из этого путешествия мы можем не вернуться?

– Я хочу сказать, что никто не выдаст тебе странника без боя и нужно быть готовым ко всему.

Жельева грызла соломинку и постоянно перебегала взглядом с одного товарища на другого.

– Мне всегда казалось, что Боги обделили умом меня, а не тебя, Тул. – Айрик принялся собирать пожитки в дорожный мешок. – Вы как хотите, а я с первыми петухами уезжаю в Творс.

– Трус.

– Что ты сказала? – Айрик покраснел от обиды и повернулся к девушке.

– Я сказала, что так поступают только трусы.

В глазах эльфа запылали пожары.

– Возьми свои слова обратно, девчонка, или я... Или я...

– Или что ты? Убежишь на посылки к императору, как настоящий трус? – произнес Тул, вглядываясь в ветки в костре, которые темнели под натиском огня.

– Ах, значит, трус? – рассвирепел эльф.

Спокойствие и непоколебимость спутников перед его всепоглощающей злостью раздражала Айрика еще сильнее, чем обвинение в трусости. Не в силах контролировать себя, он

раскрыл ладонь и бросил в сторону Тула и Жельевы исполинский огненный шар.

Обузданное пламя, появившееся за одно мгновение, вырвалось из руки обиженного мага и пронеслось рядом с товарищами, съедая дерево за деревом и превращая все на несколько сажений вперед в сплошное пепелище.

– Я... – Айрик взглянул на свои ладони, до сих пор пульсирующие магией.

– Жельева! – крикнул Тул, вскакивая на ноги. – Туши скорее!

Волшебница подняла руки над головой и, сделав несколько круговых движений, обрушила на охваченное огнем пространство потоки воды.

Пламя мгновенно потухло, а подскочивший к эльфу товарищ тут же повалил его на землю.

– Ты что такое сделал? – Теперь Тул смотрел на волшебника вихрями в своих глазах.

– Я не знаю... – заикался Айрик. – Я никогда не мог сделать ничего подобного...

И его лицо стало бледнее снега, который сыпался сверху. Эльф лежал и смотрел испуганными глазами.

– Говори... или я тебя...

– Тул! – послышался голос Жельевы из-за спины волшебника. – Тул! Посмотри. Посмотри скорее!

Тул поднял голову и увидел, что перед ним, замерев на уровне его глаз, в воздухе завис снег, который весь вечер ва-

лил с неба и таял, едва коснувшись земли. Он отпустил эльфа, поднялся на ноги и огляделся.

Жельева стояла, повернув ладони к небу, а ее пальцы грациозно двигались, управляя стихией воды. На версту вокруг всей троицы послушный своей повелительнице снег ожидал ее дальнейших приказаний.

– Кажется, мы уже близко к Башне Стихий, – хихикая собственной забаве, произнесла Жельева.

– Нет, – замороженно проговорил Тул, пробуя собственные силы. – Это странник нашел нас.

Сарвилл покинул Башню Стихий уже давно. Используя все накопленные силы, он попытался сжечь ее дотла, но, не дождавшись, пока пламя разгорится с неугасаемой силой, взял дорожный мешок и покинул проклятое собой же место. Черный дым еще долго преследовал освободившегося из заточения мага, глядя ему в спину с самой вершины Горы Ревности, и исчезал в поднебесье.

Все то время, что медведь преодолевал лестницу, ведущую к подножью, он размышлял над тем, как его отец бросил семью ради того, чтобы служить королю Дордонии и истреблению всей магии. Чаще всего, сам того не замечая, он пытался оправдать родича, хотя, по его же мнению, самым правильным поступком было бы открыть флягу и вы-

пить за то, что предатель и подлец покинул этот бранный мир во благо всех ныне живущих. Разочарованный собственной недалекостью и желанием принимать кардинальные меры здесь и сейчас странник следующей же мыслью жалел о том, что не смог узнать отца до его смерти. Что он сам, собственными руками, убил последнего человека из его рода, хоть и во благо всех еще свободных магов Неймерии.

Спустившись к подножью горы, Сарвилл остановился. Оглядываясь по сторонам, он вспоминал, как некогда тут умерли люди. Подумал о том, как заживо заваленные камнями паладины молили о пощаде и пытались докричаться до живых, но вместо этого он тогда просто забрал принцессу и уехал прочь, даже не подумав о том, что может кого-то спасти. Неподвижные камни, скатившиеся когда-то с горы, теперь спали внизу, запорошенные первым снегом, как будто всегда лежали так. Неподвижно. Ни в чем не виновато.

Что со мной стало? Почему мысли, которые никогда раньше не приходили в голову, теперь собираются вместе и устраивают какой-то судорожный танец, пытаюсь переплясать одна другую?

– Бездна! – проскрежетал он себе под нос, последний раз окинув взглядом округу и вытерев со лба наевшую еще на вершине гарь.

Не понимая, что делать дальше, странник в конце концов все же решил отправиться в сторону Старгорда. В столицу Туурина, куда его должна была благополучно доставить си-

неглазая чародейка, если бы он не ввязался в драку и не задержал их в Лисохвосте, из которого им была уже не судьба уехать вместе.

Весь следующий день он изредка поглядывал на пасть медведя, разинутую на одном из его пальцев, и украдкой проклинал старого эльфа Вастераса за то, что тот не появляется так же неожиданно, как тогда, в пустыне, и не помогает ему как можно скорее добраться до столицы Туурина. В конце концов он оставил всякие надежды на помощь, предоставив судьбе самой решать – чему случиться, а чему нет.

Снег сыпался мелкими хлопьями и оседал на земле, по которой медведь ступал. Сарвиллу еще никогда не приходилось встречать сезон Долгоночия севернее Дордонии, а в Дастгарде, как оказалось, в любое время года было теплее, чем где-либо на всем севере. Порой за всю зиму он ни разу не доставал головного убора из своего сундука в старой хате в Медвежьем квартале, но сейчас он отдал бы все, чтобы укутаться в ненавистные, сковывающие все его требующие свободы движения меха.

Теперь странник, укутанный в свой старый плащ, двигался по большаку, устало перебирая ногами и опираясь на устойчивую палку, добытую в лесу у Горы Ревности и саму попавшую ему под ноги.

– Сгодится, – сказал тогда он сам себе, подбирая оторванную ветвь и очищая ее от мелких веточек. – Путь неблизкий, третья нога будет нелишней.

Сбросив с себя все, кроме мешка с провизией, меча и ученического одеяния с плащом, он побрел в Туурин.

Змеиный Тракт был путем, который не только забирал все силы, но и давал их тем, у кого были истинное желание и цель добраться до места назначения. Поэтому уже на второй день странник встретил деревенскую повозку, груженную сеном и навозом, владелец которой охотно ради компании посадил путника к перевозимому и позволил его ногам отдохнуть в обмен на интересную беседу о мифах о дриадах и охотниках на этих самых дриадах. Сарвилл пожимал плечами всякий раз, когда деревенщина задавал компрометирующие вопросы, чтобы случайно не выдать местонахождения тех, чей подарок сейчас лежал на его коленях, укутанный в кусок синей материи.

Короткими отрезками пути между деревнями, расположенными недалеко друг от друга, и постоянно меняя попутчиков, через несколько дней медведь добрался до Столога – поселка где-то на середине пути от Башни Стихий до Туурина.

– Спасибо тебе, добрый человек! – сказал Сарвилл, стоя возле телеги и опираясь на палку. Укутанный меч он держал в свободной руке.

Его лица не было видно за капюшоном, а торчащая наружу борода, вся покрытая инеем, была похожа на седую и превращала странника в настоящего старика.

– Здоровья тебе, отец! – ответил добрый человек своему

спутнику, который на самом деле стодился бы тому в сыновья, и дернул поводья. Старая кобыла неохотно двинулась с места и потащила телегу за собой.

– Рита! Запомнил? Она тебя накормит! – крикнул напоследок мужчина, оборачиваясь к страннику и уезжая прочь.

Сарвилл оглядел окрестности и нашел глазами колодец. Пройдя от него на запад три дома, он остановился перед просевшей в землю хатой – из трубы на крыше клубился дым, а из-за двери пахло стряпней.

Какое-то время медведь нерешительно простоял у двери, затем заглянул в дорожный мешок и, не найдя ничего съестного, еще секунду посомневавшись, постучал.

– Там кто? – послышался женский голос скорее из окна рядом, а не из-за двери.

– Меня... Ваш брат... – странник не мог подобрать слова.

Дорога, лишения, убийство собственного отца настолько сломили медведя, что теперь он был не уверен в каждом своем движении, в каждом своем слове. Казалось, душа внутри него умерла, а тело, следуя проклятому пророчеству, которое свалилось из ниоткуда, продолжает жить и выполнять свою миссию.

Дверь с усилием вылетела в сторону гостя, раздав протяжный скрип на весь двор. На пороге стояла молодая девушка, весь ее лоб был покрыт потом, а волосы мокрыми прядями падали на глаза. Она зачесала их за ухо и попыталась сдуть остатки тех, что до сих пор щекотали лицо.

– Ваш брат сейчас привез меня в деревню. Он... – странник прервался, оборачиваясь в сторону большака, и вновь поддался сомнениям.

Как бы сильно ему ни хотелось дать ногам отдохнуть и забыться крепким сном, гордость, которая когда-то не давала ему принимать ничью помощь безвозмездно, сейчас не могла позволить попросить ночлега.

– Простите, – наконец уверенно произнес он и уже развернулся, чтобы уйти.

– Пойдите. Если брат сказал, что я помогу вам с ночлегом и провизией, – это правда. Это не зазорно. Великое благо – помогать нуждающимся и давать им кров. Сама Великая Касандра вознаграждает способных жертвовать и делить последний кусок хлеба, – хозяйка улыбнулась, излучая безграничную теплоту.

Тут Сарвилл сообразил, что к чему и по какой причине Дроман настаивал на том, чтобы он обратился именно к Рите по прибытии в Столог. Медведь обернулся обратно к девушке, укрываясь от порывистого ветра, который сорвал с его головы капюшон и обнажил грязные длинные пряди.

– Проходите скорее. Я как раз наготовила пирогов с голубями.

Молча, но благодарно склонив голову, Сарвилл вошел в хату. Теплый воздух обдал его тут же залившееся румянцем лицо. Он оставил палку, ставшую его верным спутником, у порога и прошел внутрь, не выпуская из рук меч, пода-

ренный дриадами, который за все время последних событий стал для него талисманом и невольным свидетелем каждого тяжелого выбора, который ему пришлось сделать.

Зойа и перстень медведя на пальце – это все, что осталось от него. От него прошлого. От того, кто натворил множество бед и принял столько же неидеальных решений. Эти два предмета, связанные неразрывно с ним, напоминали о прошлом и помогали двигаться в то будущее, которого он на самом деле уже не хотел. Сам не понимая почему, но он не отпускал предметы ни при каких обстоятельствах, бережно протирая их каждый вечер, перед тем как лечь спать. Вот и сейчас, усевшись за стол, он положил меч на скамью подле себя.

– Вы, должно быть, очень голодны, раз пропустили бочку с водой, – улыбнулась хозяйка, заглядывая в печь, внутри которой полыхал огонь.

– Простите, – спокойным голосом ответил странник и поднялся, чтобы умыться.

– Почему Дроман не остался и даже не зашел поздороваться?

– Он торопился успеть к жене.

– И правда. До ночи недолго осталось. А снег валит так, что скоро дорогу совсем заметет.

– Госпожа... – начал произносить странник, но его перебил милый хохот хозяйки. – Я что-то не то сказал?

– Нет, что вы. Просто никто и никогда не называл меня

госпожой. – Девушка еще какое-то время продолжала хихикать. – А зовут меня Рита. Брат, должно быть, поведал вам.

– Поведал, – обронил Сарвилл, не называя собственного имени. – Я хочу еще раз сказать вам спасибо.

Девушка поставила перед ним тарелку с пирогами.

– Это долг каждого, кто служит Великой Касандре. Скажите, вы слышали когда-нибудь о Медвежьем квартале в Дастгарде?

Медведь неохотно кивнул головой, отрывая кусок зубами.

– Медведи – истинные служители Касандры. Они помогают каждому, кто обращается к ним за помощью, и за это будут вознаграждены в садах Богини. Ох как я мечтаю когда-нибудь побывать там!

– Я слышал... что там и вправду помогают путникам и живущим в Дастгарде людям и нелюдям, но делают это далеко не безвозмездно, а только если тот человек приносит пользу обществу, – возразил Сарвилл. – Вы же предоставляете кров и еду безвозмездно. Именно поэтому ваш поступок ценится мной гораздо выше.

– А как же медведи узнают, приносит ли пользу обществу гном, спустившийся с Призрачных Гор, или, скажем, бандит из соседней деревни? Ведь они все равно помогут, если тот попросит о помощи. Поэтому то, что слышали вы, путник, – большая выдумка и верить надо единственно Касандре и никому больше.

Странник не стал продолжать стоять на своем, податливо

кивнув в ответ.

– Ваш глаз. Что с ним? – наивно спросила девушка.

– Что? – Сарвилл дотронулся до повязки. Он уже совсем привык и забыл о ней. – Я потерял его.

– А как? Я до жути любопытная. Вы меня извините.

– Ничего. Это несчастный случай. Строил дом в Дастгарде...

– Ясно. А то я уже подумала, что вы тот странник, которого все разыскивают, – девушка снова захихикала.

– Странник? – Сарвилл сделал вид, что удивился.

– Да. Вы что, не слышали? Ах, вы же только с дороги, откуда вам. – Рита шлепнула себя по лбу и уткнула руки в бока. – Приехали давеча гонцы из Дордонии и объявили, что последний странник из Дастгарда, имя у него еще такое дурацкое, не запомнишь. Как-то на Л. Ну, в общем, объявили тут всем такие новости, что этот странник весь великий Совет Тринадцати в Дастгарде сжег и один король, да смилоствится над ним Касандра, убережен остался. Теперь этого бандюгу не только южное королевство ищет, но и вся Неймерия. Говорят, что теперича он угроза не только для тамошнего общества, но и для всего белого света. У нас тут деревенька на пограничье, поэтому плакаты с вознаграждением тууринский с дордонийским королем друг на друга навешивают, а людям все равно. Все равно им уже на вознаграждение. У каждого местного за дверью вилы, чтобы негодного при первой возможности на них посадить, дабы не позволял

себе таких утех и не убийничал безнаказанно. Но иные. Менее смелые. Навроде нашего Сумышки, который сбежал, когда армию Рогар Вечный новую набирал, боятся так, что у них душа в пятки уходит, зная, что тот сейчас где угодно может быть, даже вон среди тех трех магов, которые у меня в снях остановились.

– Магов?

– Ну да. Да вы не бойтесь, батюшка. То, что воля у короля Рогара всех магов переловить, не значит, что все они до единого, как этот... Сагрилл. Точно! Так его и зовут. Касандра жизнь этим магам сохраняет, а значит, ничего против оных не имеет. А Божья воля против королевской для нас, деревенских, знаете ли, все.

– А что же... Сагрилл? Так вы сказали? Его же Касандра до нынешнего времени бережет. Тоже, стало быть, неспроста.

– Его-то она просто изловить не может. Потому как жестокие убийцы наподобие странника этого супротив всякого ее закона стоят. Но можете не сомневаться, кара его настигнет.

– Ну а вы сами, Рита, как это понимаете?

– О! Тут важно своему чутью довериться. А мне мое чутье говорит, что те маги, что и вы, ни в какое сравнение с этим странником не идут. Послушайте. Баню затопить надо, чтобы вы помылись с дороги. Поможете? Да вы смакуйте, не торопитесь. Успеет. С пирогами что не то? – удивленно заметила хозяйка, когда увидела, что Сарвилл перестал сметать

их с тарелки один за другим.

– Нет. Простите, – опомнился медведь. – Всякие мысли в голову полезли. Задумался.

Он откусил кусок и через силу принялся пережевывать, пытаясь не подать виду, что аппетит совсем пропал.

– Да вы не бойтесь. Хотите, я вам в другом месте постелю, если с магами под одной крышей вам боязно? Вы из Дастгарда, а я понимаю, как сильно там их боятся после подобных этому страннику чудовищ. Ежели так, тогда нам вас надо в баню скорее отпустить, потому как они скоро воротиться должны.

– Не хлопчите, Рита. Возможно, знакомство с ними мне, напротив, окажется очень полезным, – ответил Сарвилл.

– Ежели так – вам очень повезло. Я же вам уже сказала, что сама до жути любопытная. И вот накануне я у них все-все выведала.

– Правда? И что же они рассказали?

Рита подозрительно взглянула на странника.

– А вам это зачем же?

– О нет-нет, – Сарвилл дружелюбно улыбнулся, перебарывая бурю апатичных эмоций внутри. – Я не желаю им зла. Просто мне всегда было интересно увидеть настоящего волшебника и тем более магию, которую он творит.

Хозяйка обрадовалась и смело подхватила предложенную странником тему.

– Вы знаете, мне и самой очень хотелось поговорить о них

с кем-нибудь, но эльф мне строго-настрого запретил. Однако вы человек совсем другой, не то, что мои соседи. Вы им зла действительно не причините, я правду чую за версту. Тем более что вы сам волшебник.

– Вы правы, Рита, – признался Сарвилл, выдохнув, и медленно прикрыл открытый глаз, чтобы успокоить волнение.

– Трое этих магов. Ну я говорила уже. Молоденькие. Молодой парень, эльф и девчонка. Парень с девчонкой уж больно молчаливые, редко когда слово молвят, а вот эльф у них за троих разговаривает. Вот он и рассказал мне все, когда его спутники спать ушли. Не то чтобы добровольно, но в игру мы с ним играли.

– Игру? – переспросил Сарвилл.

– Ну да. Правда за правду называется. Это когда наливаешь...

– Да, я знаю, Рита, – странник кивнул.

– Ну вот. Так он мне рассказал, что они с друзьями направляются в Башню Стихий и что им там кого-то спасти надобно. Что у них целый клан магов есть и из всего общества их одних отправили какого-то важного чародея спасать. Ох и могучий этот эльф, стало быть. Еще молодо-зелено, а силищ у него магических, по его же рассказам, хоть сколько армий победить. Я ему, конечно, тоже много чего по дурости поведала, – захихикала хозяйка, – но он добропорядочный волшебник, это сразу видно.

Сарвилл невольно бросил взгляд на медвежью морду на

своём пальце и догадался, что маги посланы Вастерасом.

– Значит, они сегодня вернуться?

– Ох, должны были, конечно. Только вот...

– Что не так?

– Время уже позднее, а я этого эльфа вчера предупредила кое о чем.

– О чем?

– А что, если и вам, батюшка, все перескажу и вы тоже с собой совладать не сумеете?

Странник промолчал, но девушка, не в силах сдержать язык за зубами, продолжила:

– Ну да ладно. Вы-то вон какой мудрый. Вам и не страшно таких вещей говорить. – Она вытерла руки о фартук. – У старосты нашего сын защитником из Инквизиции был, и его маги убили. С тех пор начал он местных мужиков подначивать и с ними заодно каждого чужака в Стологе встречать и мучить, пока не убедится, что у того огоньки в зенках не пылают. До того домучился, что однажды на кого-то знатного напоролся и тогда люди тууринского владыки прискакали и объяснили ему, что так делать не положено и что его казнь за такие проступки ждет. После этого он вроде как притих и только в окно из хаты своей поглядывал уже вот несколько лет на каждого чужака. А как весть пришла о том, что Сагрилл этот весь Совет Тринадцати истребил, все только и ждут, что он опять с цепи сорвется и до плахи допрыгается.

– Ну, это только ваши предположения, – возразил Сар-

вилл. – Время имеет свойство вразумлять людей и дарить им смирение.

– Может, это оно и так, – хихикнула девушка. – Только вы не слышали, какой вой поднялся, когда ему эту новость доставили. Выл он словно зверь какой, а не беспомощный старик. С тех пор мы только и ждем, что он взбесится и все, что копил, наружу выплеснет. Я всех предупреждаю, потому как безопасность прежде всего, а не потому, что мне посплетничать хочется. Вы не думайте. И не выходите со двора лишний раз без надобности.

– В таком случае чужакам задерживаться в вашей деревне и вправду не стоит, – странник устало улыбнулся.

Рита пожала плечами, долила гостю еще молока, и они просидели так еще некоторое время. Девушка расспрашивала медведя о Дордонии, его прошлом, семье, родителях и даже о внуках, до последнего будучи уверенной в том, что он уже стар, беспомощен и доживает свои последние дни на этом свете.

Оставшись в одиночестве и расположившись в предбаннике, Сарвилл сидел на скамье и размышлял о том, что узнал от деревенской девицы, и боялся даже в этом темном помещении снять повязку с глаза, чтобы кто-то случайно не увидел его и не накинулся на месте.

Не замечая сам за собой, он положил ладонь на рукоять меча и крепко сжал ее. В руке забились кровь, разливая по жилам магическую силу. Затем, натянув волосы на бороде,

он уже прислонил лезвие, чтобы дернуть, но вдруг опомнился и оставил и длину волос, и длину бороды, чтобы до последнего скрыть свое истинное лицо от жителей Столога.

Странник проснулся в снях на следующее утро от назойливого луча света, который пробивался через худую крышу, пробегал по рассыпанному по полу селу и взбирался на лицо Сарвиллу, упрямо вглядываясь тому в не закрытый повязкой глаз.

Бессознательно, словно забыв накануне сделать какое-то важное дело, медведь стукнул руками по полу и судорожно нащупал Зойу – грудь в этот момент облегченно опустилась.

– О, вы уже проснулись, господин... – обрадовалась девушка, по своему подобию хлопоча около печи, когда странник вошел в комнату.

– Сар... – начал произносить медведь, но вдруг опомнился, кровь прилила к голове, затем что-то вспомнил и с облегчением закончил: – Вилл. Меня зовут Сарвилл.

– Приятно познакомиться. Спустия ночь, – захихикала девушка, отмечая собственный юмор. – Все у вас там имена на один манер. Да и Туурин не лучше. Одни Чувары да Чавары. Садитесь к столу, чистите яйца, только с печи. Как спалось?

– Спасибо, вы очень добры.

Какое-то время в комнате из звуков раздавался лишь

треск поленьев и скорлупы, которую Сарвилл счищал со своего завтрака.

– Маги так и не приехали? – спросил он как бы невзначай.

– Не воротились, – ответила девушка, обрадовавшись очередному вопросу. – Клянусь, что это все я своими страшилками на них жути нагнала. Ну да ладно. Зато все живы-здоровы. А волшебники все равно вот-вот уже отъехать собирались. Ну и скатертью дорога. Пусть все у них сложится. А вы что за безделушку всюду с собой таскаете, ни в баню, ни в нужник без нее?

Наивный, ласковый, но смущенный смех пробежался по комнате.

– Меч, что ли, какой? Я сначала за свирель чудную эту штуковину приняла, а сейчас вижу, что это и не музыкальный инструмент вовсе. Вы расскажите еще что-нибудь о себе ради Ксандры. А то вот помылись и как моложе выглядеть стали, что мне даже неловко стало, что я вас вчера за старика приняла. А так, кажись, и в мужья мне сгодитесь.

Постоянное хихиканье добродушной хозяйки, приютившей его, медведь поначалу совсем не замечал, но чем больше Рита задавала вопросов о нем и его жизни, тем раздражительнее ему становилось и тем скорее хотелось покинуть хату, в которой вроде все было хорошо, но как-то подозрительно и тревожно.

– Семейная реликвия, – без желания кинул Сарвилл.

– Это что еще значит? Наследство какое получили?

– Вроде того. – Сарвилл засобирался. – Спасибо вам еще раз, Рита. Вы действительно спасаете многих от голодной смерти. Касандра вас вознаградит.

Странник кивнул и направился к выходу.

– Пойдите же. Дайте я вам хоть еды в дорогу соберу.

Но Сарвилла уже было не остановить. Он надел свой потрепанный обесцвеченный плащ, взял палку, без которой уже не мог представить себя идущим по Змеиному тракту, еще несколько раз душевно поблагодарил девушку за приют и вышел в дверь.

Солнечная промозглая погода щипала лицо, но не обдавала лютым морозом. Снег продолжал валить, до сих пор засыпая узкую, но почему-то протоптанную дорожку к хате Риты.

– Далеко собрался, одноглазый? – слышался старческий, но сильный голос. – Ты Ритку Недоумщицу можешь хоть сколько вокруг пальца водить. Да нас только с ней в один ряд не ставь.

Сарвилл поднял голову. Перед хатой стояла толпа крестьян. Все они были настроены решительно и держали наготове вилы, палки, серпы, косы и другие инструменты, предназначенные для работы в полях. Он осмотрел всех открытым глазом. Пожилой, но крепкий старик, стоящий на шаг впереди остальных, ухмыльнулся.

– А ну, глаз покажи, чтобы все убедились, кто ты таков и откуда! – рявкнул он, раскачивая косу в руках.

Странник помедлил, затем пошел вперед, будто бы не за-

метил жителей Столога, пока не уткнулся в два здоровенных плеча, плотно прижатых друг к другу и преградивших ему путь. Небольшим усилием он разнял мускулистые плечи и прошел дальше, вызвав за своей спиной аккомпанемент из зловещих усмешек. Сарвилл слышал, как колотится его сердце, но вместо того, чтобы заглушить его взмахом меча, он клялся про себя, что не прольет сегодня крови невинных.

Через пару шагов ему в голову прилетело что-то тяжелое – странник почувствовал, как струйка теплой крови просочилась с макушки и утекла за шиворот. Он на мгновение остановился, проглотил боль и сделал следующий шаг. Снова камень. На этот раз поменьше и под лопатку. Мышцы смягчили острые края булыжника.

Медведь глубоко вдохнул и стал шагать чуть быстрее, подгоняемый теперь целым градом из больших, средних и маленьких камушков. Он прикрывал голову рукой, в которой держал меч, и, не поднимая глаз с земли, продолжал идти, пока не уткнулся в человека, вставшего перед ним столбом и ударившего его палкой. Страннику пришлось попятиться назад, подчинившись пронзительной боли, впившейся гвоздем в его плечо. Он выглянул из-под капюшона.

Вокруг хихикали взрослые и дети. Старики кидали ругательства вслед за камнями, женщины испуганно прятались за спинами своих мужчин, а те дети, что были постарше, подбегали и плевали в незнакомца, пытаясь со всей силы пнуть по тем местам, которые были недостижимы для их кам-

ней. Взяв неизвестного в живое кольцо, жители Столога одним совершенно единым голосом Рогара Вековечного усмехались над Сарвиллом и подчиняли его своей воле. Странник смиренно упал на колени.

– Оставьте его! Во имя Касандры! – Рита принялась расталкивать собравшуюся перед ее домом толпу.

Тут же сзади ее схватил какой-то бугай и приподнял над землей, чтобы девушка не смогла дотянуться ни до чего ни руками, ни ногами.

– Шалава! Давно не пробовала настоящего мужика. Развлеки ее, Вадыль, – сказал старик, которого слушались крестьяне.

Бугай улыбнулся и утащил брыкающуюся в истерике женщину обратно в дом. В приоткрытом окне не умолкал плач. Мужики ухмылялись страшным крикам, а женщины осторожно поглядывали по сторонам, пытаясь не навлечь на себя постигшую Недоумщицу беду.

Камни продолжали сыпаться в сторону странника с той же силой, прерываясь лишь на время, чтобы дети могли собрать рассыпанные вокруг путника снаряды и вновь приняться обкидывать прокаженного.

Медведь принял свою судьбу. Он твердо решил, что, если все эти предсказания бред, – он умрет. И пусть. Но плясать под наигранную музыку смерти он больше не собирался. Казнить тех, кто были лишь пешками в большой игре предназначений и владык, он больше не желал. Быть орудием в

руках того, кто зачем-то придумал зло, чтобы потом сразить его добром, он больше не будет. А если будет, то мертвым, безжизненным, холодным и равнодушным.

Жаль было лишь Ноэми. Того, что он больше никогда не посмотрит в ее васильковые глаза и не оградит чародейку от верной гибели, которая теперь непременно ждет всех магов на Неймерии. Неужели он никогда не прикоснется к ней? Не заговорит с женщиной, которая столько раз спасала его от смерти и все равно не спасла?

Ну же, думал он про себя. Секите голову – и пусть все закончится.

– Ну? Покажешь второй глаз, зараза? – Один из мужиков сдернул с него капюшон и снял повязку.

Странник стоял на коленях с закрытыми глазами. Мужик ухватил его за подбородок и поднял голову. Глаза Сарвилла открылись – янтарный и голубой зрачки показались народу. В них не было магического пламени. Наоборот, они были тусклы и вместе с медведем готовились умереть. Однако это не помешало толпе восторженно завопить.

– А? А я что вам говорил? – загрохотал староста. – Жгите!

Сарвилла подхватили под руки, подняли с колен и подтащили к столбу, который был заготовлен заранее. Привязав шею и ноги, его руки связали за столбом. Солома, накиданная для костра, немедленно воспламенилась, а толпа разразилась еще большим радостным воплем.

– Он не сгорит, – услышал из-за плеча тот, что снял по-

вязку со странника.

– Что? – отвратительно поморщился деревенщина и обернулся.

За ним стоял эльф. Неместный. Один из тех, кому Рита давала ночлег на неделе.

– Ты еще кто таков? – возмутился староста словам того, что ставил его методы под сомнение.

– Тот, кто остановит это зверство, – невозмутимо произнес эльф.

Из ниоткуда на костер пролилась целая волна воды, затушив пламя и изрядно промочив странника.

Люди, стоящие вокруг костра, вдруг воспламенились, обронули свои вилы, топоры, дубины и мотыги и, охваченные огнем, бросились в разные стороны, издавая ужасные крики.

Взбодрившийся вылитой на него ледяной водой странник с ужасом смотрел, как люди пытаются скинуть с себя горящую одежду и катаются по земле, но все попытки оказывались провальны – они продолжали гореть заживо. Те, кому удавалось спастись от огня, забегали в свои избы, но крыши домов тут же вспыхивали синим пламенем, а двери, подчиняющиеся какой-то невиданной силе, не открывались, когда те пытались выбежать и им оставалось лишь молить о пощаде, оказавшись внутри смертельной ловушки. Всюду плакали женщины, пытаясь упрятать от небесной кары совсем маленьких детей, которые тоже беспощадно загорались и умирали.

– Бездна! – с горечью произнес Сарвилл, глядя на картину ужаса, представшую перед ним.

Посреди улицы три человека в плащах делали движения руками, творя магию.

Храм Касандры, что стоял неподалеку, был единственным местом, которое не горело в этот злосчастный день и в которое сбегались те, кто желал отдать свои судьбы в руки Богини, когда надежда совсем покинула их.

– Стойте! – странник сделал попытку докричаться до магов, но слова терялись в панике и криках предсмертной агонии жителей Столога.

Один из магов заметил, как Сарвилл пытается что-то сказать, и уловил смысл, приказав спутникам остановиться и не жечь единственное не тронутое огнем здание. Уцелевшие продолжали собираться внутри и, прижимаясь друг к другу, смотрели полными страха глазами на четырех магов, оставшихся снаружи.

Один из чародеев подошел к страннику и достал кинжал.

– Отличная мысль, господин! Сейчас все, кто выжил, сбегутся в храм, и тогда Айрик устроит поджог, чтобы не осталось свидетелей. – Волшебник обрезал веревку, сковывающую движения медведя, и кивнул.

Сарвилл обессиленно рухнул на колени.

– Нас прислала Ноэми. Сама она отправилась в Холденфелл. Сейчас закончим здесь, увезем вас и устроим встречу с ней, – проговорил маг.

– Рядом со Спутником я чувствую невиданную мощь, – восклицал эльф, подбежавший следом. – Я сотворил столько огня, сколько раньше мне не удалось бы ни при каких обстоятельствах. А сейчас я даже не чувствую усталости!

Сарвилл глянул на дом, в который последний раз уволокли Риту. Дом был охвачен пожаром, а крыша, как будто ждавшая, когда странник наконец посмотрит в ее сторону, обвалилась, похоронив под собой тех, кто находился внутри. Клубы дыма, золы и пыли поднялись над местом, где днем ранее великодушно приняла Сарвилла верующая девушка.

– Ваш меч, господин Кхолд. – К медведю подбежала молоденькая волшебница и протянула меч.

Ее белокурые волосы торчали из-под капюшона, а совсем юное личико покрылось румянцем то ли от холода то ли от застенчивости.

– Айрик, долго мне еще удерживать дверь церкви? – сказал Тул, когда Жельева положила Зойу перед странником.

– Я готов, – ответил эльф, но отвлекся на Сарвилла, который что-то еле слышно говорил себе под нос.

– Это был не Дастгард, – прошептал странник.

– Что вы имеете в виду, господин? – Айрик наклонился ближе, чтобы расслышать, что говорит Спутник.

Но Сарвилл больше не собирался говорить. По его руке уже разливалась сила меча, отданного ему в дар дриадами.

В одно мгновение клинок распорол брюхо Айрику и показал свое лезвие другим магам, высунувшись из спины убито-

го. Тул не успел сообразить, что происходит, и Зоя мелькнула у него перед глазами, отделив голову от тела. Молодая белокурая девочка наполненными от страха и цунами синими глазами смотрела на Сарвилла в ожидании приговора, не в силах произнести и слова. Медведь пылающими пожарами смотрел в ответ, а рука, в которой томился меч, легко подрагивала. Синие глаза Жельевы хлопали длинными ресницами, а на самых кончиках копилась слезы. Но лицо девушки было непоколебимо – оно было готово достойно встретить смерть, несмотря на юный возраст.

Ее глаза, волосы и хладнокровие напомнили Сарвиллу разных близких ему людей, и, вместо того чтобы поддаться своим эмоциям, он поднял с земли кусок ткани, которая служила Зойе ножнами, и обернул меч.

– Ступай.

– Что? – испуганно произнесла Жельева.

– Уходи. И если я встречу тебя еще раз, не жди пощады.

Чародейка, еще не понимая, что происходит, попятилась назад, развернулась и побежала прочь, скрывшись за хлопьями вновь повалившего с неба снега, в объятьях опустившегося тумана.

Испуганные лица оставшихся в живых крестьян глядели из высоких окон храма. Некоторые из них, уже осмелев от вида крови своих обидчиков, выкрикивали проклятия и угрозы.

– Провались в бездну, маг!

– Будь проклят, странник! Пусть все мертвые вечно жгут твою душу в аду после твоей смерти!

– Убирайся!

– Проваливай!

– Пусть собственные дети съедят твое гнилое сердце!

Видя, что странник не реагирует, жители совсем осмелели и продолжали проклинать его, уже выйдя на улицу и поливая его бранью в паре саженьях, но все еще сторонясь, словно запаршивевшего пса. Еще несколько камней прилетело медведю в голову.

Сарвилл, не смотря в сторону деревенских жителей и не произнеся ни слова, подошел к привязанному к забору коню и успокоил его. Как только мерин перестал трясти головой, странник забрался на него и пришпорил, пустив того в галоп.

Глава 13

– Вот такая история, корчмарь. – Сарвилл вытер губы. – И теперь я здесь, на самом севере, ищу чародейку на краю света, которой обязан жизнью и которую люблю.

Бернард встал из-за стола и прошел уже проторенной дорожкой до чулана и обратно. Налил в свою кружку меда так, что полилось через край, и, не дождавшись, пока спиртное успокоится и перестанет раскачиваться из стороны в сторону, все еще переливаясь через край, впился губами и осушил до самого дна.

– Бурлящая бездна, медведь! В эту историю никто не поверит, – громко прошептал он, еще задыхаясь выпитым.

– Ну... Ты же поверил.

– А знаешь, те, кого ты пощадил, на всю Неймерию тебе репутацию самого кровавого убийцы создали. Еще ты добраться до Холденфелла не успел, а слухи о тебе уже тут обжиться успели и корни пустить.

Вместо ответа Сарвилл поднял кубок и сделал соответствующий жест, призывающий самого себя выпить.

– Нелегко тебе, должно быть, было до сюда добраться?

– И все же я здесь. И ты меня не прогнал, хоть и в слухи эти так же, как и все остальные, верил.

Корчмарь пожал плечами.

– Ладно, Бернард. Вечер уже наступил. – Странник встал

из-за стола и взял вещи. – Спасибо тебе за компанию. Как и обещал, пойду к твоему конунгу спрашивать, чего он хочет и как узнал, что я здесь.

– Береги себя, медведь. – Корчмарь встал следом и протянул руку.

– Бывай, Бернард.

– Приветствую, Сарвилл Кхолд.

Конунг сидел на своем троне и гладил по голове небольшого пса с уродливой мордой.

– Вы хотели меня видеть, конунг Искрад? Я здесь. По правде говоря, я и сам направлялся к вам за помощью.

– Правда? А я думал, что странник, сжегший великую Башню Стихий, истребивший весь Совет Тринадцати в Дастгарде, а затем испепеливший небольшую деревеньку под Туурином под названием Столог в сговоре со своими приспешниками, будет осторожнее и не станет бросаться на каждого правителя с просьбами, а, наоборот, притаится и будет остерегаться любого внимания к себе. Ты знаешь, ведь каждый пьяница на Неймерии слышал о тебе и твоих проступках, а ты вон даже повязку ленишься на глаз надевать.

– Мне терять больше нечего. А если вы думаете, что теперь люди глупы и каждого с повязкой на глазу не принимают за странника, то вы не умнее их.

– Осторожнее, медведь. Я гостеприимен, но нетерпелив.

– Прошу прощения, конунг. Дорога в Амарилиз и вправду далась мне нелегко.

– Я понимаю. У нас с тобой гораздо больше общего, чем ты думаешь. Мою жену сожгли инквизиторы много лет назад. Она была магом Воды.

Странник промолчал, хоть и знал, чего от него в этот самый момент ждут. Однако он уже давно поклялся себе не сочувствовать другим, следуя примеру тех, кто никогда не жалел его.

– А моя дочь пропала без вести, – продолжил конунг. – Именно поэтому я ненавижу всю Дордонию, ее короля и Орден Защитников больше собственных конечностей. А знаешь, они не позволяют мне передвигаться самостоятельно. Ненавидеть что-либо больше этого сложно.

Странник продолжал молчать. Странный пес сопел на весь зал и глядел на Сарвилла двумя большими широко раскрытыми карими глазами.

– Я дам тебе войско, – внезапно уронил конунг. – Двадцать тысяч северян – мужчин, женщин и подростков, способных не только драться, но и завоевывать.

– Но... – ошарашенный неожиданным великодушием медведь растерялся.

– Взамен мне нужна голова короля. Рогара Вековечного. Я знаю, что двадцать тысяч недостаточно, чтобы взять Дастгард, но мне также известно, что у тебя есть маги. А войско

Холденфелла и войско магов – уже целая армия, способная на многое. Не припрятано ли у тебя еще каких козырей в рукавах?

– Не припрятано. Теперь мне ясно, чего вы хотите, но мне нужно некоторое время, прежде чем я смогу дать ответ. Нужно закончить одно дело. Собственно, надеясь найти ответ, я и оказался в Холденфелле.

– Говори.

– Я ищу чародейку. Я слышал, что она уехала на север, и, раз уж вы узнали обо мне, значит, могли слышать и о ней. Ее зовут...

– Ноэми, – конунг закончил за странника.

Сердце странника быстро заколотилось.

– Ты слышал о ней?

– Она моя дочь.

Медведь с еще большим удивлением посмотрел на мужчину, сидящего на троне.

– Ноэми сейчас на берегу...

– Я вернусь.

Странник не стал дожидаться, что еще скажет конунг, развернулся и быстрым шагом вышел на улицу. Странное сияние в небе освещало улицу, как будто на дворе был еще самый разгар дня, а солнце не зашло, а на самом деле светило откуда-то из-за гор. Вне досягаемости глаз.

В его голове тут же пронеслись все события с момента последней встречи с чародейкой. Они были вместе так недолго.

го, но теперь он хотел видеть ее больше всего на свете. Прикоснуться к ней. Обнять ее – и плевать, если она оттолкнет. Плевать, если снова начнет говорить, что они не могут быть вместе. Плевать, если рассердится и в порыве злости позволит ему захлебнуться. Сейчас для медведя на всем свете не было ничего важнее Ноэми – ее взгляда, ее голоса, ее прикосновения.

Что будет сейчас, когда она посмотрит на него? Обвинит в том, что он не доехал до Старгорда, в который она, рискуя своей жизнью, везла его? Обрадуется его появлению и отпустит очередное циничное замечание? Безразлично взглянет и сообщит какие-то важные вещи, на которые ему плевать?

Мысли о том, что произойдет, когда они встретятся, менялись одна за другой, поднимая целый вихрь в голове странника, закручивали бесконечную череду возможных исходов и не давали ни на один из них ответа потому, что, как только странник задерживал внимание на чем-то одном, оно тут же исчезало и заставляло думать уже о третьем, затем о четвертом, о пятом, шестом и так далее и так далее. Единственное, что объединяло весь ураган этих мыслей, – была Ноэми. Чародейка. Одна из самых могущественных волшебниц на Неймерии, стоящая где-то в виде образа, который он четко помнил, и смотрящая своими васильковыми глазами, как он бежит к ней.

Конь, которого он забрал в Стологе, галопом спускался с горы и вилял к берегу вслед за дорогой. Люди, беззаботно

бродившие по улице и доделывающие все свои дневные дела, в ужасе расступались перед бесстрашным всадником и кидали ему вслед проклятия.

Сарвилл несся среди недостроенных лодок, деревянных домов, загонов для скота, опустевших рыночных лавок, нищих, укутанных в обветшалые меха. Тонкий месяц, подвешенный на небесах, следовал за странником с интересом, подглядывая, куда тот спешит этим совершенно обычным вечером.

Оказавшись на небольшом холме, с которого было видно берег, он увидел ее. Ноэми стояла вдалеке, повернувшись лицом к морю, но медведь точно знал, что это она. Ее тонкая талия тенью бросалась на воду, убегая от яркого месяца, который странник привел следом за собой.

Сарвилл спешил и пошел медленным шагом. Теперь он не торопился. Теперь ничто не могло забрать ее у него. Вот она. В пределах видимости. И если хоть кто-то посмеет сейчас отнять ее, он тут же превратит наглеца в пепел. Больше никакой пощады. Никаких уступок самой судьбе. Он будет брать все, что принадлежит ему по праву всех этих надоедливых предсказаний, и, если кто-то решит пойти против его воли, он не станет слушать.

Его руки странным образом дрожали, дыхание перехватывало в груди, и весь ворох нещадных мыслей, преследующих его всю дорогу, больше не крутился в голове. Он смотрел на силуэт чародейки, наслаждаясь каждой деталью само-

го желанного для него образа. Медведь жаждал немедленно оказаться рядом с ней и в то же время не хотел этого. Он так и не нашел ответ на вопрос, что будет дальше. Что будет, когда она посмотрит на него.

Порыв ветра подул со стороны моря, словно подсказывая Ноэми, чтобы она обернулась, и ее голова послушалась. Сарвилл увидел это и остановился в нескольких саженях.

– Ноэ... – еле слышно сказал он, утопив свой голос в приливе Рваного Моря.

– Сарвилл... – голос чародейки задрожал. Она не оборачивалась полностью, видя лишь очертания странника.

– Почему ты плачешь? – неуверенно спросил он.

Волна накатила к самым ногам волшебницы, и черная от ночи вода медленно уползла обратно.

– Я... – Она не договорила.

Он сделал несколько шагов вперед и встал рядом, вглядываясь во тьму, что царила над морем, вслед за ее взглядом. Он посмотрел на Ноэми. Теперь медведь наконец видел ее лицо, слезы отражали свет огней, которые Сарвилл пустил вокруг, чтобы рассеять тьму.

– Я чувствую твою силу, медведь. Ты не терял времени даром... – Она постаралась сказать это тем железным голосом, которым говорила обычно, но в конце концов что-то задушило ее слова.

Чародейка словно боялась смотреть на него и лишь теребила в руках бирюзовый медальон в форме солнца, подарен-

ный ей странником еще в Аарде.

– Я многому научился с нашей последней встречи...

Она не ответила. Не могла. Ком, стоящий в горле, просто не позволял этого сделать. Если она что-то скажет, то больше не сможет себя контролировать и разрыдается как маленькая девочка. Поэтому вместо ответа звучал лишь голос волн, что накатывали на сушу, ударяя обломки старых разрушенных кораблей о камни на берегу.

– Я искал тебя с тех пор... – сказал наконец он.

– Я знаю... – у Ноэми получилось вымолвить. Коротко. Быстро. Скупно.

– Прости меня. Я не послушал и все равно вернулся за тобой.

– Я знала, что не слушаешь.

Он хотел взять ее за руку, но она отпрянула. Странник тут же перестал, чтобы не спугнуть свое счастье, так осторожно трепетавшее неподалеку, но готовое встрепенуть крыльями и улететь.

– Все же. Почему ты плачешь?

– Я говорила, что мы не можем быть вместе, помнишь?

– Да. Когда я дарил тебе этот медальон.

– Это еще не все.

– Что?

– Теперь ты Огонь, Сарвилл. Настоящий!.. – Последнее слово вырвалось у нее из груди, словно пламя, в которое плеснули масла, и подобно реву львицы, потерявшей своих

детей, ее стон разнесся по пустынному берегу.

Сарвилл хотел обнять волшебницу, но страх испугать ее остановил его. Он молчал, пока она не смогла вновь ровно дышать.

– Прости, что не сказала тебе этого раньше... – Теперь у Ноэми легче получалось говорить.

– Я всегда был огнем. О чем ты говоришь?

– Ты стал очень силен, и теперь огня в тебе больше, чем плоти.

– Брось говорить загадками, Ноэ. Я побывал в самой бездне, чтобы найти тебя.

– Ты всегда знал, что я Вода. Ты же знаешь, что вода делает с огнем?

– Знаю, но...

– Теперь ты никогда не сможешь прикоснуться ко мне, Сарвилл.

В глазах Сарвилла запылало пламя.

– Это неправда, – он начал мотать головой как помешанный. – Дай мне руку, Ноэ.

– Нет.

– Дай мне руку, Ноэми! – не помня себя от ярости, он прокричал в темноту и сбросил плащ.

Его рука тянулась к ней, разбросав вокруг множество огня, но, не переступая невидимую черту, ждала ответа.

– Прикоснись ко мне, Ноэ, – сказал он уже более спокойно, но теперь умоляя ее сделать это.

Слезы по щекам чародейки скатывались чаще и падали на снег, с которого их тут же слизывала соленая вода. Но она поддалась, медленно потянув свою ладонь к его.

Рука Сарвилла стала ярко-красной, делаясь все ярче и ярче, чем ближе становилась Ноэми. Невидимая сила пыталась оттолкнуть его ладонь, но он удерживал ее изо всех сил, уже понимая, что что-то мешает им прикоснуться друг к другу. Ладонь Ноэми двигалась медленно. Чародейка тоже ощущала его сопротивление, а вся ее рука светилась голубым.

– Все, Сарвилл. Я не могу больше.

– Нет! Продолжай! Прошу! – выкрикнул он из последних сил и упал на колени.

Не в силах больше удержать собственную руку, он сделал рывок и обхватил ее тонкие пальцы. По венам разлился жуткий холод, и его дыхание перехватило. Медведь чувствовал, что сердце начало биться медленнее, и упал на гальку, выпустив руку Ноэми из своей.

Странник лежал, тяжело дыша, и не мог произнести ни слова. Ярко светящийся все это время месяц спрятался за небольшую тучу, словно больше не мог подглядывать за несчастными.

– Бурлящая бездна! Этого не может быть, Ноэ! Почему ты не сказала? Почему? – Сарвилл спрятал лицо в ладонях, все еще не в силах подняться.

– Есть то, что важнее нас двоих, Сарвилл. То, что мы испытываем друг к другу, не должно быть выше тысяч невин-

ных жизнью. Я люблю тебя, но... – Она провела рукой по щеке, которая теперь совсем высохла.

Ноэми, казалось, хотела еще что-то сказать, но вместо этого только испустила дрожащий выдох. Надела перчатку и ушла, растворившись в темноте ночного Амарилиза.

Войско северян собиралось за стенами города. Реки из воинов в мехах на плечах и щитах за спинами стекались в одно большое разносортное море. Вороны над армией конунга кружили, словно ожидая, когда те наконец двинутся с места и приведут птиц туда, где их ждет настоящий пир из никому не нужных, разбросанных по земле останков проигравших. Казалось, на своем языке они созывали все больше и больше сородичей для дальнего путешествия, чтобы в награду в конце пути накормить их досыта.

Сарвилл глядел на собирающуюся армию с высоты одной из охранных башен города, все еще раздумывая обо всем, что произошло накануне.

– Эта армия твоя, – у странника из-за спины зазвучал голос конунга. – Распорядись жизнями этих людей по уму, Сарвилл.

Странник молчал.

– Знаешь, очень сложно найти баланс между жизнью и смертью. Между виной и невиновностью. Между страхом

и бесстрашием. Но настоящий лидер может это сделать, несмотря ни на что. Лидер тем и отличается, что способен на то, на что не способны остальные. Он способен видеть невидимые очертания этих самых границ и ступать прямо по ним, ни на миг не заходя за пределы. Сейчас в твоих руках одновременно и жизнь, и смерть этих людей. Ты можешь стать виновным в их гибели, если не в тот момент поддашься страху, или стать виновным в их славе, что приведет к бесстрашию. Не станет ли та самая смелость началом их конца? Ты должен чувствовать это, слышишь? Отныне любое неправильное решение обойдется тебе в двадцать тысяч раз дороже тех, что ты принимал прежде.

Вороны каркали на всю округу, рассеивая утреннюю тишину, которой привык дышать город в это время. Редкий снег валил с неба и залетал под крышу башни, чтобы потом, раздражая медведя, забраться ему за шиворот и превратиться там в ледяные капли.

– Крепость Нордхолл, – вновь начал конунг, так и не услышав ни единого слова в ответ от странника. – Это карта.

Пергамент шлепнулся о каменный пол позади медведя, дав понять о месте своего нахождения.

– Крепость давно заброшена и сейчас непригодна для жизни. Однако если назначить людей подлатать ее, организовать поставки провизии и сырья, то получится вполне пригодный для жизни и войны замок. Мои предки строили ее давным-давно, во времена войны с Городом Гор. На твоём

месте именно там я и собрал бы армию, прежде чем выступить в Дордонию. Хотя решать тебе.

Голос конунга утих.

– Благодарю. За все, – сказал наконец медведь.

Он обернулся, но позади стоял только пустой стул, а на полу лежал пергамент. Сарвилл взял карту и спустился вниз.

В стойле, где стоял его конь, была еще одна черная кобыла, а рядом с ней стояла Ноэми.

– Войско готово, медведь. Мы выйдем по твоему приказу, – сказала чародейка, расчёсывая гриву своей лошади.

– Твой отец дал мне карту крепости, куда мы направимся. – Странник протянул сверток волшебнице. – Ты же теперь мой советник. Проложишь путь?

– Конечно... – Она помедлила, но все-таки взяла карту, слегка кивнув головой. – Что-то еще?

Сарвилл молча запрыгнул на коня. Чародейка последовала его примеру. Лошади медленно зашагали по двору.

– Маги, о которых ты говорила. Как нам собрать их?

– Я передам информацию о месте нашего нахождения, как только мы доберемся до крепости. Маги придут следом в самое ближайшее время. Нужно проверить, пригодна ли она для того, чтобы собрать там армию.

– Хорошо.

Лошади шагали вперед в тишине.

– Твой пес. Где он?

– Он останется в Амарилизе. С отцом.

– Я почувствовал магию рядом с ним. Расскажешь, как ты нашла его?

– Конечно. Путь долгий.

– И еще кое-что, Ноэ.

– Да?

– Если ты думаешь, что я сдался, то ты совсем не знаешь меня. – Два ярких разноцветных глаза сверкнули из-под капюшона.

– Я знаю тебя, Сарвилл, – ответила она и пришпорила свою кобылу, оторвавшись далеко вперед.

Корабль раскачивало на волнах в самый разгар разбушевавшегося шторма. Паруса рвались под натиском капризных порывов ветра, а куски парусины улетали за борт, опускаясь на высокие черные волны, освещаемые всплеском молний на бескрайних просторах Вечных Вод. По палубе бегали матросы, пытаясь докричаться друг до друга жуткими воплями, тянули за канаты, набирали воду в ведра и выплескивали за борт. Мачта гнулась, крепко держась за палубу и перевешивая то один борт корабля, то другой. Люди скатывались сначала к одной стороне, потом к другой, удерживаясь за края судна из последних сил. Однако везло не всем, и некоторые переваливались за борт вслед за предметами, летящими в Вечные Воды.

– Ну и время ты выбрала! – заорал один из матросов, схватившись за край корабля.

Девушка ответила только измученным взглядом и убрала мокрые волосы с лица. Недолго смотря на матроса рядом, она вдруг застыла, а затем ее вытошнило прямо перед равнодушным.

– Ха-ха! – матрос засмеялся, щурясь от капель, врезавшихся ему в лицо. – Твой первый шторм, красавица? Не бойся! К ним быстро привыкаешь! Это в первый раз ощущение, будто тебя насилуют, а потом словно на качелях качаешься!

Большая волна подняла корабль над водой, а затем опустила обратно, переваливая мачту на другую сторону. Все, кто держался за борт, покатались в противоположную сторону, ударяясь о заграждение.

– Видишь?! – сквозь порывы ветра, несущие капли и крики других пассажиров, орал матрос. – Так покувыркаемся и выйдем из него! Ищи глазами место, где меж туч просвечивает свет, и просто жди, когда корабль сам туда доплывет!

Очередная волна подняла судно и перебросила всех на другую сторону.

– Совсем тебе тяжело, гляжу! – Матрос смотрел на вцепившуюся в бакштов девушку и улыбался. – Давай вместе...

Он не успел договорить. Новая волна на этот раз не подняла корабль, а захлестнула его сверху. Место, где до этого сидел матрос, опустело.

– Вот тебе и качели, – девушка буркнула себе под нос, вся

дрожа от холода и все еще держась посиневшими руками за бакштов.

Пальцы уже соскальзывали, и правильно бы было перехватиться, но тело не слушалось и не хотело отпускать ту единственную ниточку, соединяющую ее с жизнью.

Накатила новая волна.

– Лиана! Бездна! Что ты делаешь на палубе? – кричал скользящий на своих коротких ногах полный молодой человек с обвязанным вокруг живота канатом.

– Я могу это остановить, Седрик! Только мне безумно страшно и не получается сосредоточиться!

– Ты скорее канешь в пучине Вечных Вод, чем сможешь остановить шторм такой силы! Хватайся за меня! Надо спуститься в трюм!

– Нет! – принцесса категорично замотала головой, и ее вновь стошнило.

– Бездна! – Седрик огляделся и еще туже затянул канат на животе.

Он окинул взглядом разнообразие флакончиков, висящих на поясе, и провел по ним пальцем, останавливаясь поочередно на сосудах с жидкостью внутри – оранжевого, фиолетового и пурпурного цветов.

– Выпей это! – Он достал флакон с пурпурной жидкостью. – Некоторое время это позволит тебе парить в воздухе! Если успеешь разогнать тучи, то, когда действие закончится, упадешь на палубу! Главное – все время держись над кораб-

лем, поняла?! Если действие закончится в момент, когда ты будешь над водой, то умрешь...

– Я поняла! Давай флакон! – не стала дослушивать принцесса и протянула руку.

В этот момент очередная волна накатила на судно, расталкивая матросов по палубе и унося в воду всех и все, что было не способно удержаться за корабль. Седрик выпустил флакон из руки, чтобы удержать принцессу.

– Нет! – закричала Лиана, видя, как вода утекает с другой стороны палубы.

Приглядевшись, Седрик заметил, как сосуд с пурпурной жидкостью застрял между досок неподалеку.

– Держись! Сейчас я достану его!

Алхимик отвязал канат и протянул его волшебнице.

– Обвяжись! Сейчас!

Лиана что-то кричала Седрику, но он уже не слышал. На полусогнутых ногах и расставляя руки в стороны, алхимик пытался удержать равновесие и медленно передвигался к заветному флакону. Где-то вдалеке на его глазах прямо в поверхность воды ударила молния, осветив обломки корабля, бочки и людей, которые в этот самый момент плавали за бортом. Затем раскаты грома пронеслись в небе. Седрик зажмурился, пытаясь успокоиться.

Внезапно накатившая сзади, но несильная волна ударила в спину и уронила алхимика на деревянный пол, врезав его лицо в доски в нескольких дюймах от места, где был за-

ветный флакон. Стекло бутылочки под натиском той же волны оторвалась от застрявшей в щели пробки, а пурпурная жидкость растеклась, смешавшись с водой.

– Бездна! – выругался он, схватив флакон и зажав большим пальцем горлышко, чтобы сохранить остатки зелья.

– Все, что осталось, Лиана! – еле слышно прокричал в гуле бушевавшего шторма алхимик. – Теперь у тебя будет гораздо меньше времени! Справишься?

Принцесса схватила бутылочку и тут же влила все содержимое в рот. Очередной каприз стихии потрянул корабль, но теперь Лиана не почувствовала инерции, которая, по обыкновению, толкала ее из стороны в сторону. Она мельком бросила взгляд под ноги и увидела, что парит в нескольких дюймах над поверхностью. Этого было достаточно.

Не теряя ни секунды, волшебница подняла руки перед собой и, широко расставив пальцы и закатив глаза, принялась представлять себе, как потоки воздуха, царящие здесь повсюду, собираются в один-единственный шлейф могущественного ветра и направляются к небесам, чтобы развернуть плотный темный слой, состоящий из набухших влагой туч. Открыв глаза, она увидела, как просвет над ее головой появляется на самом деле, а невидимая полоса режет облака, позволяя лучам солнца падать на измученную штормом поверхность Вечных Вод. Полоса развернулась и понеслась в другую сторону, разрушая стройные ряды грозowych туч и проникая в тыл, туда, где плотный слой облаков был уязви-

мее всего.

На лице Лианы успела мелькнуть мимолетная улыбка, но еще до того, как ее глаза засверкали блеском победы, невидимая сила, что держала ее в воздухе, вдруг испарилась и опрокинула принцессу на палубу все еще раскачивающегося корабля. Раны, что нанесла чародейка небу, в которое сейчас разочарованно смотрела, затягивались, а тучи с жадностью стали поедать друг друга.

– Нет! – обессиленно крикнула она, все еще сдерживаемая канатом, обвитым вокруг своей талии.

Седрик подскочил к ней на удивление быстро.

– В трюм, Лиана! Здесь больше нечего делать! Ты сделала что могла!

– Нет! – возразила она, впившись в алхимика яростным взглядом.

Седрик сперва отпрянул, но потом вдруг закричал:

– Тебе не нужно зелье!

– Что? – Лиана держалась за канат и смотрела на мачту, размышляя, как бы привязаться к ней и закончить проклятый шторм.

– Я говорю, что тебе не нужно зелье, Лиана! Что позволяет птицам летать?! – Алхимик сделал паузу, но не ждал ответа. – Крылья! Крылья и ветер! Твои крылья – это твоя магия! Слышишь? А ветер везде, его хоть отбавляй!

Лиана внимательно смотрела на алхимика, думая не о его лице, на которое сейчас был устремлен ее взгляд, а раз-

мышляя над тем, что он сказал. Затем, вновь закрыв глаза, она представила, как потоки ветра вокруг собираются в одну-единственную невидимую сферу, сферу, в которой способна уместиться только она и внутри которой существуют все виды ветра, которые она только могла себе вообразить. Эти потоки ласково обвивались вокруг ее тела, щекоча каждый дюйм пространства на коже и вызывая тем самым бесчисленное количество мурашек. И вот она уже не чувствовала тверди под ногами, а грудь наполнялась тем самым воздухом, который вознес ее ввысь.

Надоедливый внутренний голос, не дававший покоя ни на мгновение, с тех пор как она закрыла глаза, теперь настойчиво приказывал открыть их и перестать наслаждаться объятиями этой магической сферы. Лиана послушалась.

Теперь перед ней простиралась бесконечная гладь еле различимых в темноте Вечных Вод, а далеко внизу, размером с ее кулак, в свете бьющих вокруг молний на волнах трепыхался корабль. Мигом сообразив, что она оказалась гораздо выше, чем предполагала, Лиана вскинула руки перед собой.

И только она начала творить заклинание, которое наконец сможет рассеять беспросветные тучи, как сфера, что держала ее в воздухе, стала все слабее щекотать ее кожу, пока невидимый кулак вовсе не выпустил принцессу из невидимых пальцев и она не полетела вниз, подгоняемая бьющим с небес ливнем.

«Слишком слаба», – пронеслось в ее голове прежде, чем

она вновь сосредоточилась на сфере, что должна была удерживать ее в воздухе.

Та же заботливая рука тотчас подхватила летящую в воду принцессу и понесла ввысь. На третью попытку может не хватить сил, подумала она и медленно выдохнула, словно боясь отпустить воздух, который был в ее груди.

Все еще воображая ту заветную сферу, которая позволяла ей парить, Лиана подняла одну только правую руку. Долгожданная полоса света принялась резать облака, словно скальпель, который резал тело, только вместо крови из туч проливался свет. Он тут же въедался в Вечные Воды, захватывая все пространство верста за верстой, успокаивая разъяренные волны и останавливая проливной дождь. Слово сорвавшиеся с якоря, облака поплыли куда-то вдаль, позволяя дню воцариться на борту корабля и всюду вокруг до самого горизонта.

Лиана выдохнула, но вместе с воздухом ее покинули последние силы. Она потеряла сознание, сорвавшись с небес, и полетела вниз.

– Ты пришла в себя? Наконец-то. – Сквозь больной туман виднелось говорящее лицо, которое сейчас невозможно было узнать.

Лиана несколько раз моргнула, и очертания человека ста-

ли четче. Это был Седрик.

– Где мы? – хотела произнести она, но вместо этого издала какой-то нечленораздельный протяжный звук.

– Сейчас. Я дам тебе воды. Давай. Выпей. Вот так! Потихоньку. Не торопись. Не торопись. Хорошо.

Седрик хладнокровно оторвал флягу от ее губ, которые все еще тянулись к горлышку – вода пролилась ей на шею.

– Пока хватит. Потерпи пару минут, я дам тебе еще, – сказал алхимик и убрал руку с ее плеча, так что принцесса вновь рухнула на взбитую под ее головой солому.

Место, где она сейчас находилась, чем-то напоминало ей шалаш. Один из тех, что она строила в далеком детстве и где любила проводить время.

– Я умерла? – спросила она теперь разборчиво, но до сих пор слабо проговаривая каждую букву.

– Что? Нет! – алхимик рассмеялся в ответ. – После того как ты спасла всех нас, мы прибились к месту, что называется Дождливый Утес. Сейчас мы тут.

Снаружи барабанил дождь.

– Проклятый дождь.

Алхимик вновь рассмеялся.

– Еще не слышал, как ты бранишься. Не вселился ли в тебя кто-нибудь, пока ты летала на тот свет?

Седрик вновь обнажил свои белоснежные зубы, затем приподнял ее и дал воды.

– Спасибо, – сказала Лиана, на этот раз самостоятельно

отстранившись от фляги. – Как давно мы здесь?

– Четыре дня.

– Четыре? – удивленным голосом произнесла она. – Надо идти. Мы потеряли столько времени! Он может не дожить до нашего появления.

– Успокойся. Его там нет.

– Как нет?

– Мы были в Башне Стихий, пока ты спала. Сейчас она больше похожа на не пригодный ни для чего огарок. Похоже, что Сарвилл хорошенько спалил ее прежде, чем мы пришли.

По щекам принцессы покатались слезы.

– Где он сейчас? Ты знаешь?

– Нет... – Алхимик раздосадованно опустил голову.

– А жив?

– Не знаю, принцесса.

Лиана закрыла лицо руками. Алхимик молчал, зная, что сейчас нет ничего лучше, чем дать волю эмоциям. Он дождался, когда она успокоится и вытрет щеки.

– Но есть кое-что, о чем ты должна знать...

Глаза принцессы сделались большими, а в них закрутились вихри.

– Мы нашли неподалеку тело некоего чужеземца. – Седрик достал из-за пазухи исписанные листы. – Этим именем он подписывался в конце каждой из этих бумаг.

– Что в них?

Снаружи громыхнуло.

– Вся история Сарвилла, будь я проклят.

Конец второй книги. Читайте третью книгу из цикла под названием «Лик Ветра»